Жел.
Б53 7
т. I 17
Б. Ф.
Х 1
Б53 7/17

В. А. ПОТТО.

ДВА ВѢКА
Терскаго Казачества
(1577—1801).

ТОМЪ I-Й.

6137

Б83 7/17 бор

U/1173

Б53 7/17

БИБЛIОТЕКА
А. Н.
КУРОПАТКИНА.

В. А. ПОТТО.

ДВА ВѢКА
Терскаго Казачества
(1577—1801).

Томъ I-й.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.
Электропечатня Типографiи Терскаго Областного Правленiя.
1912.

БИБЛІОТЕКА
А. Н.
КУРОПАТКИНА.

ВВЕДЕНІЕ.

Русская исторія есть исторія необычайнаго богатырскаго роста русскаго народа. Такова была его историческая судьба. Великому народу нуженъ былъ великій просторъ. Ему нужны были моря и океаны, иначе онъ такъ и остался бы навсегда въ тѣсныхъ предѣлахъ Кіевскаго княжества и въ лучшемъ случаѣ Московскаго царства. Кіевскіе князья это поняли и повели борьбу съ сосѣдними народами, раздвигая все дальше и дальше предѣлы своего государства. Эта борьба получила свой историческій смыслъ еще съ той поры, когда въ волнахъ Днѣпра, подъ звуки молитвенныхъ гимновъ, зародилось самосознаніе русской національности, освятившей въ сердцѣ Руси эту борьбу въ великій культурный подвигъ.

На туманномъ фонѣ нашей ранней исторіи уже рельефно обрисовываются титаническія фигуры нашихъ богатырей, передовыхъ русскихъ бойцовъ, стремившихся все дальше и дальше отъ Кіева въ ту манившую ихъ, безграничную какъ море, синюю, таинственную степь. Величаво-трогательными чертами характеризуетъ нашъ былинный эпосъ этихъ полуисторическихъ, полумиѳическихъ піонеровъ русскаго поступательнаго движенія въ глубь степей, изъ нѣдръ которыхъ, подобно урагану, налетали на Русь дикія орды кочевниковъ. Онѣ мѣшали намъ жить; ихъ надо было отодвинуть, покрайней мѣрѣ лишить возможности наносить намъ вредъ. Въ этомъ и лежала задача нашихъ богатырей. Но на ряду съ титаническою силой, сокрушавшей все, что осмѣливалось преграждать имъ путь, богатыри эти отражали въ себѣ и всѣ исконные идеалы русскаго народа—великодушіе къ побѣжденнымъ врагамъ и сознаніе важности и святости семьи, а слѣдовательно и государственности. Какъ Добрыня Никитичъ, прежде чѣмъ отправиться въ путь, проситъ у родимой матушки «Благословеньица великаго ѣхать въ дальнія орды, во нимирныя», такъ Илья Муромецъ—матерой казакъ-«ратоборецъ»—получаетъ отъ родного батюшки священный наказъ: «Не помыслить зломъ на татарина, не убить въ полѣ христіанина». Сколько въ этихъ словахъ добродушія, присущаго русской натурѣ! Это не грозные завоеватели постепенно расширявшихся нашихъ окраинъ. Они не восклицали, потрясая

мечемъ: «горе побѣжденнымъ»; они, напротивъ, вводили покоренные народы въ свою метрополію и шли дальше искать все новыхъ и новыхъ рубежей для русскаго народа. Вотъ почему наши окраины не колоніи— источникъ однихъ барышей, а та-же недѣлимая, великая, святая Русь, и возникавшіе тамъ пограничные города обращались въ тѣ же сторожевые пункты, какими были въ старые годы исконные русскіе города Курскъ или Рязань съ ихъ порубежниками. Корни русскаго дерева питали своими соками не одинъ только стволъ, но и его разроставшіяся вѣтви.

Съ такими-то завѣтами росло и ширилось Кіевское княжество. Но солнце Кіевской Руси закатилось вскорѣ по смерти ласковаго князя Владиміра, и княженіе Мудраго Ярослава было лебединою пѣснію стольнаго города Кіева. Единая Русь становится Русью удѣльною. Богатырскій эпосъ ея, былины русской земли, отходятъ въ область преданій, и ихъ смѣняютъ вдумчивыя сказанія иноковъ, повѣствующихъ о нестроеніи русской земли, о княжескихъ усобицахъ и половецкихъ набѣгахъ.

Кромѣ Владиміра Мономаха да Александра Невскаго память не подсказываетъ другихъ именъ, на которыхъ могло бы съ любовью и благодарностью остановиться потомство.

Мрачна была эта эпоха русской исторіи.

Сумрачныя лица,
Темныя сказанья,
Рѣдко гдѣ страница
Свѣтлаго преданья...

Но Русь продолжала жить своею духовною жизнію. Только у этого живого, полнаго силъ организма не было сердца, не было сильнаго, стольнаго города, вокругъ котораго могли бы сгруппироваться русскія силы. И вотъ, наконецъ, этотъ стольный городъ явился: Москва собрала во-едино всю великую Русь, и далеко отозвалось тогда біеніе встрепенувшагося богатырскаго сердца русскаго народа. Желѣзнымъ кольцомъ спаиваетъ Москва вокругъ себя удѣльныя княжества. Трогательною мелодіею замираютъ послѣдніе звуки вѣчевого новогородскаго колокола; колокольный звонъ, при чтеніи евангельскихъ словъ: Да будетъ едино стадо и единъ пастырь, оглашаетъ взлетающія на воздухъ стѣны мусульманской Казани, падаетъ Астрахань, а удалой Ермакъ бьетъ челомъ Царю Московскому далекимъ царствомъ Сибирскимъ.

Вся эта степь, окружавшая Московское царство,—степь, борьба съ которой составляла наслѣдіе, завѣщанное Московской Руси богатырями Руси Кіевской, издревле стремившимися «зачерпнуть шеломомъ синяго Дона»,—была замирена. Самый Донъ остался уже назади, и передовые русскіе форпосты стали на берегу сѣдаго Терека.

Этими передовыми русскими форпостами, смѣнившими богатырей былиннаго эпоса, было наше казачество,—явленіе безпримѣрное въ исторіи народовъ, свойственное только нашей Руси. Все, что было въ ней удалого, жившаго вольною волюшкой, все, на чемъ неизгладимою печатью легла широта ея необъятныхъ полей, все, что, не посягая на прерогативы священной царской власти, не желало склонить голову передъ приказными дьяками и лихими воеводами,—вся эта исконная безпокойная, бродячая Русь издревле стремилась на окраины государства, за черту осѣдлаго жилья, гдѣ общая опасность сплачивала ихъ въ особый родъ военнаго братства. Такъ образовалось у насъ «казацкое лыцарство» за неимѣніемъ въ Руси элементовъ для образованія другого настоящаго средне-вѣковаго европейскаго рыцарства. На широкомъ просторѣ южно-русскихъ степей развилась и воспиталась эта мощная сила, которою справедливо гордится русскій народъ, которая на протяженіи цѣлыхъ столѣтій дѣлала безъ шума, медленно, но непрестанно и честно великое государственное дѣло. Враги государственнаго порядка внутри страны, казаки становились лучшими, вѣрнѣйшими стражниками рубежей. Они были тѣмъ летучимъ авангардомъ, за которымъ сомкнутымъ строемъ медленно ползли вереницы русскихъ пахарей. Русь бродячая прокладывала дорогу Руси осѣдлой.

И вотъ, наконецъ, передовыя волны русскаго моря уже разбиваются о подножія недоступныхъ Кавказскихъ громадъ. Но здѣсь, у этой гигантской стѣны, увѣнчанной ледяною тіарой, казачеству пришлось надолго развернуться въ оборонительную линію, въ живую колючую ограду, заслонившую степь, уже ставшую достояніемъ земледѣльческаго плуга.

Здѣсь мы остановимся. И прежде чѣмъ перейти къ исторіи казачества, бросимъ взглядъ на наши первоначальныя сношенія съ Сѣвернымъ Кавказомъ и затѣмъ уже отмѣтимъ, какую важную роль сыграли въ исторіи покоренія его наши Терскіе казаки.

Глава I.

Знакомство Россіи съ Кавказскими народами начинается на самой зарѣ ея государственной жизни, въ тѣ стародавнія времена, когда, по выраженію поэта,

Мы Византію громили
И съ косоговъ брали дань.

Наши лѣтописи повѣствуютъ о томъ, какъ первый Кіевскій князь Олегъ проникъ съ своими войсками за Донъ и обложилъ данью сильное тогда Хазарское царство, какъ онъ громилъ Византійскую имперію, когда:

Во славу Руси ратной,
Строптиву греку въ стыдъ и страхъ,
Онъ пригвоздилъ свой щитъ булатный
На цареградскихъ воротахъ,

какъ преемникъ его Игорь въ 913 году спустился на пятистахъ быстрокрылыхъ стругахъ по Волгѣ въ Каспійское море, ограбилъ всѣ города западнаго берега и съ богатой добычей возвратился назадъ. Черезъ тридцать лѣтъ тѣ же дружины повторили тотъ же походъ, но на этотъ разъ проникли до самой Куры и, добравшись по ней до Ширвани, овладѣли Арранской землею и взяли столичный городъ ея Барду, близь нынѣшняго Елизаветполя.

Далѣе лѣтописцы разсказываютъ намъ о владычествѣ русскихъ въ Тмутараканскомъ княжествѣ, о грозныхъ битвахъ Святослава на берегахъ Кубани и у подножія Кавказскихъ горъ, «гдѣ ясовъ побѣди и косоговъ и приведе ихъ къ Кіеву». Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что Святославъ доходилъ по Каспійскому морю до стѣнъ древняго Семендера (нынѣшній Петровскъ) и разорилъ Тарки. Это море уже съ X вѣка, какъ видно, знакомо было славянамъ, сообщившимъ даже свое имя одному изъ острововъ, извѣстному арабскимъ писателямъ подъ названіемъ «Джезиретъ-эль-Русси» (1). Позднѣе, въ княженіе Ярослава Мудраго, а можетъ быть и ранѣе, начались набѣги новогородской вольницы на богатые прикаспійскіе города, и, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, нѣкто Улебъ въ 1032 году доходилъ до «Желѣзныхъ Вратъ» (Дербента), гдѣ погибло въ бою множество новогородцевъ. Далеки и многотрудны были эти походы, но прелесть добычи и славы, говоритъ Карамзинъ, давали нашимъ предкамъ смѣлость и мужество, которыя, при самомъ началѣ государственнаго бытія Россіи, распространяли грозное имя славянъ въ Европѣ и Азіи.

Особый интересъ представляетъ собою завоеваніе далекаго Тмутара-

канскаго княжества, нынѣшняго Таманскаго полуострова, куда уже со временъ Святослава начинаетъ направляться русская колонизація, и первымъ удѣльнымъ княземъ ея является Мстиславъ, сынъ Владиміра святого. Его привлекали сюда не только степныя приволья, но еще болѣе сосѣдство другихъ воинственныхъ народовъ, изъ которыхъ постоянно можно было черпать контингентъ для наемнаго войска. Онъ началъ съ того, что окончательно изгналъ отсюда хазаръ, наложилъ дань на косоговъ и только тогда сдѣлался полнымъ властителемъ Тмутаракани. Соловьевъ въ своей исторіи говоритъ, что этотъ князь своимъ богатырствомъ поражалъ вообраafterженіе русскаго народа, долго жилъ въ его памяти, и ни объ одномъ изъ нашихъ князей въ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ спискахъ не встрѣчается такихъ подробностей даже въ описаніи наружности, какъ о Мстиславѣ.

Изъ временъ нашей борьбы съ косогами выдающимся эпизодомъ служитъ единоборство того же Мстислава съ косогскимъ витяземъ Редедею, отличавшимся необычайнымъ ростомъ и силою. Объ этомъ эпизодѣ упоминаютъ наши лѣтописи, и съ нимъ же связаны многочисленныя преданія Черкесскаго народа.

Когда Идаръ, внукъ славнаго Инала, княжившій въ Черкесіи, пошелъ войною на русскихъ, захватившихъ Тамтаракай (Тмутаракань), онъ, по обычаю тогдашнихъ временъ, предложилъ рѣшить участь войны единоборствомъ. «Не будемъ», сказалъ онъ Мстиславу, «терять людей съ обѣихъ сторонъ, не будемъ проливать крови и разрывать дружбы. Вышли ко мнѣ своего бойца, а я вышлю своего, и если твой одолѣетъ, тогда возьми все, что имѣемъ». Мстиславъ согласился, но не сталъ искать единоборца въ станѣ, а пошелъ на княжскій вызовъ самъ. Идаръ съ своей стороны выслалъ Редедю. Борьба длилась долго, и Мстиславъ сталъ изнемогать. Тогда, по преданіямъ адыгскаго народа, согласнымъ и съ русскою лѣтописью, онъ воскликнулъ: «Пресвятая Богородица, помоги мнѣ! Если я одолѣю, то построю церковь во имя Твое»! Редедя палъ, и Тмутаракань осталась за нами. Церковь во имя Богоматери была построена Мстиславомъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, въ 1023 году, и, насколько извѣстно, это была первая церковь, воздвигнутая на Сѣверномъ Кавказѣ въ память историческаго событія (2).

Въ то время, какъ Мстиславъ былъ занятъ своимъ удѣломъ, старшій братъ его Ярославъ сдѣлался единодержавнымъ властителемъ Руси, и Мстиславъ потребовалъ отъ него законной части въ отцовскомъ наслѣдіи. Получивъ отказъ, онъ двинулся съ своими Кавказскими дружинами, съ косогами и хазарами, къ Кіеву, разбилъ Ярослава, но, не желая помимо старшаго брата добывать Кіевскій столъ, предложилъ ему раздѣлить между собою русскую землю поровну. Границею положенъ былъ Днѣпръ. Мстиславъ взялъ себѣ восточную сторону со стольнымъ городомъ Черниговымъ, а Ярославъ—западную съ Кіевомъ. «И начали жить», говоритъ лѣтописецъ, «мирно и въ братолюбіи, перестали усобицы и мятежи, и была тишина великая въ русской землѣ».

Мстиславъ умеръ въ 1035 году, но потомки его долго еще владѣли Тмутараканью, и памятникомъ этого служитъ одинъ древній камень съ сохранившеюся на немъ славянскою надписью: «Въ лѣто 6576 (1058), ин-

дикта 6-го князь Глѣбъ мѣрилъ море по льду отъ Тмутаракани до Кърычева (Керча) 1000 и 4000». По мнѣнію Оленина, надпись эта означаетъ разстояніе отъ Тамани до Керчи въ 14 тысячъ сажень или въ 21 версту, считая сажени маховыми. Камень этотъ, представляющій собою памятникъ глубокой древности, найденъ былъ черноморскими казаками при заселеніи ими Тамани, и теперь хранится въ Петербургѣ, въ Мюнцъ-кабинетѣ Императорскаго эрмитажа, въ Зимнемъ Дворцѣ.

Въ русской исторіи не сохранилось извѣстій о дальнѣйшей судьбѣ Тмутараканскаго княжества, но сказанія и пѣсни адыгскаго народа говорятъ, что спустя много лѣтъ послѣ смерти Мстислава, адыге собрали большое войско и пошли на Тамтаракай. Завязалась упорная война; много было кровопролитныхъ сраженій, гибли люди, жилища, имущества, и Тамтаракай былъ опустошенъ въ корень. Съ того времени въ адыгскомъ народѣ осталась даже пословица: «Да постигнетъ тебя участь Тамтаракая» ([3]).

Случилось это, какъ говорятъ черкесскія преданія, около 1094 года, въ то время, когда русская земля была раздираема княжескими усобицами, и ей было уже не до того, чтобы отстаивать свои далекія завоеванія. Такимъ образомъ, Тамтаракай былъ для насъ потерянъ, а вслѣдъ затѣмъ въ первой половинѣ XIII вѣка, на пути роста Россіи къ югу, вдругъ появляются монголы, наложившіе свою тяжелую руку на весь востокъ Европы, и съ этихъ поръ порабощенная Русь становится ихъ данницей. Сношенія ея съ Сѣвернымъ Кавказомъ прекращаются надолго, но дорожка, проторенная къ нему во дни величія и славы, не западала и въ это скорбное время. Новгородская вольница попрежнему пробиралась по Волгѣ въ Каспійское море, грабила его берега, а потомъ распродавала свой яссыръ и добычу въ татарской ([4]) Астрахани. Не одинъ разъ и русскимъ князьямъ волей или неволей приходилось помогать татарамъ усмирять Кавказскіе народы, не желавшіе признавать ихъ владычества. Такъ можно указать на походъ 1277 года, во время княженія Димитрія (сына Александра Невскаго), когда князья Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Федоръ Ярославскій и Андрей Городецкій вызваны были въ орду съ своими дружинами и вмѣстѣ съ ханомъ Мангутимуромъ ходили на яссовъ и аланъ, взяли ихъ городъ Дедяковъ (въ Дагестанѣ) и пріобрѣли богатую добычу, которою татары охотно дѣлились съ русскими за ихъ стойкость и мужество ([5]). Въ слѣдующемъ году предпринимали такой же походъ князья Ѳедоръ Ярославскій и Михаилъ, сынъ Глѣба Бѣлозерскаго, и оба возвратились домой съ большею честью и ханскими дарами.

Сѣверному Кавказу суждено было стать и мѣстомъ кончины доблестнаго князя Михаила Тверского, замученнаго въ 1318 году въ ордѣ, кочевавшей тогда за Желѣзными Вратами, около того же Дедякова, гдѣ за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ русское оружіе покрылось славой на глазахъ тѣхъ же ордынцевъ.

Оклеветанный Московскимъ княземъ Юріемъ, Михаилъ былъ привезенъ къ хану и по его приказанію злодѣйски умерщвленъ подосланными убійцами. Тѣло замученнаго князя отправлено было въ Москву безъ всякихъ почестей, сухимъ путемъ черезъ Бурганъ-Маджары, большой торговый городъ, стоявшій на Кумѣ ([6]).

Долго, почти два съ половиною вѣка находился русскій народъ подъ

тяжкимъ гнетомъ монгольскаго ига; но этотъ гнетъ не далъ однако заглохнуть нашимъ жизненнымъ силамъ, и въ первой половинѣ XIV вѣка, задолго еще до появленія Тамерлана, Москва становится первопрестольнымъ городомъ, вокругъ котораго начинаетъ постепенно объединяться Московское государство. Одинъ за другимъ падаютъ и теряютъ свою самостоятельность удѣлы, растетъ и крѣпнетъ власть московскихъ самодержцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русская земля, дотолѣ разрозненная, получаетъ прежнюю сплоченность и силу. Все, что сочувствовало тогда идеѣ государственнаго единства, что сознавало въ этомъ единеніи мощь и силу народа, тянуло къ центру, заложенному первыми собирателями русской земли. Наоборотъ, все раздорное, не обузданное, вѣками привыкало къ своеволіямъ удѣльно-вѣчевого строя, страшась окрѣпшей власти, уходило отъ нея на дальнія окраины: на Донъ, на Днѣпръ, на просторъ южно-русскихъ степей, гдѣ не могла достать ихъ карающая рука московскаго правительства. Такъ образовалось наше русское вольное казачество, сдѣлавшееся силою самихъ обстоятельствъ крѣпкой передовою стражей русской земли, въ непрекращавшейся борьбѣ ея съ лихими сосѣдями.

А между тѣмъ, какъ русское государство сплачивалось вокругъ своего центра, могущество монголовъ, распавшихся на три большія орды: Золотую, Крымскую, Казанскую и множество мелкихъ, видимо стало клониться къ упадку. Потрясенное еще на Куликовскомъ полѣ, владычество татаръ окончательно было свергнуто Иваномъ Третьимъ, а при внукѣ его Иванѣ Четвертомъ, названномъ Грознымъ, пали и послѣдніе оплоты поработителей русскаго народа—Казань и Астрахань. Надо перенестись въ XVI вѣкъ, что бы понять всю силу впечатлѣнія, какое произвело на современниковъ паденіе Казани. Одолѣть татарскую силу, смести съ русской земли всѣ ужасы татарскаго ига—было молитвеннымъ желаніемъ русскаго народа, но казалось, что о завоеваніи чужихъ земель еще рано было думать Московскимъ самодержцамъ. Понятно, почему имя Грознаго, воскресившаго въ народной памяти сѣдую старину, то давно минувшее время первыхъ русскихъ князей, стремившихся къ расширенію предѣловъ маленькаго Кіевскаго княжества,—стало такъ высоко въ понятіи людей XVI вѣка. Слава покорителя Казани пронеслась далеко за предѣлы тогдашней Руси,—и пятигорскіе черкасы первые послали въ Москву свою депутацію, явившуюся къ царю въ томъ-же 1552 году. Она просила отъ лица всей пятигорской земли принять ее въ подданство и дать ей защиту и помощь противъ крымскаго хана. Крымцы встревожились. Они понимали, что царь не остановится въ своихъ завоеваніяхъ и, чтобы отвлечь его по крайней мѣрѣ отъ нижней Волги, гдѣ стояла Астрахань, рѣшили сдѣлать сильное вторженіе въ его собственныя земли. Черкасскіе послы находились еще въ Москвѣ, когда пришло извѣстіе, что крымскій ханъ съ значительными силами идетъ въ Московскую украйну. Царь выступилъ въ походъ въ августѣ 1553 года и взялъ съ собою черкасскихъ князей, чтобы дать имъ случай выказать на дѣлѣ свое усердіе и ревность. Тревога оказалась напрасною. Едва войска дошли до Коломны, какъ получилось другое извѣстіе, что ханъ, свѣдавъ о приближеніи русскихъ войскъ, повернулъ назадъ и пошелъ на черкасовъ. Новая опасность заставила кабардинскихъ князей покинуть Московскій станъ и

спѣшить домой на защиту родины, но царь вмѣстѣ съ ними отправилъ и своего посла Андрея Щепетова, который «долженъ былъ правду ихъ видѣть» (7).

Такимъ образомъ, попытка хана отвлечь русскія силы отъ низовій Волги не имѣла успѣха. Военныя дѣйствія тамъ продолжались, и 2-го іюля 1554 года Астрахань пала. Послѣдній астраханскій царь Емурчей, разбитый московскими воеводами, бѣжалъ въ Тюмень, въ это полуторговое, полуразбойничье мѣстечко, пріютившееся въ низовьяхъ Терека, куда онъ явился въ сопровожденіи лишь немногихъ воиновъ. Его появленіе въ такомъ уничиженномъ видѣ вызвало общее смущеніе въ сосѣднихъ народахъ. Извѣстно, что до половины XVI вѣка Каспійское море и Волга связывали еще въ одинъ политическій міръ всѣ мусульманскія земли, лежавшія по этому бассейну отъ Персіи до устьевъ Оки. Когда русскій народъ, разорвавъ монгольскія цѣпи, сталъ на развалинахъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго, онъ захватилъ въ свои руки всю многоводную Волгу, а Волга естественно должна была вывести его въ давно знакомое Каспійское море. Это море было тогда безъ хозяина. Въ сущности все западное побережье его принадлежало Персіи, но владычество ея въ этихъ краяхъ оспаривалось могущественною Турціей, и двѣ сильнѣйшія въ то время магометанскія державы вели между собою безконечныя войны за преобладаніе какъ въ Грузіи, такъ и въ Дагестанѣ. Многолюдные, богатые и промышленные города, лежавшіе по западному берегу, нерѣдко переходили изъ рукъ въ руки и занимались то персидскими, то турецкими гарнизонами.

Теперь, когда границы Московскаго царства сразу раздвинулись до Каспійскаго моря, и мы пришли въ соприкосновеніе съ цѣлымъ міромъ Кавказскихъ народовъ, появленіе новой мощной силы въ предверіяхъ Сѣвернаго Кавказа не могло не произвести на нихъ сильнаго впечатлѣнія. Восточные историки говорятъ о паническомъ страхѣ, обуявшемъ нетолько мусульманъ Каспійскаго побережья, но и самую Персію. Связанные близкими сношеніями съ Казанью и Астраханью, они съ минуты на минуту ожидали собственной гибели и были правы. Если уже казацкіе атаманы, предводительствовавшіе одной только вольницей, распоряжались, какъ хотѣли, по всему Каспійскому побережью, то для московскаго царя не было бы слишкомъ мудренымъ дѣломъ наложить свою властную руку и на эти страны. Къ сожалѣнію, скоро наступили мрачные дни царствованія Ивана Грознаго, и русскіе интересы на Кавказѣ отошли на нѣкоторое время въ сторону. Правда, мы все таки вышли къ Каспійскому морю, но ограничились уже только тѣмъ, что заняли устье Терека и приняли подъ свое покровительство ближайшіе Кавказскіе народы.

Между тѣмъ Щепетовъ, ѣздившій, какъ мы сказали, къ Пятигорскимъ черкасамъ, вернулся назадъ, и вмѣстѣ съ нимъ прибыли князь Сибокъ съ сыномъ Кудадекомъ, братъ его Ацымгукъ и князь Тутарыкъ Езбузлуевъ, въ сопровожденіи свиты изъ 150 человѣкъ. Они били челомъ, чтобы государь далъ имъ помощь на турецкаго султана и крымскаго хана.—«а они холопы царя и великаго князя съ женами и дѣтьми вовѣки». Щепетовъ подтвердилъ, что пятигорскіе черкасы «дали правду всею землею». Государь пожаловалъ ихъ, но на счетъ турецкаго султана велѣлъ отвѣ-

тить, что «султанъ находится теперь съ царемъ въ миру, а отъ крымскаго хана готовъ беречь ихъ, какъ только можно». Вмѣстѣ съ тѣмъ, желая еще тѣснѣе сблизиться съ Москвою, князь Сибокъ просилъ окрестить его сына Кудадека, а Тутарыкъ и самъ принялъ святое крещеніе. Отпуская пословъ, царь положилъ на пятигорскую землю дань, обязавъ доставлять въ Москву ежегодно по тысячѣ аргамаковъ, «и ходить черкасскимъ князьямъ на всякія государевы службы, и на войну, вмѣстѣ со своими людьми, въ числѣ до 20 тысячъ» ([6]).

Вслѣдъ за этимъ посольствомъ въ 1557 году прибыло другое отъ жителей Малой Кабарды, разселившихся по Тереку и извѣстныхъ у нихъ подъ именемъ «Черкасъ кабардинскихъ». Среди нихъ въ то время жилъ знаменитый князь Темрюкъ, потомокъ славнаго Идара. Воинственный и предпріимчивый, онъ являлся истиннымъ представителемъ рыцарскаго народа и во многомъ напоминалъ собою русскаго князя Святослава. Въ походахъ онъ никогда не имѣлъ палатки, спалъ подъ открытымъ небомъ на войлокѣ, подъ изголовье клалъ сѣдло и питался конскимъ мясомъ, самъ жаря его на угольяхъ. Народные барды сохранили для потомства и нѣкоторыя благородныя черты его характера. «Князь Темрюкъ Идаровъ», говорятъ они, «никогда не пользовался выгодами нечаяннаго нападенія, а всегда заранѣе объявлялъ войну, посылая предупредить о томъ непріятелей. Еще при жизни старшаго брата князя Кемиргоко, управлявшаго кабардинскими черкасами, Темрюкъ задумалъ возстановить древнюю славу адыгскаго народа и прославить себя боевыми подвигами. Онъ воевалъ на берегахъ Волги и Дона, громилъ старинныхъ враговъ Кабарды—калмыковъ и татаръ и, наконецъ, смѣло поднялъ оружіе противъ сильнаго Крымскаго хана([17]). Въ это-то время онъ и вошелъ въ сношеніе съ Московскимъ царемъ. Посольство, присланное въ Москву, било челомъ, «чтобы государь велѣлъ имъ служить себѣ, а астраханскимъ воеводамъ приказалъ бы дать имъ помощь на Крымскаго хана и на Шавкала-Тарковскаго, и что если царь пожалуетъ ихъ, какъ пожаловалъ Пятигорскихъ черкасъ, то и вся земля Грузинская будетъ также бить челомъ государю въ службу, потому что Грузинскій князь въ союзѣ съ кабардинскими князьями». Лѣтопись, по словамъ Бѣлокурова, не говоритъ намъ прямо о результатахъ этого посольства, но тѣмъ не менѣе изъ нея же видно, что и Кабардинскіе черкасы были приняты въ подданство. Вскорѣ послѣ этого князь Кемиргоко умеръ и, какъ одинъ изъ представителей доблестнѣйшихъ кабардинскихъ вождей, былъ зарытъ въ землю на конѣ и въ полномъ вооруженіи. Высокій курганъ между рѣками Чегемомъ и Баксаномъ, въ нынѣшней Терской области, и по нынѣ указываетъ мѣсто его могилы ([9]). Темрюкъ остался одинъ, и съ тѣхъ поръ дружба Россіи съ Кабардою стала еще тѣснѣе. Темрюкъ даже своихъ дѣтей отправилъ на воспитаніе въ Москву, и сыновья его, вмѣстѣ съ сыномъ князя Сибока, учились въ Кремлевскомъ дворцѣ.

Другимъ связующимъ звеномъ между ними служило общее желаніе кабардинцевъ креститься, или, точнѣе сказать, возстановить упавшее у нихъ христіанство. Въ этомъ желаніи не было ничего удивительнаго или страннаго. Черкесы съ давнихъ временъ исповѣдывали православную вѣру, заимствуя ее изъ Грузіи или Византіи, и въ ихъ горахъ до нынѣ сохра-

нилось много развалинъ каменныхъ церквей, крестообразная форма которыхъ говоритъ о греческомъ происхожденіи. Уединенно стоятъ нѣкоторыя изъ нихъ на вершинахъ угрюмыхъ скалъ, среди лѣсныхъ недоступныхъ дебрей, вдали отъ всякаго жилья человѣческаго.

Трудно разгадать, что влекло благочестивыхъ строителей въ эти пустынныя и дикія мѣста: искали ли они тамъ безопасности отъ ежечасно грозящихъ нападеній, были ли то чуждые прелестей человѣческаго міра смиренные поборники креста, искавшіе среди невозмутимаго уединенія и подвижнической жизни созерцанія великихъ дѣлъ Творца въ величавой природѣ, открывавшейся въ далекихъ горныхъ перспективахъ.

Иные храмы, напротивъ, тѣснятся къ люднымъ торговымъ путямъ, съ глубокой древности прорѣзывавшимъ черкесскую землю отъ Чернаго моря, черезъ ущелія Кавказскихъ горъ, къ верховьямъ Кумы и Кубани. При этихъ храмахъ обыкновенно встрѣчаются и развалины каменныхъ зданій, называемыхъ черкесами вообще «домами эллиновъ». Быть можетъ, то были греческія монастырскія подворья, съ устроенными при нихъ караван-сараями, такъ какъ въ тѣ стародавнія времена распространеніе христіанства обыкновенно шло объ руку съ развитіемъ торговли,—и купецъ и священникъ, каждый посвоему, служили общему дѣлу истинной вѣры и цивилизаціи. Однимъ изъ примѣчательнѣйшихъ памятниковъ христіанской древности въ этомъ краю служатъ между прочимъ живописныя развалины въ Терской области, на правомъ берегу Подкумка, гдѣ еще недавно находили въ землѣ церковную утварь, выкованную изъ серебра, а также большіе желѣзные кресты, какими обыкновенно украшаютъ главы русскихъ церквей. Преданіе помѣщаетъ здѣсь древній городъ черкесской земли «Бергусантъ», что значитъ собраніе многихъ антовъ, быть можетъ «собраніе вѣрующихъ», т. е. церковь антовъ. Русскіе передѣлали это названіе въ Бургустанъ,—и носителемъ имени этого древняго города является нынѣ скромная казацкая станица Терскаго войска.

Съ принятіемъ черкесами христіанства, разсадникомъ и проводникомъ его естественно является греческое духовенство, и преданіе, облекшееся въ форму пѣсни, сохранило даже названіе мѣста, гдѣ жилъ ихъ первый «шехникъ»—епископъ. Это—лѣсистый курганъ, лежащій въ Терской области, верстахъ въ четырехъ за Нальчикомъ.

«Шехникъ нашъ защитникъ и воспитатель,—поется въ этой пѣснѣ.—Шехникъ нашъ свѣтъ. Учитель училъ насъ закону Божьему съ вершины лѣсистаго кургана».

«И на лѣсистомъ курганѣ сковалъ ему домъ, съ дверями изъ литого серебра, и тамъ то обиталъ свѣтлый Божій Духъ».

«И ангелы бесѣдовали съ мудрымъ старцемъ. Свѣтъ отъ бороды его уподоблялся свѣту факела, и благородный золотой крестъ сіялъ на его груди».

«Онъ парилъ въ воздухѣ, какъ земная птица, подымался подъ облака и съ высоты видѣлъ всѣхъ творящихъ беззаконіе».

Таково было представленіе черкесовъ о своемъ высшемъ духовномъ лицѣ—епископѣ ([10]).

Христіанская религія стала у нихъ ослабѣвать только по взятіи Константинополя султаномъ Магометомъ, а позднѣе Крымскіе ханы, распро-

странявшіе новое ученье огнемъ и мечемъ, старательно истребляли всѣ византійскіе памятники, и въ описываемую нами эпоху черкесы сохранили отъ вѣры своихъ предковъ лишь нѣсколько внѣшнихъ обрядовъ, не сдѣлавшись, впрочемъ и настоящими магометанами.

Возстановленію среди нихъ христіанства Московскій царь придавалъ большое значеніе и по просьбѣ самихъ же кабардинцевъ отправилъ къ нимъ своего воеводу и поповъ, чтобы крестить народъ «по его обѣщанью и челобитью». Насколько успѣшно шла ихъ миссіонерская дѣятельность, трудно сказать по отсутствію документовъ, но никакихъ христіанскихъ памятниковъ, относящихся къ этой эпохѣ, до насъ не дошло, быть можетъ, потому, какъ справедливо замѣчаетъ Дюбоа въ своемъ путешествіи по Кавказу, что русскіе строили деревянныя церкви, которыя не могли сопротивляться долго ни времени, ни усиліямъ людей злонамѣренныхъ. Зато въ политическомъ отношеніи мы выигрывали очень многое, пріобрѣтая въ лицѣ Кабардинскихъ и Пятигорскихъ черкесъ новыхъ усердныхъ и вѣрныхъ подданныхъ. И черкасы дѣйствительно служили Московскому царю вѣрой и правдой. Такъ, когда Вишневецкій ходилъ съ русскими войсками на Исламъ-Карменъ, черкаскіе князья напали на Крымъ съ другой стороны и завоевали два города Темрюкъ и Тамань, которыми и били челомъ государю ([22]). Затѣмъ они ходили вмѣстѣ съ Московскими войсками въ далекую Ливонію, гдѣ въ 1558 году особенно отличились при взятіи города Мильтена и при осадѣ Дерпта, гдѣ наголову разбили нѣмецкую конницу, пытавшуюся сдѣлать вылазку изъ города ([11]).

Нельзя обойти молчаніемъ, что Грозный, отправляя своего посла къ королю Сигизмунду-Августу, далъ ему такой наказъ. «Если спросятъ, сколько у царя и великаго князя Пятигорсхихъ черкасъ—говорить: «У государя нашего на Москвѣ живутъ князи Амашикъ съ братіею, да князь Сибокъ съ братіею-жъ, а съ ними людей ихъ тысячъ съ пять. Кабардинскіе же князи живутъ на своихъ улусахъ, а большого князя Темрюка сыновья Булгайрукъ и Салтанукъ-Мирза живутъ у государя нашего» ([12]).

Кромѣ черкасъ приходили въ то время въ Москву и другія депутаціи. Черкасы, какъ мы говорили, просили помощи на Крымскаго хана и Шамхала Тарковскаго; Шамхалъ просилъ помощи на Кабардинскихъ черкасъ; подданные Шамхала жаловались на него самаго и просили царя о перемѣнѣ правителя, Тюменскій князь билъ челомъ, чтобы царь приказалъ астраханскимъ воеводамъ «беречь его со всѣхъ сторонъ», а племянникъ его самъ домогался при посредствѣ царя сѣсть на Тюменскомъ владѣніи. «Посадилъ бы его государь на Тюмени,—а онъ холопъ государевъ» ([25]). Царь принималъ всѣ депутаціи, выслушивалъ ихъ просьбы, обѣщалъ свое покровительство, но такъ какъ вѣрная служба черкасскихъ князей не разъ уже была засвидѣтельствована Московскими воеводами, ходившими съ ними въ походы, то въ выборѣ союзниковъ ему колебаться не приходилось ([13]). Тѣмъ не менѣе посламъ велѣно было говорить, что Шевкальскій царь и Тюменскій князь дань на себя сами кладутъ и на государевы службы ходить хотятъ съ государевыми воеводы вмѣстѣ».—А если спросятъ: сколь далече тѣ земли отъ государя вашего украйны—сказать: отъ Рязани до Черкасъ 15 денъ ходу, а Шавкальская земля и Теменская земля поряду съ

Черкасскою землею и съ Астраханскою. А Астрахань, какъ вамъ вѣдомо, тожъ Государева» ([14]).

Но ни дани, ни подданства мы ни отъ кого не добились. Царь не хотѣлъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла своихъ сосѣдей, но жалобы кабардинскихъ князей на бозпрерывные разбои и грабежи кумыковъ вынудили его наконецъ въ началѣ 1560 года послать воеводу Черемисинова съ войсками и съ кабардинцами воевать Тюмень и Шавкала». Походъ былъ удачный. Городъ Тюмень, лежавшій въ низовьяхъ Терека, въ 180 верстахъ отъ Дербента, былъ занятъ русскимъ гарнизономъ, и Тюменскія владѣнія съ тѣхъ поръ навсегда остались за Московскимъ государствомъ. Это было первое новое завоеваніе на Сѣверномъ Кавказѣ ([15]).

Къ этому же времени относятся и наши первыя сношенія съ Иверійской землею. И Русь, и Грузія подружились еще во дни общей скорби, когда съ поникшимъ челомъ носили ясакъ въ Золотую орду и тамъ встрѣчались. Ихъ соединяло единство православной религіи. Но дальнѣйшія судьбы обоихъ царствъ были различныя. Окрѣпшая Русь свергла монгольское иго, Иверія подпала подъ еще большій гнетъ двухъ магометанскихъ державъ- Персіи и Турціи. Съ тѣхъ поръ, какъ кабардинцы, вѣрные союзники Грузіи, вступили въ русское подданство, та же мысль не покидала и Кахетинскаго царя Левана II-го, который, воспользовавшись пребываніемъ русскаго войска въ Тюмени, прислалъ просить Московскаго царя, чтобы онъ присоединилъ къ своей обширной монархіи и единовѣрную ей Кахетію. Царь послалъ изъ Тюмени свои войска «съ цѣлью пограничнаго наблюденія »; но по требованію шаха, считавшаго Кахетію своею вассальною областью, Леванъ вынужденъ былъ отправить ихъ назадъ, опасаясь, какъ пишетъ грузинскій историкъ Вахтангъ, чтобы оно не было истреблено персіянами ([16]).

Такъ неудачно окончились наши первыя сношенія съ Грузіей. Но зато въ слѣдующемъ 1561 году совершилось крупное событіе въ самой Кабардѣ, еще тѣснѣе связавшее ее съ Московскимъ государствомъ. Въ этомъ году царь Иванъ Васильевичъ вступилъ во второй бракъ съ дочерью князя Темрюка, извѣстною красавицей Маріанъ или Гуаше. Документовъ, касающихся этого царскаго бракосочетанія, сохранилось такъ мало, что мы даже не знаемъ, когда и какъ прибыла будущая царица въ Москву. По словамъ однихъ, она была прислана на воспитаніе вмѣстѣ со своими братьями; другіе утверждаютъ, что о ней извѣстили царя его воеводы, находившіеся въ Кабардѣ. Послѣднее вѣроятнѣе потому, что царь, отправляя пословъ въ чужія земли, велѣлъ имъ говорить такъ: «А если вопросятъ о государевой радости,—отвѣчать: Божья воля сталася... Государь нашъ по многимъ землямъ посылалъ, и сказали ему—у большого князя Черкасскаго, у Темрюка, дочерь, что ему государскому обычаю пригожа. И царь и великій князь посылалъ по ней и смотрѣлъ ее. И она его государскому обычаю пригодилась, и государь взялъ ее за себя, а Темрюка князя и землю Черкасскую пожаловалъ велѣлъ имъ служить себѣ» ([17]).

Бракъ состоялся въ августѣ 1561 года, когда Маріанъ приняла православную вѣру, и митрополитъ всея Руси Макарій, бывшій воспріемникомъ ея отъ купели, нарекъ ей имя Марія Темрюковна. Значеніе подобнаго брака для тѣснаго сближенія Москвы съ кабардинскими черкассами понятно.

Но понятно также и то, что крымскіе ханы, видя возрастающее вліяніе русскихъ на Сѣверномъ Кавказѣ, не могли оставаться спокойными и, не имѣя предлога, а можетъ быть и силъ, вмѣшаться въ дѣло открыто, возбудили рознь и вражду среди самихъ кабардинцевъ. Въ землѣ ихъ вспыхнули междоусобицы. Что было начальною причиной этой вражды, документы не объясняютъ, но, судя потому, что царскій воевода князь Вишневецкій, находившійся тогда въ Кабардѣ, былъ немедленно отозванъ въ Москву «того для, что учалъ жити въ Черкасахъ не по государеву наказу». Что именно дѣлалъ Вышневецкій не по государеву наказу, неизвѣстно, но судя по спѣшному его отозванію, можно предположить, что онъ не былъ безъ вины въ этихъ начавшихся безпорядкахъ ([18]). Царь не далъ однако своего тестя въ обиду и весной 1563 года выслалъ къ нему изъ Астрахани пятьсотъ стрѣльцовъ и пятьсотъ городовыхъ астраханскихъ казаковъ съ воеводой Плещеевымъ. «И воевода, пришедъ, Темрюку князю городъ поставилъ, и Темрюкъ въ городѣ сѣлъ, а хочетъ-де онъ съ Московскими людьми идти на Сибока и Канука князи». Такъ сообщилъ Крымскому хану Девлетъ-Гирею Кулчукъ-Мирза, находившійся тогда въ Черкасахъ. Походъ на этотъ разъ для Московскихъ людей былъ непродолжителенъ, и Плещеевъ, вернувшійся съ отрядомъ въ октябрѣ того же года, доложилъ царю, что Темрюкъ одержалъ побѣду надъ своими врагами, воевалъ Шепшуковы улусы, да татціе земли, и ушелъ изъ земли, наложивъ на нихъ дань» ([19]).

Но кромѣ этихъ двухъ извѣстій объ этомъ городкѣ мы не имѣемъ больше никакихъ свѣдѣній. Мы не знаемъ ни его мѣстоположенія, ни его дальнѣйшую судьбу, и только народныя преданія указываютъ мѣсто его около развалинъ Татартуба (напротивъ нынѣшняго аула Эльхотова), гдѣ уединенно стоитъ высокій минаретъ—нѣмой свидѣтель когда-то кипѣвшей здѣсь жизни.

Взаимныя несогласія черкасъ однако продолжались и послѣ построенія городка. Кабардинцы попрежнему не были послушны Темрюку, а Пятигорскіе князья совсѣмъ отложились отъ Московскаго государства, воевали съ царскими войсками и, наоборотъ, дружили съ Крымомъ и непріязненными намъ ногайцами. Сибокъ и Канукъ обращались за помощью даже къ крымскому хану и просили его отпустить царевича на черкасское государство; сыновья Сибока, Алесѣй и Гавріилъ бѣжали въ Литву ([33]). Въ свою очередь Темрюкъ, не расчитывая на собственныя силы, просилъ защиты у тестя. «Пришла-де ему большая тѣснота отъ непослушныхъ ему черкасъ». Царь, видя нестроеніе черкасской земли, отправилъ поздней осенью 1565 года на помощь къ своему тестю князя Ивана Дашкова съ большимъ войскомъ и со всѣми казаками Рязанской украйны. Зима застала нашихъ казаковъ, двигавшихся сухимъ путемъ, на Кумѣ, гдѣ они вынуждены были зимовать, но тѣмъ не менѣе поспѣли своевременно. Осенью 1566 года князь Дашковъ возвратился назадъ и донесъ государю объ удачномъ результатѣ похода: «Черкасскія мѣста, Шепшуковы улусы воевали и полонъ и животовъ имали много и черкасскихъ князей побили» ([20]).

Поѣздки въ Москву съ просьбою о помощи имѣли для Темрюка свою неудобную сторону, такъ какъ они требовали значительнаго времени, въ

которое могли случиться событія, для него вовсе нежелательныя. Поэтому, вслѣдъ за возвращеніемъ Дашкова, въ томъ же году въ Москву прибылъ шуринъ царя, князь Мамстрюкъ, сынъ Темрюка, и билъ челомъ, чтобы государь повелѣлъ «для береженія ихъ поставить на Терекѣ усть Сюнчи рѣки крѣпкій городъ», въ которомъ находилось бы постоянное русское войско, могшее оказать имъ помощь и защиту въ нужное время ([36]). Царь согласился и отправилъ 2 февраля 1567 года «для городового дѣла князя Андрея Бабичева и Петра Протасьева со многими людьми, да и пушки и пищали» ([21]). Это была первая попытка Московскаго государства стать твердою ногою у далекихъ предгорій Кавказскаго хребта, на томъ историческомъ пути, который, три вѣка спустя, привелъ Россію къ нераздѣльному господству на всемъ пространствѣ Кавказскаго перешейка.

Такъ возникла первая русская крѣпость на лѣвомъ берегу Терека, противъ устья Сунжи, близъ нынѣшней Щедринской станицы (Старый Щедринъ), гдѣ и понынѣ видны еще остатки земляныхъ окоповъ, заросшіе густыми порослями лѣса. Крѣпость эта названа была *Терки* и снабжена «вогненнымъ боемъ». Гарнизонъ въ ней держали царскіе ратные люди, но тутъ же упоминаются впервые и вольные казаки, помогавшіе намъ въ охранной и развѣдовательной службѣ. Что это были за казаки, откуда они появились,—скажемъ въ слѣдующей главѣ.

Глава II.

Вопросъ, кто были первые казаки на Сѣверномъ Кавказѣ, откуда и когда они появились, гдѣ жили до окончательнаго водворенія своего въ низовьяхъ Терека и на Гребняхъ горъ,—не можетъ считаться и понынѣ еще окончательно рѣшенымъ. На это не имѣется никакихъ историческихъ документовъ. Ихъ даже напрасно было бы разыскивать, потому что никакихъ письменныхъ сношеній Московскаго правительства съ вольнымъ казачествомъ быть не могло, а преданія самихъ казаковъ темны и сбивчивы. Вопросъ собственно о Терскомъ войскѣ, сидѣвшемъ въ низовьяхъ Терека никѣмъ изъ историковъ до сего времени даже не подымался; но относительно Гребенского войска существуетъ цѣлая литература надъ которой трудились многія лица, начиная съ современниковъ Петра Великаго Татищева и Ригельмана и кончая позднѣйшими изслѣдователями казацкой старины.

Одни изъ этихъ изслѣдователей утверждаютъ, что Гребенскіе казаки вышли съ Дона, т. е. выдѣлились изъ контингента Донского войска, служившаго, будто бы, метрополіей, изъ которой казачьи колоніи распространились по другимъ рѣкамъ: Волгѣ, Яику, Кубани и Тереку, но ранѣе конца XVI столѣтія. Другіе называютъ ихъ выходцами изъ Рязанской земли и первоначальное переселеніе ихъ относятъ къ гораздо болѣе раннему времени. И тѣмъ и другимъ, по невозможности обосновать свои заключенія на строгихъ оффиціальныхъ данныхъ, предоставляется широкій просторъ дѣлать выводы по личнымъ своимъ соображеніямъ, которыя въ одинаковой степени могутъ быть правильны или ошибочны. Такимъ образомъ по этому вопросу явились цѣлыя монографіи, къ сожалѣнію, принимавшія чисто полемическій характеръ, только затемнявшій истину. Что же касается до самихъ Гребенцовъ, то они въ наказѣ, данномъ своимъ депутатамъ въ 1767 году, при отправленіи ихъ въ Москву, въ коммисію «для сочиненія проекта новаго Уложенія», говорятъ о себѣ слѣдующее: «О службѣ дѣдовъ и отцовъ нашихъ и о началѣ заведенія нашего войска въ давнихъ годахъ, еще по ту сторону Терека, на рѣкѣ Сунжѣ, на горахъ по гребнямъ, отъ чего мы и названіе свое получили, за неимѣніемъ тогда у насъ письмоводства и послучившимся пожарамъ, за погорѣніемъ письменныхъ дѣлъ, подробно справиться намъ не по чему, а можетъ быть то извѣстно при государственномъ архивѣ» ([1]). Но и въ государственномъ архивѣ никакихъ свѣдѣній по этому вопросу не оказывается. Частные же путешественники тогда еще не заглядывали въ эти глухія, полудикія страны и не оставили намъ никакихъ мемуаровъ.

Не входя въ полемику съ представителями той или другой теоріи, по-

пробуемъ прослѣдить историческій ходъ самыхъ событій и на немъ основать свои личные выводы. Начнемъ съ Гребенскаго войска.

Иванъ Грозный въ своемъ наказѣ посламъ говоритъ между прочимъ: «А если спросятъ, почему Пятигорскіе черкасы (кабардинцы) холопы вашего государя, то отвѣчать, что пятигорскіе черкасы съ давнихъ поръ холопы нашихъ государей и бѣжали изъ Рязани, а теперь били челомъ, и государь ихъ пожаловалъ—принялъ въ свою службу» ([2]). Тоже самое говорили впослѣдствіи Борисъ Годуновъ и царь Михаилъ Федоровичъ. Почему же они не указывали на Курскъ, Черниговъ или другіе порубежные города, а именно на Рязань? На это можно представить слѣдующее соображеніе. По преданіямъ черкесовъ, не имѣющихъ у себя письменныхъ памятниковъ, но сохранившихъ немало изустныхъ преданій и народныхъ пѣсенъ, кабардинцы въ 6 или въ 7 вѣкѣ Гиджры, что приблизительно соотвѣтствуетъ 13-му столѣтію нашего лѣтоисчисленія, кочевавшіе дотолѣ въ Крыму, перешли въ южно-русскія степи, именно къ Рязанскимъ предѣламъ. Долго-ли они кочевали здѣсь—неизвѣстно, но въ концѣ концовъ ушли отсюда на Куму и тамъ осѣли въ Пятигорскомъ урочищѣ. Съ этихъ поръ они и стали извѣстны у насъ подъ именемъ Пятигорскихъ черкасъ ([3]).

Если нельзя вполнѣ довѣрять Московскимъ отпискамъ того времени, заключавшимъ всегда значительную долю преувеличеній только ради поддержанія престижа царскаго имени въ глазахъ сосѣднихъ державъ, то въ основаніи ихъ все таки лежала какая-нибудь истина. И Грозный, зная о пребываніи когда-то кабардинцевъ на русской землѣ, могъ съ своей точки зрѣнія смотрѣть на нихъ, какъ на бывшихъ подданныхъ, сбѣжавшихъ въ Пятигорье отъ рязанскихъ предѣловъ. Но дѣло даже не въ этомъ, а въ томъ, что кабардинцы, живя въ сосѣдствѣ съ Рязанскимъ княжествомъ, могли побрататься съ русскими людьми, изъ которыхъ многіе и послѣдовали за ними въ Пятигорье, представлявшееся имъ обѣтованною землею, гдѣ не было ни воеводъ, ни приказныхъ дьяковъ, ни губныхъ или иныхъ старостъ, не было никакихъ податей и повинностей. Подобныя переселенія были въ то время не рѣдкостью. Что это была не та голытьба, которая шла въ воровскія шайки, ради только добычи да вольнаго разбойнаго промысла, а люди семейные и домовитые,—можно заключить потому, что они уходили на новыя мѣста не временно, какъ обыкновенно хаживали въ молодечество, а водворялись уже прочнымъ образомъ, чаще всего между самими кабардинцами, въ пустынныхъ степяхъ тогдашняго предкавказья. Здѣсь, перероднившись съ своими затеречными сосѣдями, они приняли ихъ одежду, образъ жизни и даже нѣкоторые обычаи, что явилось у нихъ простымъ результатомъ общаго закона примѣненія къ тѣмъ или другимъ условіямъ жизни. Но, измѣняя внѣшность, они сохранили во всей чистотѣ и русскій языкъ, и русскую вѣру, что указываетъ прямо на присутствіе среди нихъ крѣпкаго семейнаго элемента. Нѣкоторое подтвержденіе этому мы находимъ и у Герберштейна ([4]). Онъ два раза посѣтилъ Россію, и, прекрасно владѣя славянскимъ языкомъ, изученнымъ имъ съ дѣтства, введенъ въ заблужденіе подобно тѣмъ, которые плохо справляются съ мѣстными нарѣчіями. По его словамъ, по рѣкѣ Кубани, вплоть до рѣки Меркулы, вливающейся въ Понтъ, живутъ черкасы, кото-

рые, въ надеждѣ на неприступность своихъ горъ, не повинуются ни туркамъ, ни татарамъ. Русскіе свидѣтельствуютъ, что они христіане, согласуются въ вѣрѣ съ греческой, но богослуженіе совершаютъ на славянскомъ языкѣ, который у нихъ въ большомъ употребленіи.

Что природные черкасы не говорили, а тѣмъ болѣе не молились на славянскомъ языкѣ—это не подлежитъ сомнѣнію, а потому остается предположить только, что Герберштейнъ говоритъ о русскихъ бѣглецахъ, которые вмѣстѣ съ кабардинцами ушли изъ южно-русскихъ степей къ Пятигорью. Но почему же Герберштейнъ указываетъ ихъ на Кубани? На это мы находимъ объясненія въ любопытныхъ свѣдѣніяхъ, которыя сообщаетъ о своемъ народѣ нѣкто Магометъ-бекъ Атажукинъ, одинъ изъ вліятельныхъ кабардинскихъ владѣльцевъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ въ 1732 году въ качествѣ депутата ([5]). «Предки наши», говоритъ онъ, «родились въ Малой Россіи, откуда перешли на Куму-рѣку и тамъ, въ разстояніи двухъ дней ѣзды отъ Терека, поселились въ урочищѣ Пятигорскомъ, гдѣ пять горъ великихъ, и стали называться Пятигорскими черкасами. И та земля была тогда россійская, и были они всѣ христіанскаго греческаго закона. И при державѣ царя Ивана Васильевича пришли они въ вѣчное подданство Россіи, и нѣсколько лѣтъ у оныхъ пяти горъ жили, а потомъ учинилъ на нихъ сильное нападеніе крымскій ханъ и всѣхъ ихъ перевелъ на Кубань, и тамъ насильно стали обращать въ магометанскій законъ. Когда же началась у Россіи война съ Турціей и съ Крымомъ, черкасы при помощи калмыковъ опять ушли съ Кубани въ Россійскую сторону, въ прежнее свое жилище къ пяти горамъ»....

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, если предположить, что часть переселенцевъ, заботясь о расширеніи своихъ хуторскихъ угодій, перебралась изъ Кабарды за Сунжу, на Чеченскую плоскость, тогда еще никѣмъ не занятую и покрытую дѣвственными, трудно проходимыми лѣсами. Тамъ ихъ поселки и хутора встрѣчались у Урусъ-Мартана, у Гойтенъ-Корта, по Аргуну и по другимъ болѣе или менѣе отдаленнымъ мѣстамъ. «И теперь еще свѣжи чеченскія преданія, говоритъ Лаудаевъ въ своемъ описаніи «Чеченское племя» ([6]), «что въ то время, когда чеченцы жили еще въ глубинѣ Ичкеріи и Черныхъ горъ, русскій сдѣлался отцомъ страны, что русская телѣга взошла на горы и что русская матушка (женщина) ходила одна по Лысымъ и Чернымъ горамъ». Тоже говорятъ и другіе изслѣдователи. Изъ этого уже видно, что русскіе были здѣсь не налетомъ, не временными посѣтителями, а жили осѣдло, такъ какъ телѣга и женщина въ горахъ есть несомнѣнный признакъ осѣдлости.

Съ теченіемъ времени число подобныхъ выходцевъ увеличивалось, и, какъ мы полагаемъ, главный контингентъ продолжало доставлять попрежнему Рязанское княжество. Оно находилось на юго-восточной окраинѣ русскаго царства, первое принимало на свою грудь удары степныхъ ордынцевъ, но зато и не хотѣло мириться съ возрастающимъ самовластьемъ московскаго режима. Опасенія за дальнѣйшую вольную жизнь неизбѣжно ее волновали. Примѣръ Новгорода, Пскова и Твери былъ у нихъ передъ глазами. Такая же участь, очевидно, грозила и Рязани. Что тысячи рязанскихъ жителей бѣжали тогда отсюда на Донъ «въ молодечество», на это есть прямое свидѣтельство великаго князя Московскаго Ивана

третьяго, который, гнѣваясь на самовольство рязанцевъ, доставлявшихъ ему немало досадъ, послалъ сказать княгинѣ Аграфенѣ, правившей княжествомъ за малолѣтствомъ своего внука: «Твоимъ людямъ служилымъ быти всѣмъ на моей службѣ, а ослушается кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молодечество, ихъ бы ты, Аграфена, велѣла казнити, вдовьимъ да женскимъ дѣломъ не отпираясь; а по уму бабью не учнешь казнити, ино ихъ мнѣ велѣти казнити» ([7]). Изъ этого наказа, да и изъ другихъ документовъ видно, что рязанцы бѣжали на Донъ; но массовыхъ передвиженій съ Дона, насколько извѣстно, не было вплоть до Ермака; а когда Ермакъ появился на Волгѣ, то Гребенское войско уже существовало и, какъ увидимъ, заявило о себѣ блистательнымъ пораженіемъ крымскихъ татаръ въ 1577 году. Такимъ образомъ считать Гребенское войско за контингентъ, выдѣлившійся изъ войска Донского, какъ полагаютъ нѣкоторые, было бы крайне ошибочно. Мы не отрицаемъ возможности единичныхъ случаевъ, но они не могли оказать серьезнаго вліянія на составъ и характеръ цѣлаго войска.

Что касается до Рязанскаго княжества, то послѣднее массовое выселеніе оттуда произошло, какъ говоритъ И. Д. Попко, въ первой четверти XVI столѣтія, когда рязанскій удѣлъ окончательно утратилъ свою самостоятельность и былъ поглощенъ Москвою. Тогда, не имѣя силъ открыто противиться Московскому великому князю, рязанская вольница поднялась съ своихъ насиженныхъ мѣстъ по роднымъ рубежамъ и двинулась на далекій Терекъ, къ подножію Кавказскаго хребта, гдѣ и осѣла на землѣ Пятигорскихъ Черкасовъ. Все это совершенно естественно. Но ошибочно было бы, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, представлять себѣ старое Рязанское княжество въ предѣлахъ нынѣшней Рязанской губерніи. То была обширная область, занимавшая весь востокъ тогдашней Россіи, вплоть до центральнаго Поволжья. И населеніе южной части ея рѣзко отличалось и типомъ лица, и нравами, и нарѣчіемъ отъ населенія восточной половины той же Муромско-Рязанской земли. Отсюда и возникаетъ вопросъ, изъ какой же именно части вышелъ корень Гребенского войска? Попко указываетъ на южную часть области, гдѣ находился Червленный яръ, основываясь какъ на народномъ преданіи, такъ и на сближеніи словъ Червленный яръ и Червленная станица. Нельзя не замѣтить однако, что подобное сопоставленіе словъ нерѣдко вводило и вводитъ историковъ въ заблужденіе. Есть другіе, болѣе вѣрные способы для опредѣленія народности. «Когда молчатъ документы, говоритъ М. А. Карауловъ, въ своей статьѣ: «Можно-ли считать рѣшенымъ вопросъ о началѣ Терскаго казачества»,—тогда на помощь исторіи являются діалектологія (изученіе народнаго говора) и археологія. Археологическія изысканія должны показать, гдѣ впервые поселились Гребенцы и какъ они жили, а при помощи діалектологіи можно съ достовѣрностью рѣшить, кто и откуда они были. Языкъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ памятниковъ прошлаго». Все это особенно вѣрно по отношенію къ нашимъ Гребенцамъ, которые въ продолженіи трехъ столѣтій жили уединенной, замкнутой жизнію и, можетъ быть, благодаря этой-то изолированности, сохранили языкъ свой во всей его первоначальной чистотѣ. Основываясь на изученіи этого говора, Карауловъ и приходитъ къ убѣжденію, что казаки вышли не изъ южной, а изъ

восточной части Рязанскаго княжества. Но пока это только еще первые шаги въ области діалектологіи; надо подождать дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій въ этой трудной и сложной работѣ, а до тѣхъ поръ вопросъ долженъ оставаться открытымъ.

Съ другой стороны нельзя совершенно игнорировать и мнѣніе И. Д. Попко, какъ это дѣлаютъ его оппоненты. Говоря о Червленномъ ярѣ, Попко говоритъ не отъ себя лично, какъ авторъ созданной имъ поэтической легенды, а передаетъ народное преданіе, записанное человѣкомъ весьма образованнымъ, бывшимъ професоромъ Виленскаго университета, котораго судьба случайно забросила въ Червленную, гдѣ онъ писалъ со словъ такого знатока Гребенской старины, какимъ былъ покойный генералъ Федюшкинъ. Къ сожалѣнію, подлинная рукопись эта нынѣ утеряна, но то, что она была, это засвидѣтельствовано многими лицами, и существованіе ея не подлежитъ сомнѣнію. Слѣдовательно—съ ней надо считаться.

Извѣстный изслѣдователь русскихъ народныхъ миѳовъ Надеждинъ говоритъ, что «въ басняхъ, сказкахъ и старинныхъ пѣсняхъ человѣкъ показываетъ себя во всей, такъ сказать, подлинности своей натуры, со всѣми особенностями и оттѣнками своихъ качествъ. Изучить эту простую, искреннюю, задушевную исповѣдь человѣка о самомъ себѣ, значитъ изучить самаго человѣка по самымъ вѣрнымъ даннымъ, какія мы имѣемъ о его давно минувшей старинѣ». Смотря именно съ этой точки зрѣнія, надо признать, что основой каждому преданію служитъ всегда дѣйствительный историческій фактъ; но этотъ фактъ, живя въ устахъ народа и переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, современемъ подвергается такому значительному искаженію, принимаетъ такой сказочный характеръ, что историку приходится уже разбираться, не трогая самой сущности факта, въ его безконечныхъ варіантахъ, въ тѣхъ наслоеніяхъ, которыя представляютъ собою плодъ народной фантазіи и грѣшатъ болѣе всего въ собственныхъ именахъ и хронологіи.

Сущность преданія, передаваемаго Попко, и заключается именно въ массовомъ переселеніи рязанцевъ на территорію Сѣвернаго Кавказа послѣ того, когда Московскій намѣстникъ—это было именно въ первой четверти XVI столѣтія—объявилъ рязанцамъ приказъ о выселеніи ихъ въ суздальскіе предѣлы. Тогда казаки Червленнаго яра замутились и составили два круга: одни, не видя возможности сопротивляться, приговорили покориться новой властной силѣ и, подъ вѣдомствомъ Московскихъ приказовъ, служить въ городовыхъ казакахъ по стрѣлецкому уряду, гдѣ доведется; другіе, быть можетъ, болѣе энергичные, рѣшили искать себѣ воли и счастія за рубежами отеческой земли, подальше отъ Московскаго правительства. Преданіе разсказываетъ, что рязанцы, собравшись большою станицей (отрядомъ), посадились на заготовленные ими струга съ семьями и со всѣми животами, выплыли весеннимъ половодьемъ на Донъ, откуда переволоклись Камышевкой на Волгу и по ней уже спустились къ низовьямъ Терека. Здѣсь они однако не остались, а двинулись дальше къ Пятигорскимъ черкасамъ. Почему они бѣжали именно къ нимъ, а не въ какую-нибудь другую сторону, это совершенно понятно: тамъ, какъ мы видѣли, давно уже жили русскіе люди, тѣ же рязанскіе выходцы, при содѣйствіи которыхъ нетрудно было соблизиться съ окружавшими ихъ

черкасами и найти себѣ мѣсто для поселенія. Все это, повторяемъ, понятно, но непонятно, зачѣмъ имъ понадобился такой кружный и опасный путь, когда изъ Рязанской украйны существовали другія дороги, болѣе короткія и безопасныя, притомъ хорошо знакомыя рязанцамъ. Вотъ почему все это путешествіе, со всѣми его аксессурами, съ развернутыми новгородскими знаменами, съ ружейной пальбою и пѣснями, съ торжественными проводами и встрѣчами составляетъ, по нашему мнѣнію, чистѣйшій плодъ народной фантазіи, именно то наслоеніе, о которомъ мы говорили. Гораздо вѣрнѣе предположить, что они, съ семействами и домашнимъ скарбомъ, спустившись къ низовьямъ Дона, двинулись вверхъ по Манычамъ, къ Кумѣ, на Маджары и пошли далѣе къ Тереку одною изъ тѣхъ дорогъ, по которымъ наши великіе князья ѣздили на поклоны къ Ханамъ Золотой орды, кочевавшей на Кавказѣ, гдѣ провозили тѣло замученнаго въ ордѣ князя Михаила Тверского и ходили нѣсколько позднѣе служилые рязанскіе казаки, когда посылались на помощь вѣрнымъ намъ Кабардинцамъ. Направленіе это было нетолько однимъ изъ кратчайшихъ, но и наиболѣе безопаснымъ, такъ какъ, идя на Терекъ воднымъ путемъ по нижней Волгѣ и Каспію къ устьямъ Терека, приходилось бы плыть мимо столицы Астраханскаго царства, на что у казаковъ едва-ли было достаточно силъ, да и низовья Терека заняты были еще тогда враждебными народами, подчинявшимися той же Золотой ордѣ, которая владѣла и Шамхальствомъ.

Указать начальное мѣсто расположенія послѣднихъ рязанскихъ выходцевъ не представляется возможнымъ по неимѣнію вполнѣ достовѣрныхъ документальныхъ данныхъ. Очень можетъ быть, какъ говорятъ нѣкоторые, что они поселились даже на тѣхъ самыхъ гребняхъ между Терекомъ и Сунжей, гдѣ впослѣдствіи возникло славное Гребенское войско; но можно сказать утвердительно, что въ то время сами по себѣ они Гребенского войска, какъ организованной единицы, еще не составляли. Оно сложилось изъ нихъ же, но нѣсколько позднѣе, въ силу особыхъ обстоятельствъ, когда, послѣ паденія Казани и Астрахани, пятигорскіе и кабардинскіе черкасы приняли русское подданство. Справедливо замѣчаетъ по этому поводу И. Д. Попко: куда бы ни бѣжали русскіе люди, даже самодурью, безъ видимой государственной цѣли, за ними по пятамъ шло и русское царство. Казалось, что, укрывшись за Терекъ и даже за Сунжу, наши бѣглецы совсѣмъ ушли отъ глазъ Московской Руси, а вышло такъ, что не смѣнилось у нихъ еще первое поколѣніе, какъ уже Терекъ и Сунжа вошли въ предѣлы русскаго царства, и наши переселенцы опять очутились на его рубежахъ. Первые піонеры русскаго дѣла, они до сихъ поръ являлись только колонизаторами этихъ невѣдомыхъ странъ, принимая все на себя, на свой личный рискъ и страхъ, безъ всякаго вмѣшательства правительственной власти, а теперь, волею судебъ, въ тѣхъ же государственныхъ цѣляхъ вдругъ превратились въ его передовые форпосты. Роль эта не являлась для нихъ чѣмъ-нибудь неожиданно новымъ. Многіе изъ нихъ несли уже порубежную службу на родинѣ, другіе понимали, что при той обстановкѣ, которая ихъ здѣсь окружила, никакой мирный трудъ не можетъ существовать безъ охраны оружіемъ, -- и невольно становились казаками. Отсюда былъ уже одинъ только шагъ до образованія вольнаго казачьяго войска. Матеріалъ для него былъ готовъ; нуженъ былъ только

толчокъ,—и случай представился вскорѣ послѣ принятія кабардинцами русскаго подданства. Было бы ошибочно думать, что весь кабардинскій народъ единодушно призналъ надъ собою главенство Россіи; это была только часть его; другіе же владѣльцы, напротивъ, попрежнему тянули въ сторону Турціи и Крыма. Отсюда и начинается нестроеніе земли, взаимныя распри, вражда и междоусобицы, тяжело отзывавшіяся на нашихъ поселенцахъ, которые волею неволею втягивались въ эту мѣстную вражду. Къ этому прибавились еще набѣги чеченцевъ, подрывавшіе въ корень хуторское хозяйство. Долго сопротивлялись русскіе, но въ концѣ концовъ, какъ говоритъ Лаудаевъ (8), возраставшая опасность заставила ихъ постепенно покидать Чечню и перебираться за Сунжу къ своимъ соотечественникамъ. Они уходили изъ Чечни не разомъ, а по частямъ, разновременно, а на покинутыхъ ими мѣстахъ мало по малу водворялись чеченцы. Русскіе въ свою очередь стали дѣлать на нихъ набѣги, жгли ихъ хутора, отгоняли скотъ,—и борьба постепенно разгоралась. Насколько, однако, имя русскаго было еще страшно чеченцамъ, можно судить по тѣмъ разсказамъ стариковъ, которые записаны Лаудаевымъ. Однажды, говоритъ онъ, чеченцы поставили хуторъ и для безопасности поселились въ немъ въ числѣ 18 человѣкъ. Русскіе, собравшись небольшой партіей, вздумали сдѣлать нападеніе, но убѣдившись, что въ хуторѣ много народа, благоразумно отложили свое намѣреніе до другого раза и отошли назадъ. Тогда одинъ изъ чеченцевъ выстрѣлилъ имъ въ догонку и убилъ одного русскаго. Въ память такого событія самое мѣсто, гдѣ стоялъ хуторъ, назвали Маіортупъ, т. е. «становище храбрыхъ», а впослѣдствіи имя это перешло на знаменитый аулъ, возникшій на мѣстѣ хутора и столь извѣстный въ исторіи нашей Кавказской войны.

Другое преданіе (9) говоритъ, что когда всѣ русскіе ушли за Сунжу, въ Чечнѣ остался только одинъ изъ нихъ, по имени Тарасъ, который ни за что не хотѣлъ покинуть мѣсто прежняго своего жительства. Онъ былъ человѣкъ зажиточный и мужественный. Хата его стояла подъ развѣсистымъ дубомъ, и тутъ же пасся его скотъ, и находились пасѣки. Слухъ о его богатствѣ распространился между чеченцами, но какой-то суевѣрный страхъ удерживалъ ихъ отъ нападеній. Самая храбрость его и рѣшимость оставаться одному посреди окружавшихъ его враговъ создали ему репутацію человѣка, обладающаго сверхъестественными чарами. Наконецъ нашлись два чеченца съ верхняго Аргуна, которые прибѣгли къ слѣдующему способу: они выбрали потаенное мѣсто, привязали фитильное ружье къ дереву и навели его на дверь Тарасовой хаты. И вотъ, однажды, какъ только Тарасъ появился на порогѣ, грянулъ выстрѣлъ, и Тарасъ былъ убитъ наповалъ. Два дня, однако, никто не осмѣливался приблизиться къ хатѣ, и только на третій, когда удостовѣрились въ смерти Тараса, пришли и разграбили его имущество.

Существуетъ также разсказъ (10) о томъ, что однажды чеченцы нашли въ покинутомъ хуторѣ образъ, вѣроятно позабытый русскими. Находка эта показалась настолько важной, что народъ собрался на совѣщаніе и рѣшилъ, что если русскіе, переселяясь, второпяхъ позабыли своего Бога, то, вспомнивъ о немъ, пожалуй, вернутся назадъ и останутся уже въ Чечнѣ навсегда. Поэтому старики нашли, что будетъ бла-

горазумнѣе снарядить депутацію и съ нею отправить къ русскимъ образъ. Такъ и сдѣлали. Чеченская пѣсня говоритъ объ этомъ:

Пусть бы русскіе о своемъ Богѣ не вспомнили,
А, вспомнивши, не пришли бы назадъ въ нашу землю...

Таковы преданія самихъ чеченцевъ.

Группируясь сначала въ небольшія общества, а затѣмъ и въ цѣлое войско, казаки избрали для своего поселенія гребни ближайшихъ горъ и назвали себя Гребенскими, т. е. горными, въ отличіе отъ тѣхъ казаковъ, которые жили въ степяхъ или на равнинахъ. Это и составляетъ одну изъ характернѣйшихъ сторонъ Гребенскаго казачества ([16]).

Но гдѣ же были тѣ гребни, на которыхъ они поселились? Почему они отступили отъ общаго казачьяго правила, избиравшаго базисомъ для своей дѣятельности большія судоходныя рѣки: Днѣпръ, Донъ, Волгу, Яикъ и даже Терекъ? Почему они не остановились на послѣднемъ, а пошли дальше и предпочли ему Сунжу, сравнительно ничтожную горную рѣчку? На это можетъ дать отвѣтъ самая топографія мѣстности и условія жизни, встрѣтившія ихъ въ этомъ краѣ.

Все пространство между Терекомъ и Сунжею заполняется двумя параллельными хребтами—Сунженскимъ и Терскимъ. Первый изъ нихъ, составляющій продолженіе Кабардинскаго хребта, достигаетъ отдѣльными вершинами 3-хъ тысячъ слишкомъ футъ и, постепенно понижаясь къ востоку, раздѣляется на два гребня, изъ которыхъ одинъ упирается въ Сунжу, гдѣ впослѣдствіи возникла крѣпость Грозная, а другой оканчивается у Алханъ-Юрта холмистыми возвышенностями. Сѣвернѣе его тянется Терскій хребетъ, высшія точки котораго не превышаютъ 2300 футовъ. Онъ оканчивается у Умаханъ-Юрта, образуя здѣсь съ противоположнымъ ему Качкалыковскимъ хребтомъ ворота, черезъ которыя прорывается Сунжа. Вся эта мѣстность богата минеральными источниками, а между обоими хребтами пролегаетъ широкая долина Алханъ-Чуртъ,—долина безводная, но изобиловавшая превосходными пастбищами и пахотными землями, благодаря, какъ полагаютъ, подпочвенной водѣ.

Здѣсь именно въ тѣ времена пролегалъ важнѣйшій караванный путь, по которому шла черезъ Дербентъ вся торговля прикаспійскихъ странъ, Средней Азіи, Персіи и Шемахи съ народами, обитавшими въ бассейнахъ Терека, Кубани и далѣе черезъ Керченскій проливъ съ Крымомъ. Здѣсь пролегала главная артерія Сѣвернаго Кавказа, по которой кипѣла жизнь народовъ отъ однаго моря до другого. Эту то артерію и переняли наши казаки. Занявъ на гребняхъ Сунженскаго хребта сильную позицію, прикрытую съ фронта рѣкою Сунжей, а съ правой стороны и съ тыла Терекомъ, они овладѣли торговымъ путемъ, проходившимъ черезъ этотъ обширный плацдармъ, и все, что шло сухимъ путемъ отъ Чернаго моря къ Каспію или обратно, не могло уже миновать казачьей заставы.

Въ какое именно время случилось это объединеніе войска, опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ не ранѣе заложенія на Сунжѣ перваго русскаго городка въ 1567 году. Мы основываемъ это на томъ, что когда царь Иванъ Васильевичъ за пять лѣтъ назадъ поставилъ у Татартуба городокъ «для береженья» тестя своего Темрюка, а затѣмъ, спустя

два года, приходилъ сюда воевода князь Иванъ Дашковъ съ царскою ратью и со всѣми служилыми рязанскими казаками, для наказанія кабардинцевъ, непокорныхъ тому-же Темрюку, о Гребенцахъ, какъ о войскѣ, никто изъ нихъ и нигдѣ не упоминаетъ. Странно было бы предположить, что воеводы, да и рязанскіе казаки не знали бы о его существованіи, если бы оно дѣйствительно было тогда организовано. Отдѣльныя поселенія бѣглыхъ русскихъ людей могли не обратить на себя ихъ вниманія, но упустить изъ виду цѣлое войско, конечно, они не могли, да и само войско, находясь столь близко къ этимъ мѣстамъ, дало бы знать о себѣ или противодѣйствуя нашимъ успѣхамъ, ради сохраненія собственной своей независимости, или же помогая Темрюку, какъ царскому присяжнику и тестю.

По свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ трудахъ Терскаго областнаго статистическаго комитета ([12]), ранѣе другихъ образовались двѣ станицы: Червленная въ 1567 и Щедринская въ 1569 годахъ, что соотвѣтствуетъ времени именно заложенія на Терекѣ перваго русскаго городка воеводами Протасовымъ и Бабичевымъ. Изъ этого можно вывести заключеніе, что и на Гребняхъ Гребенское войско осѣло не сразу въ полномъ своемъ составѣ, а сначала поставило двѣ станицы, къ которымъ уже впослѣдствіи примкнули и три остальныя. По всей вѣроятности, это случилось между 1569 и 1577 годами, когда войско явилось настолько сорганизованнымъ и сильнымъ, что могло внушать страхъ даже 25-тысячной крымской арміи.

Послѣдній годъ, какъ увидимъ дальше, и положенъ въ основу историческаго существованія нынѣшняго Терскаго казачьяго войска.

Гдѣ именно поставили на Гребняхъ свои городки первые Гребенскіе казаки, теперь опредѣлить трудно. Быть можетъ изслѣдованія образовавшагося въ Терскомъ казачьемъ войскѣ симпатичнаго общества Любителей Казачьей Старины» впослѣдствіи и освѣтятъ этотъ темный вопросъ, но пока мы должны довольствоваться только указаніями Ригельмана, который говоритъ, что городки стояли въ урочищахъ Голаго Гребня, при Пимоновѣ дубѣ и въ ущельяхъ Павловомъ и Кашлаковскомъ. «Ригельманъ», справедливо замѣчаетъ Г. А. Ткачевъ, «опредѣляетъ эти мѣста, повидимому, точно; но, къ сожалѣнію, его географія для насъ пустые звуки. Никто Голаго Гребня, Пимонова дуба, Павловой щели и Кашлаковскаго ущелья теперь не знаетъ, и эта терминологія совсѣмъ изгладилась изъ памяти народа». Г. Ткачевъ, однако, дѣлаетъ попытку разгадать эту нѣмую географію ([13]). По его мнѣнію, Голый Гребень—это безлѣсный хребетъ противъ станицъ Калиновской и Николаевской, огромный осовъ котораго, круто подмытый Терекомъ, только недавно началъ обростать травою. Здѣсь находятся и Калиновыя Луки, куда приходилъ Алешка Протокинъ сманивать Гребенцовъ къ участію въ разинскомъ бунтѣ. По своему мѣстоположенію пунктъ этотъ чрезвычайно важенъ: отсюда видны всѣ затеречныя степи и дороги, ведущія черезъ нихъ въ Кабарду и въ Крымъ, и тутъ же лучшая переправа у такъ называемаго Козьяго-Яра. Очевидно, что Гребенцы не могли оставить этого мѣста безъ наблюденія.

Другія двѣ станицы могли помѣщаться: одна у Пимонова дуба—на крутизнахъ надтеречнаго хребта противъ Щедринской станицы, гдѣ и теперь еще виднѣются отдѣльныя купы деревъ, а другая у Павловой щели,

на лѣсистыхъ горахъ, противъ станицы Червленной. Здѣсь передъ орлиными гнѣздами казаковъ лежали всѣ важнѣйшія переправы черезъ Терекъ и Сунжу и здѣсь же проходилъ большой караванный путь, перехваченный нашими казаками. Насколько эти мѣста представлялись важными въ военномъ отношеніи, можно судить по тому, что позднѣе само русское правительство стремилось захватить ихъ въ свои руки и поставило здѣсь укрѣпленный острогъ.

Четвертая станица помѣщалась въ тѣснинахъ Нефтянки, недалеко отъ нынѣшнихъ нефтяныхъ промысловъ и горячаго источника св. Павла, гдѣ теперь стоятъ хутора Ермоловской станицы—Гунюшки. Тутъ настоящая волчья щель, по которой проходятъ кратчайшія дороги на переправу у Казакъ-Кичу къ старымъ Куларамъ, къ Амиръ-ханъ-Кичу и далѣе въ глубь чеченской земли.

О пятой станицѣ Ригельманъ не упоминаетъ совсѣмъ, но можно предполагать, что она находилась близъ нынѣшняго Стараго-Юрта на Теплой рѣчкѣ, откуда въ 1614 году пріѣзжалъ въ Терки Гребенской атаманъ Яковъ Ивановичъ Гусевской - фамилія, и понынѣ существующая въ Червленной станицѣ. Очевидно, что если на Теплой рѣчкѣ жилъ атаманъ, то тамъ уже находился и главный городокъ Гребенского войска. И если предположить, говоритъ Ткачевъ, что это была Червленная, то станетъ понятно, почему въ Червленной такъ замѣтны нерусскіе типы, какъ среди мужчинъ, такъ и среди женщинъ. Могло быть, что сюда, какъ въ наиболѣе укрытое и безопасное мѣсто, огражденное остальными городками, какъ крѣпкими форпостами, отсылались всѣ плѣнные, всѣ бѣглецы изъ горъ и даже новокрещены, такъ какъ присутствіе этого элемента въ другихъ окраинныхъ городкахъ, постоянно подвергавшихся опасности внѣшнихъ нападеній, могло быть и нежелательно на случай обороны. Тамъ могли быть только самые вѣрные и надежные защитники, т. е. чисто русскіе люди([14]).

Совсѣмъ иначе сложилось Низовое Терское войско ([15]). Основаніе ему положили не домовитые казаки-хуторяне, а та голытьба, тѣ бездомовные, гулячіе люди, которые, отправляясь въ варяжское молодечество на море, рано узнали дорогу къ устьямъ Терека и здѣсь находили для себя превосходныя зимнія стоянки, съ обильными угодьями для рыболовнаго и охотничьяго промысловъ. А этими промыслами наше воровское казачество только и кормилось въ героическій періодъ своего существованія, когда добыча по тѣмъ или другимъ причинамъ переставала попадать къ нимъ въ руки.

Въ разметахъ низоваго теченія Терека терялась черта, разграничивавшая шамхальскія и кабардинскія владѣнія, и сюда-то, въ непролазную глушь прирѣчныхъ камышей, недосягаемыхъ ни для какой Московской погони, стекались удальцы со всего поволжья, когда царскія рати принимались очищать его отъ разбоевъ. Сюда же, въ глухое приволье Тюменскаго владѣнія, какъ въ безопасное убѣжище, бѣжали разные кабардинцы, чеченцы, кумыки, большіе и малые ногаи, даже грузины, армяне и закубанскіе черкесы,—всѣ, кому тѣсно было жить на родинѣ, кого преслѣдовали сами общества, какъ нарушителей законовъ и обычаевъ страны. Все это были люди того же пошиба, что и русскіе вольные казаки, а потому послѣдніе легко съ ними дружились и уживались.

Такъ мало по малу собиралась эта разноплеменная и разноязычная

община, не имѣвшая у себя даже той внутренней спайки, какою отличалось Гребенское войско, скрѣпленное, какъ несокрушимымъ цементомъ, единствомъ православной вѣры. Случалось, разсказываетъ И. Д. Попко, что какой-нибудь джигитъ Гассанъ похищалъ въ сосѣднемъ аулѣ красавицу Фатьму, и оба, на одномъ конѣ, спасаясь отъ погони, являлись ночью въ одинъ изъ Гребенскихъ городковъ, а на утро Гассанъ превращался уже въ казака Ивана, а Фатьма становилась Марьей, или по-гребенски—Машуткой. У Терцевъ было иначе: никто не спрашивалъ, какого онъ рода и племени, откуда появился, какую исповѣдуетъ вѣру, и православные христіане уживались рядомъ съ христіанами католиками, съ магометанами и даже съ идолопоклонниками.

Когда именно весь этотъ разнокалиберный сбродъ сложился, наконецъ, въ болѣе или менѣе правильное Терское казачье войско, указать трудно. Сами Терцы передаютъ объ этомъ слѣдующее: «Предки наши напередъ сего, въ давнихъ временахъ, были изъ разныхъ мѣстъ и народовъ, какъ то: Донскіе и Волжскіе казаки, поляки, грузины, черкесы и другіе, пришедшіе по разнымъ обстоятельствамъ и случайностямъ къ Каспійскому морю, на устье рѣки Терека. По умножившемуся оныхъ количеству приняли они намѣреніе, учредя усадьбы и мѣсто поселенія, объявить Высочайшему скипетру какъ о своемъ поселеніи, такъ и о ревностномъ желаніи содержать стражу къ охраненію пограничныхъ мѣстъ и обезпеченію ихъ отъ набѣговъ горскихъ хищниковъ. Желаніе нашихъ предковъ принято было съ монаршимъ благоволеніемъ, и отъ царя Ивана Васильевича въ 1578 году пожалована была имъ первая по времени грамота» ([16]). Около этого же времени казаки поставили при впаденіи одного изъ рукавовъ Терека въ море, на урочищѣ Баклаковѣ, крѣпкій городокъ съ пристанью и обширнымъ окопомъ въ видѣ треугольника, почему онъ и назывался Трехстѣннымъ. Но городокъ этотъ былъ только опорнымъ и сборнымъ пунктомъ Терскихъ казаковъ, а сами они жили попрежнему разбросанными юртами по разметамъ терскаго устья и держались ватагами по ближайшимъ островамъ для производства рыбнаго промысла. Никто и ни когда счета этому войску не велъ, и бездомовное, непосидячее казачество свободно приливало въ терскіе юрты съ Волги и столь же часто отливало на Волгу, а къ этому надо добавить еще, что пиратство, или, говоря языкомъ вѣка, «молодечество», увлекавшее на Сине море казаковъ, губило множество отважныхъ плавателей въ утлыхъ досчаникахъ и стругахъ, и такимъ образомъ численная сила войска находилась въ постоянномъ и рѣзкомъ колебаніи.

Когда Московскіе воеводы прибыли на рѣку Тюменку и поставили приморскій городъ Терки, обитатели Трехстѣннаго городка явились къ нимъ съ повинной головою за прежнія шалости и оказали добрыя услуги при построеніи царскаго города. Съ этого, съ 1586 года и считается начало существованія Терскаго казачьяго войска, какъ сословія служилаго, которое, подобно другимъ казачьимъ войскамъ, составило передовой форпостъ русскаго государства.

О дальнѣйшей судьбѣ этихъ двухъ казачьихъ войскъ—Гребенскаго и Терскаго мы будемъ говорить по мѣрѣ развивавшихся вокругъ нихъ крупныхъ историческихъ событій.

Глава III.

Еще городокъ на Терекѣ не былъ поставленъ, а Пятигорскіе черкасы уже извѣстили Крымскаго хана, что на Терекъ пришла русская рать и хочетъ ставить городъ. «А если городъ поставятъ», добавляли они, «то не только намъ пропасть, но и Тюмень и Шевкалъ будутъ за Москвою». Ханъ потребовалъ объясненій отъ нашихъ пословъ, находившихся тогда въ Крыму; но послы, совсѣмъ неподготовленные къ такому вопросу, застигнуты были врасплохъ и могли отвѣтить только, что про городъ ничего не вѣдаютъ.

«Царь вашъ», сказалъ имъ ханъ Девлетъ-Гирей, «поймалъ юрты бусурманскіе—Казань и Астрахань, а нынѣ уже на Терекѣ городъ ставитъ и несется къ намъ въ сусѣди. И буде государь вашъ хочетъ быть со мною въ дружбѣ и братствѣ, то онъ бы города на Терекѣ не ставилъ, и я съ нимъ помирюсь...». Послы тотчасъ же извѣстили царя о враждебномъ настроеніи Крыма, да и самъ Девлетъ-Гирей писалъ ему: «Послышали есмя, что на шамхальской и черкасской сторонѣ городъ ставишь, чтобы шамхальскую землю и черкасскую изневолить. И тебѣ бы туто города не ставить, и предки твои чего не дѣлывали, и тебѣ бы того не дѣлати...». Царь приказалъ отвѣчать, «что городъ ставится не на крымской сторонѣ, а на землѣ царскаго тестя, князя Темрюка, для береженія его отъ недруговъ, и буде тѣ черкасы съ Тюмрюкомъ княземъ помирятся, и отъ того города убытка имъ ни котораго не будетъ».

Девлетъ-Гирей не удовольствовался, однако, этимъ отвѣтомъ и отправилъ въ Черкасы сильное войско, подъ начальствомъ одного изъ своихъ царевичей. «Ты похотѣлъ», писалъ онъ впослѣдствіи Грозному, «тѣмъ городкомъ отлучить черкасъ отъ Хендекерова Величества и отъ насъ, а мы, милосерднаго Бога милостью, на ихъ землю рать послали и, отъ тебя черкасъ отлучая, всю землю черкасскую воевали и жгли, и жены и дѣти имали, и животинку и овцы пригнали. И что черкасамъ учинилося, то ты и самъ оттолѣ увѣдаешь...». Изъ Кабарды писали дѣйствительно, что крымцы произвели страшный погромъ и увели съ собою одними плѣнными болѣе 20 тысячъ человѣкъ ([1]).

Разрывъ съ Крымомъ сдѣлался неизбѣжнымъ. Это обстоятельство не могло не озабочивать Грознаго, занятаго тогда войною съ Ливоніей, куда направлены были почти всѣ наши силы, и на восточной границѣ ихъ оставалось очень немного. Царь спѣшилъ разсѣять собиравшіяся тучи новыми переговорами съ Крымомъ, но тутъ обстоятельства обострились тѣмъ, что въ дѣло вмѣшался Турецкій султанъ, потребовавшій не только снесенія Терскаго городка, но возвращенія себѣ Казани и Астрахани. На-

до сказать, что вопросъ объ этомъ поднимался еще въ 1563 году, когда мы ставили городокъ у Татартупа, но тогда богатые дары, посланные Грознымъ Крымскому хану, успѣли разстроить все предпріятіе, тѣмъ болѣе, что помогать своему сюзерену въ пріобрѣтеніи областей, издавна составлявшихъ достояніе Крыма, было вовсе не въ видахъ Девлета. Теперь дѣло было другое. Султанъ, верховный повелитель самаго Крымскаго хана, считавшій себя главой всего магометанскаго міра, не желалъ примириться съ тѣмъ, чтобы въ древнихъ мусульманскихъ убѣжищахъ, въ Казани и Астрахани, стояли христіанскія церкви, и благовѣстъ колоколовъ разносился тамъ, гдѣ долженъ былъ слышаться только призывъ муедзиновъ. Если заботы о внутреннихъ дѣлахъ государства помѣшали ему своевременно стать на защиту бывшихъ царей, то онъ не хотѣлъ упустить благопріятнаго случая теперь и приказалъ своимъ войскамъ, вмѣстѣ съ Крымскимъ ханомъ, идти подъ Астрахань, взять городъ, овладѣть всѣмъ нижнимъ теченіемъ Волги и, такимъ образомъ, разъединить опять Московское царство съ тѣми народами, которые обитали въ низовьяхъ Терека и вообще на Сѣверномъ Кавказѣ. Планъ задуманъ былъ грандіозный. Войска должны были спуститься на судахъ отъ Азова по Дону до переволоки, затѣмъ соединить Донъ широкимъ каналомъ съ Волгой и разъ навсегда установить водное сообщеніе между Крымомъ и Астраханью. Предпріятіе это однако прежде всего испугало самого Крымскаго хана, который, дорожа своею относительною самостоятельностію, больше всѣхъ боялся усиленія могущества турокъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря, на Дону и Волгѣ. Крымцы любили предпринимать опустошительные набѣги одни, ради вѣрной и легкой добычи, а тутъ имъ предстоялъ далекій и трудный походъ, успѣхъ котораго притомъ былъ весьма сомнительный, предстояла осада Астрахани, по слухамъ, сильно укрѣпленной, и жестокія битвы съ русскими войсками, быть можетъ и малочисленными, но стойкими въ бояхъ. Даже въ случаѣ успѣха расчеты ихъ на добычу были ничтожны; московскихъ плѣнниковъ турки имъ не дадутъ, а грабить астраханскихъ татаръ не позволятъ. Предвидя все это, ханъ употребилъ всѣ средства, чтобы отклонить султана отъ его намѣренія; но приказъ повторенъ былъ категорически,—и оставалось повиноваться. Турецкія войска прибыли изъ Кафы, подъ начальствомъ Касимъ-паши, и Девлетъ-Гирей выступилъ въ походъ въ августѣ 1569 года, когда приближалась осень.

Съ самаго начала пошли несогласія и распри между турками и крымскими татарами; предводители ихъ также не ладили между собой, и вообще въ войскахъ не замѣчалось того одушевленія, того подъема духа, который только и служитъ залогомъ побѣды. Такъ дошли до Переволоки. Здѣсь оба предводителя окончательно убѣдились въ фантастичности возложеннаго на нихъ порученія и, оставивъ всякую мысль о прорытіи канала, на что потребовались бы цѣлые годы, отпустили тяжелую артиллерію обратно въ Азовъ, а сами двинулись дальше только съ 12 легкими пушками. Но едва они подошли къ Астрахани и стали укрѣпляться, готовясь начать осаду, какъ получилось извѣстіе о приближеніи сюда царскаго войска. Ни Касимъ-паша, ни Девлетъ-Гирей не имѣли желанія вступать въ открытый бой, а потому зажгли свои деревянныя укрѣпленія

и отступили съ такою поспѣшностью, что царское войско настигнуть ихъ не могло (²).

Но на пути ихъ ожидали уже кабардинцы, успѣвшіе пересѣчь имъ дорогу. По словамъ Шора-Ногмана, они напали на непріятеля около Бѣлаго Озера, въ верстахъ 60 отъ Астрахани, разбили его на голову, разграбили обозы, взяли множество плѣнныхъ и возвратились домой съ большою добычею (³). Участвовали ли въ этомъ набѣгѣ Гребенскіе казаки, - сказать утвердительно трудно. Шора-Ногманъ о нихъ не упоминаетъ, другихъ документовъ нѣтъ, но такъ какъ на Гребняхъ къ этому времени уже стояли два Гребенскіе городка, Червленный и Щедринскъ, то можно предполагать, что Гребенцы были. И если Шора-Ногманъ о нихъ не упоминаетъ, то, можетъ быть, только потому, что ихъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, часто смѣшивали съ кабардинцами.

Извѣстіе о неудачномъ походѣ Крымскаго хана подъ Астрахань дошло до Москвы въ дни народнаго траура, когда скончалась царица Марія Темрюковна, а вмѣстѣ съ нею порвалась до нѣкоторой степени и та живая связь, которая соединяла насъ съ кабардинскими черкасами. Царь попрежнему благоволилъ къ своему тестю, но многіе кабардинскіе князья отпали отъ Москвы, и при ихъ-то содѣйствіи крымцы въ слѣдующемъ же 1570 году нанесли жестокое пораженіе Темрюку. Это была отместка за пораженіе ихъ на Бѣломъ Озерѣ. «И былъ Темрюку», какъ извѣщали царя, съ царевичемъ Крымскимъ бой, и Темрюкъ съ боя съѣхалъ раненъ, а двухъ сыновъ Темрюковыхъ, Мамструка и Баберюка царевичъ Анди-Гирей на бою взялъ и привелъ съ собою въ Крымъ». Такъ извѣщали царя сами кабардицы. Попытка Грознаго выкупить ихъ не имѣла успѣха, такъ какъ крымцы требовали за каждаго по шести тысячъ золотомъ, чего царская казна дать не могла (⁴).

Но гроза собиралась уже надъ головою Россіи и захватила ее врасплохъ. Весною 1571 года, пользуясь отсутствіемъ русскихъ войскъ въ Ливонію и Польшу, самъ Крымскій ханъ съ 120-тысячною конницей вошелъ въ наши предѣлы, опустошилъ всѣ южно-русскія области, дошелъ до самой Москвы, сжегъ ее и увелъ съ собою болѣе ста тысячъ плѣнныхъ. Такого погрома Россія не испытывала со времени татарскихъ нашествій, и царь, подъ вліяніемъ народнаго бѣдствія, вынужденъ былъ пойти на уступки. Онъ писалъ Крымскому хану, что возвратитъ ему Астрахань при окончательномъ заключеніи мира, а до тѣхъ поръ просилъ прекратить набѣги, въ то же время, въ угоду султану, «чтобы показать ему братской любви знамя», онъ приказалъ снести Терскій городокъ и царскія войска вывести изъ него въ Астрахань. Казалось (⁵), что всѣ результаты нашей политики на Ближнемъ Востокѣ готовы были рушиться, но счастье еще не совсѣмъ покинуло Грознаго.

Причиною этого была кичливая заносчивость и легкомысліе Крымскаго хана, вообразившаго, что послѣ сожженія Москвы Россія будетъ служить ему источникомъ вѣчныхъ доходовъ. Увѣренность эта была такъ велика, что лѣтомъ 1572 года онъ снова повторилъ набѣгъ, но на этотъ разъ счастье ему измѣнило. Въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы онъ встрѣченъ былъ воеводой княземъ Воротынскимъ и потерпѣлъ такое неслыханное пораженіе, которое по истинѣ можно назвать баснословнымъ:

изъ всей 120-тысячной конницы только жалкіе остатки съ самимъ ханомъ успѣли бѣжать въ крымскія степи; лучшіе, храбрѣйшіе вожди ея, князья, мурзы и уздени были перебиты, другіе, обезумѣвшіе отъ страха, бросали оружіе и отдавались въ плѣнъ; но русскіе не щадили никого, и болѣе ста тысячъ татарскихъ тѣлъ усѣяли все пространство между Лопасней и Рожаемъ, гдѣ и понынѣ еще виднѣются высокіе насыпанные надъ ними могильные курганы.

«Сей день», говоритъ Карамзинъ, «принадлежитъ къ числу великихъ дней нашей воинской славы: Россіяне спасли Москву, отмстили за пепелъ столицы, возстановили честь русскаго оружія, окончательно утвердили за собою Казань и Астрахань и, если не навсегда, то надолго, уняли крымцевъ» ([6]).

Теперь объ уступкѣ Астрахани не могло быть рѣчи, а вскорѣ возобновленъ былъ и Терскій городокъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ о томъ кабардинцевъ. Въ Москву пріѣзжалъ тогда князь Канбулатъ, родной братъ умершаго уже Темрюка, и просилъ царя поставить снова городокъ на Терекѣ «для береженія ихъ отъ крымцевъ и Шамхала Тарковскаго». Царь согласился и, не боясь теперь ни Крымскаго хана, ни Турецкаго султана, занятаго жестокою войною съ Персіей, отпустилъ съ Канбулатомъ въ 1577 году воеводу Лукьяна Новосильцева «для городового дѣла со многими людьми и съ вогненнымъ боемъ».—«И язъ», говоритъ Новосильцевъ, «пришедъ въ черкасы Пятигорскіе, на рѣкѣ Терекѣ, на устьѣ Сунжи рѣки городъ поставилъ». Такъ возникла во второй разъ русская крѣпость, названная также, какъ и первая, «Терки» ([7]).

Мѣсто, гдѣ былъ поставленъ новый городокъ, указать съ точностью трудно; но, по всей вѣроятности, онъ находился или на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ старый и гдѣ сохранились еще остатки валовъ, заросшихъ густыми порослями лѣса, или же въ очень недальнемъ отъ него разстояніи. По книгѣ «Большаго Чертежа» онъ значится на лѣвомъ берегу Терека, какъ разъ противъ устья Сунжи. Выборъ такого мѣста могъ обусловливаться тѣмъ, что нижнее теченіе Сунжи отдѣляло тогда кабардинскія земли отъ кумыкскихъ и шамхальскихъ владѣній, и положеніе городка на этомъ рубежѣ подчиняло надзору его гарнизона всѣ пути, по которымъ совершались обычные набѣги на кабардинцевъ. Съ другой стороны Московское правительство могло имѣть въ виду и близость вольнаго казачьяго войска, осѣвшаго уже тогда на Гребняхъ, чтобы привлечь и его къ совмѣстной службѣ съ терскимъ гарнизономъ. Но Гребенскіе казаки, какъ чисто русскіе люди, сами пошли навстрѣчу правительства и выразили полную готовность служить интерасамъ Московскаго государства. Вотъ что говоритъ о нихъ Новосильцевъ.

«Въ тѣ поры (когда онъ только что шелъ еще ставить городъ) проходили многіе турскіе люди съ нарядомъ (т. е. съ артиллеріей) къ Кизильбашскимъ городамъ и города Шемаху и Желѣзныя Врата (Дербентъ) взяли и, оставивъ въ тѣхъ городахъ санчаковъ своихъ (воеводъ), турскіе люди опять въ море пошли. И Кизильбашскій шахъ, собрався, подъ свои города пришедъ, и тѣ свои города облекъ многою силою. И Турскій султанъ писалъ къ Крымскому Мегметъ-Гирею царю, чтобы Мегметъ-Гирей царь шелъ къ Кизильбашамъ, турскимъ людямъ на помощь, со всею

Крымскою ордою. И Крымскій Мегметъ-Гирей царь въ Кизильбашъ не пошелъ, а послалъ брата своего Калгу-Алды-Гирея царевича со многою ратью. И какъ Крымскій царевичъ шелъ мимо государя нашего города Терки, а съ нимъ было ратныхъ людей полтретьядцать (25) тысячъ, и лѣзъ Сунжу рѣку и Горячаго кладезя (около Брагуновъ), то прислалъ ко мнѣ, государеву воеводѣ, въ Терку прошати у меня дороги и казаковъ бы мнѣ государевыхъ уняти, чтобы Сунчу рѣку отъ Терскихъ казаковъ перелѣзти здорово. И какъ Крымскій Алды-Гирей царевичъ, перелѣзши Сунчу рѣку, сшелся съ кизильбашами, и кизильбашскіе люди его побили, и Калгу Алды-Гирея царевича взяли жива, то тѣ люди Крымскаго царевича, которые отъ того дѣла утекли, пошли назадъ и перелѣзли Сунчу рѣку далече отъ Терскаго городка (*). И намъ про нихъ случилась вѣсть, что они черезъ Терку перелѣзли безвѣстно, и что съ ними было людей тысячъ съ десять. И язъ ихъ дошедъ, и съ Божіею помощью и государевымъ счастіемъ тѣхъ людей побилъ на голову, и лошади ихъ отогналъ». Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что первую вѣсть о переправѣ крымцевъ принесли Гребенскіе казаки и они же главнымъ образомъ участвовали въ истребленіи остатковъ крымскаго войска. (**)

Приведенный выше разсказъ Новосильцева особенно важенъ для насъ потому, что въ немъ впервые упоминается о Терскихъ, или вѣрнѣе о Гребенскихъ казакахъ, какъ о силѣ уже организованной, способной внушить должный страхъ даже такому сильному войску, какое было у Алды-Гирея.

Такъ началась первая боевая служба Гребенцовъ русскому государству, и съ этихъ именно поръ, т. е. съ 1577 года ВЫСОЧАЙШЕ повелѣно считать старшинство нынѣшняго Терскаго казачьяго войска.

Здѣсь мы должны отмѣтить, что Новосильцевъ, называя казаковъ *Терскими,* даетъ этимъ поводъ нѣкоторымъ историкамъ приписывать приведенное нами событіе собственно «Терскому казачьему войску» и совершенно отвергать существованіе въ то время Гребенскихъ казаковъ. Но Терское войско, какъ мы уже говорили, образовалось гораздо позднѣе; жило оно въ низовьяхъ Терека, около моря, и на Гребняхъ никогда не появлялось. Даже поверхностное знакомство съ государственными актами можетъ убѣдить каждаго, что въ XVI и даже въ началѣ XVII вѣка царскіе воеводы постоянно смѣшивали эти два войска и, примѣняясь къ общей терминологіи другихъ казачьихъ войскъ, называли ихъ однимъ и тѣмъ же именемъ «Терскіе казаки».

Вскорѣ Гребенцамъ представился и новый случай нанести сильное пораженіе другому уже турецкому отряду, слѣдовавшему изъ Дербента въ Крымъ для низложенія мятежнаго хана Магомедъ-Гирея. Порученіе это

(*) Обратная переправа крымцевъ совершилась, какъ полагаютъ, около Умаханъ-Юрта.

(**) Добавимъ нѣсколько словъ объ участи Алды-Гирея. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Шемахою и отправленъ къ шахскому двору въ Казвинъ, гдѣ жилъ скорѣе какъ гость, нежели какъ плѣнникъ. Храбрый, красивый и ловкій юноша, онъ съумѣлъ овладѣть сердцемъ сестры персидскаго шаха, но связь ихъ скоро была открыта. Дворцовая стража вступилась за неприкосновенность гарема и убила неосторожныхъ любовниковъ. Это случилось въ 1579 году. (Изъ матеріаловъ Е. Г. Вейденбаума: Hammer, Histoire de l' Empire Ottoman, tome VII).

возложено султаномъ на правителя Ширвани Османъ-пашу, который съ значительными силами двинулся осенью 1583 года черезъ шамхальство Тарковское и кумыкскія владѣнія на Сунжу, чтобы оттуда степями Сѣвернаго Кавказа проникнуть въ Крымъ черезъ Темрюкъ и Тамань. Гребенцы, провѣдавшіе объ этомъ движеніи, устроили засаду въ густомъ лѣсу, покрывавшемъ лѣвый берегъ Сунжи, и внезапно напали на турокъ во время самой переправы у Горячаго колодца, между Брагунами и нынѣшней Кахановской станицей. Бой завязался жестокій. Османъ-паша успѣлъ пробиться, но казаки неотступно преслѣдовали его три дня, отбили всѣ обозы и захватили множество плѣнныхъ. Подъ ихъ ударами Османъ съ трудомъ перебрался черезъ Терекъ и остановился лагеремъ у горы Бештау; но казаки зажгли степь, и турецкое войско, охваченное огненнымъ моремъ, лишенное подножнаго корма, бѣжало въ полномъ разстройствѣ. Замѣчательное событіе это оставило столь сильное впечатлѣніе въ умахъ сосѣднихъ народовъ, что съ тѣхъ поръ путь, по которому шелъ Османъ, и мѣсто переправы его на Сунжѣ получили названія Османовскаго шляха и Османовскаго перевоза. Съ этими именами они вошли и въ наши посольскія донесенія ([9]).

Турки долго не могли забыть своего пораженія, и даже черезъ два года вопросъ этотъ не потерялъ для нихъ своего остраго характера. Когда Борисъ Благовъ въ 1585 году ѣздилъ посломъ въ Константинополь, Османъ-паша, тотъ самый, котораго погромили Гребенскіе казаки, говорилъ ему: «Когда я шелъ изъ Дербента, то на меня напало съ тысячу казаковъ, но я всѣхъ ихъ побилъ, утекло человѣкъ съ двѣсти. Я тогда же хотѣлъ сѣсть на суда и идти подъ Астрахань. И только бы я къ Астрахани пошелъ, я бы Астрахань тотчасъ взялъ, но я не хотѣлъ межъ такихъ великихъ государей ссору учинить изъ-за такого малаго дѣла». Не смотря на такую хвастливую рѣчь, какъ онъ, такъ и Крымскій ханъ предъявили настоятельное требованіе, чтобы государь велѣлъ свести съ Терека всѣхъ казаковъ до единаго, «дабы турскимъ людямъ проходъ въ Кизильбаши былъ безстрашенъ». Очевидно, казаки, засѣвшіе на перепутьи между Крымомъ и Дагестаномъ, сильно тревожили оттоманскія власти, опасавшіяся потерять черезъ нихъ всѣ плоды своихъ завоеваній въ Персіи. Крымскій ханъ говорилъ Благово: «Султанъ жалуется, что казну де свою потратилъ, завоевалъ Дербентъ, а нынѣ изъ Азова къ нему турскимъ людямъ проходу нѣтъ. Казаки, которые живутъ на Терекѣ, на перевозахъ и въ топкихъ мѣстахъ на нихъ нападаютъ, а иныхъ въ полонъ емлютъ. Султанъ не можетъ этого терпѣть и будетъ воевать Москву». Благово отлично зналъ, что ни султанъ, ни Крымскій ханъ не приведутъ своихъ угрозъ въ исполненіе, такъ какъ на Окѣ въ постоянной боевой готовности стояло большое царское войско, а потому отвѣтилъ только: «Чѣмъ тутъ похваляться? То дѣло въ руцѣ Божіей. Кому что Богъ дастъ, то и будетъ, а похваляться тутъ нечѣмъ». Султану онъ заявилъ прямо, что на Терекѣ государевыхъ людей нѣтъ, а которые раньше на Терекѣ жили, и тѣхъ людей государь нашъ велѣлъ давно съ Терки свесть, а теперь живутъ тамъ воры, бѣглые казаки разбойники безъ государева вѣдома; никого они де не слушаютъ, и хотя бы ихъ всѣхъ побили, намъ стоять за нихъ не за что» ([10]). Такъ, соблюдая политику, вынужденъ былъ

говоритъ Московскій царь устами своего посланника; но это отреченіе было только фиктивное и вовсе для казаковъ не опасное. Не въ видахъ Россіи было уменьшать свою добровольную охранную стражу, и Московское правительство, отрицаясь отъ казаковъ на словахъ, въ тоже время втихомолку поддерживало ихъ всѣмъ, чѣмъ было возможно.

Когда именно и почему выведенъ былъ гарнизонъ изъ городка, поставленнаго Новосильцевымъ, точныхъ указаній нѣтъ, но въ 1583 году, во время пораженія Османа, тамъ его уже не было. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ за это время никакихъ извѣстій о царскихъ войскахъ, не встрѣчаемъ воеводъ и даже о пораженіи Османа узнаемъ только изъ переговоровъ Московскаго посла съ Крымскимъ ханомъ, да «съ турскими салтановыми ближними людьми». Любопытныя свѣдѣнія о немъ намъ сообщаетъ также турецкій историкъ Али, описавшій этотъ бѣдственный походъ со всѣми подробностями ([11]). Что же касается до нашихъ оффиціальныхъ документовъ, то Благово говоритъ опредѣленно, что царскихъ людей на Терекѣ нѣтъ, а живутъ тамъ воры—бѣглые казаки, да и самъ Османъ свидѣтельствуетъ, что на него нападали одни казаки, а Московскихъ войскъ съ ними не было. Очень можетъ быть, что по условіямъ того времени удержать за собой передовое укрѣпленіе въ столь значительномъ отдаленіи отъ Астрахани, безъ связующаго промежуточнаго пункта между устьями Волги и Сунжи, оказалось невозможнымъ. Главное затрудненіе встрѣчалось въ снабженіи его съѣстными и боевыми припасами, особенно въ зимнее время, когда закрывался морской путь изъ Астрахани къ устью Терека. Такимъ образомъ городокъ былъ нами оставленъ, но его тотчасъ же заняли Гребенскіе казаки, тѣ самые, «за которыхъ стоять намъ было нечего».

Кромѣ двухъ описанныхъ случаевъ, о дѣятельности Гребенскихъ казаковъ за послѣдніе годы царствованія Ивана Грознаго имѣется мало свѣдѣній, да и тѣ большею частію заключаются въ жалобахъ персидскихъ, крымскихъ и турецкихъ купцовъ, попадавшихъ въ ихъ руки на большомъ караванномъ пути. Нѣтъ сомнѣнія, что Гребенцы, какъ и все порубежное казачество, помимо царской службы, занималось еще и вольными промыслами, не входившими въ программы Московскихъ воеводъ, что, можетъ быть, и ихъ лѣтописи,- если бы онѣ только были—пестрѣли такими же подробностями, какія встрѣчаемъ въ родословной книгѣ кабардинскихъ князей: «утонулъ на Кубани рѣкѣ, какъ за добычею ѣздилъ подъ абазинцевъ, убитъ въ Шалоховыхъ кабакахъ—ѣздилъ красть ночью; убитъ въ Козларскомъ кабакѣ Хотовыхъ кабаковъ узденями ночью жъ на кражѣ заѣды» и проч. и проч. Такіе налеты, составлявшіе поэзію казачьей жизни, воспитывавшіе духъ ихъ, несомнѣнно были сродни и нашимъ Гребенцамъ, но предпринимались ими не для одной добычи, не по нуждѣ «добыть себѣ зипуновъ», а просто изъ лихого молодечества, изъ желанія окурить порохомъ молодежь, незнакомую еще съ боевыми опасностями, не дать затупиться своей шашкѣ или заржавѣть въ чехлѣ завѣтной стамбульской винтовкѣ. И ихъ нельзя было смѣшивать или ставить въ параллель, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, съ тѣми воровскими казаками, которые, шатаясь по проѣзжимъ дорогамъ, хватали все, что попадалось, не разбирая: были ли то караваны съ царской казною, русскіе или иноземные купцы съ товарами,

просто-ли богатые бояре или посадскіе люди. Про тѣхъ и пословица такая сложилась: «Наши ребята, что телята, на что взглянутъ, то и тянутъ». Гребенцы никогда не жили на счетъ мирныхъ обитателей русской земли, а только за счетъ враговъ своего народа, своего отечества ([12]). Можетъ быть эта-то характерная черта, прошедшая черезъ всю исторію войска красною нитью, и удержала ихъ впослѣдствіи отъ вмѣшательства въ дѣла самозванцевъ, Стеньки Разина и кумскихъ раскольниковъ.

Что же касается до Государевой службы, то, опираясь на крѣпостцу, покинутую нами послѣ 1578 года, они держали заставы на перелазахъ черезъ Сунжу, караулили проѣзды черезъ горныя тѣснины и топкія мѣста, посылались въ различныя развѣдки, а также проводниками къ посламъ и даже охранною стражей при караванахъ, получавшихъ пропускъ отъ Астраханскаго воеводы. Одинъ изъ документовъ передаетъ намъ, что Гребенцы однажды даже переусердствовали въ своемъ отправленіи службы и убили царскаго родственника князя Асланбека, роднаго внука Темрюка, отъ сына его Доманука. Убили они его на перелазѣ черезъ Сунжу «не ввѣды», т. е. неумышленно, по ошибкѣ, вѣроятно, принявъ въ темнотѣ свиту его за воровскую шайку. Такъ, по крайней мѣрѣ, оправдывались они передъ Московскими воеводами. Для насъ маловажный самъ по себѣ случай этотъ имѣетъ значеніе потому, что казаки здѣсь впервые названы своимъ настоящимъ именемъ—Гребенскими ([13]).

Къ послѣднимъ же годамъ царствованія Грознаго относится также появленіе за Терекомъ, въ Кумыкской землѣ, небольшой фракціи Донскихъ или Волжскихъ казаковъ, очутившихся здѣсь по слѣдующему поводу.

Въ 1577 году, когда Лукьянъ Новосильцевъ ставилъ при устьѣ Сунжи Терскій городокъ, другой царскій стольникъ Мурашкинъ привелъ Московскую рать на Донъ, навлекшій на себя гнѣвъ царя Ивана Васильевича за постоянное пристанодержательство различныхъ бѣглыхъ людей и разбойниковъ. Мурашкинъ разогналъ всѣ воровскія шайки, многихъ казнилъ, многихъ, поймавъ, отправилъ въ ссылку, но еще большее число, спасая свои головы, бѣжало на Волгу, гдѣ образовали сильную разбойничью шайку, подъ предводительствомъ атамана Ермака Тимофеевича,—«родомъ неизвѣстнаго, душою знаменитаго», какъ сказано о немъ въ русскихъ лѣтописяхъ ([14]). Скоро отъ его разбоевъ, смѣлыхъ до дерзости, не стало проѣзда по всему поволжью ни водою, ни сухопутьемъ. Молва о Ермакѣ, о его разумѣ, храбрости и подвигахъ дошла наконецъ до именитыхъ людей Строгановыхъ, владѣвшихъ тогда обширными землями по Камѣ отъ Пермской земли до верховій рѣчки Чусовой. Они поняли эту великую мощную силу, воплощавшую въ себѣ былинныхъ богатырей русскаго эпоса, и отправили къ нему «ласковую» грамоту. «Брось свое ремесло, не достойное христіанскаго витязя», писали они. «Ищи опасностей не безславныхъ. Примирись съ Богомъ и Россіею. Мы имѣемъ крѣпости и земли, но мало дружины. Иди къ намъ оборонять Великую Пермь и восточный край государства». Ермакъ прослезился, читая эти строки, и тутъ же рѣшилъ заслужить вину свою передъ Богомъ и Великимъ государемъ.

Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ одна старинная народная пѣсня:

Какъ пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралися казаки, люди вольные,
Собирались, братцы, они во единый кругъ,
Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе.
Атаманомъ у нихъ былъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ.
Стали думать они думушку единую
Со крѣпка ума, съ полна разума.
Какъ возговорилъ тутъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,—
Да возговорилъ онъ, что въ трубу вострубилъ:
Ужъ какъ лѣто то проходитъ, лѣто теплое,
А зима наступаетъ холодная,
Еще гдѣ-то намъ, казакамъ, зимовать будетъ?
Намъ на Волгѣ жить—все ворами слыть;
На Яикъ идти—переходъ великъ;
Подъ Казань идти—Грозенъ царь стоитъ,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ.
Мы уйдемъ-ко въ Усолье ко тѣмъ Строгановымъ,
Ко тому-ли Григорію Григорьевичу,
Возьмемъ мы свинцу-пороху, да запасу хлѣбнаго,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, братцы, во походъ пойдемъ
Да вины свои заслужимъ передъ Грознымъ царемъ.

Надо замѣтить, что пѣсня эта, говоря о сборѣ Донскихъ, Гребенскихъ и Яицкихъ казаковъ, нѣсколько предупреждаетъ событія. Яицкаго войска тогда еще не было: оно сложилось именно изъ остатковъ ермаковскихъ шаекъ, а Гребенцы никогда не ходили на Волгу. Но не мимо идетъ эта народная пѣсня. Не всѣ казаки ушли съ Ермакомъ по призыву Строгановыхъ. Часть ихъ съ атаманомъ Нечаемъ спустилась къ Астрахани и оттуда степями перебралась къ устью Яика, гдѣ образовала новое Яицкое войско. Другая часть съ атаманомъ Андреемъ (такъ говорятъ преданія) прошла за Терекъ и тамъ, въ Кумыкской землѣ, на берегу рѣки Акташа, заняла въ горномъ ущельѣ запустѣлый городокъ, обнесенный каменной стѣною ([15]). Понятно, что казаки, пришедшіе сюда въ числѣ трехсотъ человѣкъ прямо съ разбойнаго дѣла на Волгѣ, не имѣли при себѣ ни женъ, ни имущества, пришли голытьбой и здѣсь, похищая женщинъ у сосѣднихъ народовъ, стали обзаводиться, по казачьему обычаю, «невѣнчальными женами», а вмѣстѣ съ ними, можетъ быть, и нѣкоторымъ хозяйствомъ.

По мнѣнію многихъ, вотъ эта-то фракція, назвавшая свой городокъ по имени атамана Андрея Шадра—«Андреевскимъ», и положила, будто бы, начало Гребенскому войску. Такого мнѣнія держится большинство писателей: Татищевъ, Болтинъ, Дебу, Броневскій и другіе; но всѣ они основываютъ свое предположеніе только на созвучіи словъ Андрей и Эндери, какъ называютъ это селеніе кумыки. Между тѣмъ, Берже говоритъ, что между Эндери, или Индили, какъ его называютъ наши государственные акты XVI вѣка, и именемъ Андрея нѣтъ ничего общаго, что Эндери не

искаженное, а чисто кумыкское слово, обозначающее въ русскомъ переводѣ гумно или токъ, на которомъ молотятъ хлѣбъ ([16]). Да и Гребенское войско, какъ мы говорили, образовалось раньше, чѣмъ появились здѣсь остатки ермаковской шайки. Слѣдовательно пришельцы могли только усилить собой его боевой составъ, но никакъ не могли послужить для него основаніемъ.

Что казаки когда-то занимали Эндери—этого отрицать нельзя, такъ какъ и нынѣ, по прошествіи почти трехъ вѣковъ, деревня эта во всѣхъ нашихъ документахъ и актахъ продолжаетъ именоваться Андреевской деревней или Андреевскимъ ауломъ; да и Петръ Великій, когда шелъ въ Дербентъ въ 1722 году, на просьбу Шамхала-Тарковскаго Адиль-Гирея разрѣшить его брату Айдемиру поселиться въ Эндери, отвѣчалъ: «Въ Андреевской деревнѣ ему, Айдемиру, жить нельзя, понеже та земля изстари Гребенскихъ казаковъ» ([17]).

Другое дѣло вопросъ: долго-ли жили казаки въ Андреевской? На это можно отвѣтить только, что по всей вѣроятности очень недолго. По крайней мѣрѣ тѣ же народныя преданія говорятъ, что, тѣснимые со всѣхъ сторонъ кумыками, казаки вынуждены были покинуть свой городокъ и разошлись частью по низовьямъ Терека, а большею частью по гребенскимъ городкамъ, гдѣ и слились съ Гребенцами. Когда именно это случилось—никакихъ указаній нѣтъ, но въ 1589 году, значитъ черезъ 10—11 лѣтъ послѣ ихъ прихода, казаковъ въ городкѣ уже не было. Мы узнаемъ это изъ донесеній Терскаго воеводы князя Хворостинина, который писалъ, что царская рать, посланная противъ Шавкала, причинила ему великое утѣсненіе, отняла рѣку Койсу, взяла и сожгла Андреевскій городъ,—слѣдовательно въ немъ были тогда уже не казаки, а кумыки. Спустя десять лѣтъ, въ 1598 году другой воевода Лобановъ-Ростовскій доносилъ еще опредѣленнѣе, что въ Андреевской живутъ дѣти Шамхала Салтанъ-Магмутъ съ братьею, а у нихъ конныхъ 200 человѣкъ. Наконецъ, изъ третьяго донесенія воеводы Головина въ 1614 году видно, что для приведенія государева непослушника Султанъ-Магмута съ братьею подъ высокую царскую руку, онъ, воевода, посылалъ противъ нихъ ратныхъ людей, которые разорили Андрееву деревню и владѣльца ея изъ нея выгнали ([18]). Съ этихъ поръ кумыки долго не домогались занимать Эндери, и селеніе оставалось покинутымъ.

Глава IV.

«Въ Кирилловъ день, 18 марта 1584 года въ Александровской слободѣ, близъ Москвы, скончался царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Пятидесяти двухлѣтнее царствованіе его оставило послѣ себя крупные слѣды въ русской исторіи. Много было совершено за это долгое время громкихъ и славныхъ дѣлъ, развернувшихъ предѣлы Московскаго царства, поднявшихъ въ сосѣднихъ народахъ престижъ русскаго имени: пали Казань и Астрахань, послѣдніе оплоты нашихъ поработителей, Волга сдѣлалась великою русской рѣкою; далекая Сибирь, со всѣми ея природными богатствами, склонилась подъ скипетръ Московскаго самодержца, а на южной окраинѣ граница переносится на Терекъ и Сунжу. За Терекомъ живутъ уже дружественныя намъ племена кабардинцевъ, а за ними лежитъ православная, единовѣрная намъ Иверія. Много вопросовъ, уже намѣченныхъ, но еще не разрѣшенныхъ, оставилъ Грозный въ наслѣдіе своимъ преемникамъ, и намъ предстоитъ теперь прослѣдить шагъ за шагомъ то, что ими было сдѣлано. Послѣ тяжелаго, но спасительнаго для Русской земли, режима Ивана Васильевича Грознаго, и доселѣ еще не оцѣненнаго, какъ должно, русскими историками, немало пришлось пережить ей народныхъ бѣдствій, смутъ и внутреннихъ потрясеній; но поступательное движеніе, данное ей Грознымъ, уже не могло остановиться. «Широкою, могучею волною, говоритъ М. А. Карауловъ, разливалась Русь, по безбрежному степному пространству. А впереди ея, какъ соколы, вырвавшіеся на волю, летятъ ближайшіе наслѣдники, прямые потомки славныхъ когда-то великихъ, могучихъ богатырей святорусскихъ—казаки» ([1]).

Царь Федоръ Ивановичъ, унаслѣдовавшій русскій престолъ послѣ смерти Грознаго, продолжалъ по отношенію къ народамъ Сѣвернаго Кавказа политику своего отца и даже включилъ въ царскій титулъ слова: Государь Кабардинской земли, черкасскихъ и горскихъ князей». А одновременно съ этимъ начинаются и болѣе близкія сношенія съ Грузіей, перерванныя, какъ мы говорили, вмѣшательствомъ Персидскаго шаха. Теперь политика Ирана приняла совершенно другое направленіе. Шахъ самъ предлагалъ уступить намъ Кахетію, если мы завоюемъ шамхальство, возьмемъ города Дербентъ, Шемаху и Баку, занятые турецкими гарнизонами, и, такимъ образомъ, избавимъ его отъ близкаго сосѣдства ненавистныхъ ему турокъ.

Въ то же время, въ 1586 году, въ Москву прибыло посольство Кахетинскаго царя Александра, который писалъ Федору: «Настали времена ужасныя для христіанства, предвидѣнныя многими боговдохновенными мужами. Мы, единовѣрные братья россіянъ, стенаемъ отъ нечестивыхъ.

Одинъ ты, вѣнценосецъ православія, можешь спасти нашу жизнь и душу. Бью тебѣ челомъ до лица земли со всѣмъ народомъ; да будемъ твои во вѣки вѣковъ». Онъ также просилъ послать войска на Шавкала, чтобы черезъ его владѣнія открыть кратчайшее сообщеніе съ Грузіей ([2]).

Мысль эта давно уже занимала Московское правительство, но для выполненія ея требовалось время, средства и большія приготовленія. Начались переговоры. Московскимъ посламъ Биркину и Пивову, отправленнымъ въ Грузію въ 1587 году, приказано было говорить, что царь поставитъ сильную крѣпость при устьѣ Терека и пойдетъ войной на Шавкала, но чтобы и Кахетинскій царь выслалъ на помощь своихъ ратныхъ людей, а главное, доставилъ бы въ Тюменскій острогъ (прежній городъ Тюмень, непрерывно существовавшій съ 1560 года), провіанта на 2500 человѣкъ царскаго войска. Послы отправились въ путь не черезъ шамхальскія земли, берегомъ Каспійскаго моря, а кругомъ, черезъ владѣнія Аварскаго хана, гдѣ горный путь былъ опасенъ и требовалъ опытныхъ проводниковъ. Поэтому Астраханскій воевода «отписалъ вольнымъ казакамъ на Терку, что бы они проводили посланниковъ въ Грузію, до коихъ мѣстъ пригоже; а на обратномъ пути дожидали бы ихъ на Теркѣ и проводили въ Астрахань». Проводники явились, и съ помощію ихъ послы благополучно достигли цѣли своего путешествія. Договоръ въ главныхъ чертахъ былъ заключенъ. Возвратившись назадъ въ 1588 году, послы заявили, что царь Александръ цѣловалъ крестъ и вмѣстѣ со всею землею клялся быть въ вѣчномъ, неизмѣнномъ подданствѣ Россійскимъ Государямъ и имѣть съ ними однихъ друзей и однихъ враговъ. Царь согласился даже уплачивать дань: 50 персидскихъ камчей, да десять узорчатыхъ ковровъ мѣстнаго производства; но относительно доставки провіанта отвѣчалъ, что такого количества хлѣба во всей землѣ его, разоренной нашествіями, собрать нельзя, да и перевезти его «для дальнія дороги и высокихъ горъ неможно» ([3]). Такимъ образомъ намъ приходилось ограничиться только собственными средствами.

Не смотря на шаткость такого договора, Московскіе цари начинаютъ съ этихъ поръ писаться въ титулѣ: «Государи Иверской земли и грузинскихъ царей». Это былъ шагъ, говоритъ Карамзинъ, крайне опасный для Московскаго государства, ибо на берегахъ Куры мы ставили себя между двумя сильными воюющими державами; но правительство Федора Ивановича, повидимому, заботилось болѣе лишь о распространеніи по ту сторону Кавказскихъ горъ молвы о могуществѣ Россіи, нежели о фактическомъ господствѣ надъ столь отдаленной и такъ мало доступной для Россіи страною. И тѣмъ не менѣе походъ на Шавкала былъ рѣшенъ окончательно.

Намъ нужно было торопиться съ этимъ дѣломъ уже потому, что еще въ концѣ 1586 года, какъ только начались наши сношенія съ Грузіей, князь Лобановъ-Ростовскій доносилъ изъ Астрахани, что турки съ своей стороны посылаютъ царевича Мурадъ-Гирея ставить на Терекѣ крѣпость, чтобы обезпечить себѣ проходъ къ Желѣзнымъ Вратамъ, и что у нихъ «для городового дѣла заготовлено уже одного желѣза болѣе, чѣмъ на тысячѣ телѣгахъ. Поэтому онъ совѣтовалъ предупредить ихъ скорѣе, такъ какъ водвореніе турецкой власти на берегахъ Каспія составило бы

прямую угрозу нашему положенію на Нижней Волгѣ, а крымцамъ открыло бы удобный предлогъ для походовъ въ Прикаспійскій край на помощь турецкимъ войскамъ. Лобановъ придавалъ этимъ слухамъ столь важное значеніе, что, не ожидая отвѣта изъ Москвы, писалъ отъ себя «на Терекъ къ атаманамъ и вольнымъ казакамъ, чтобы они, до царскаго указа и до прихода Мурада-царевича, съ Терки никуда не ѣздили». Къ донцамъ съ такими же вѣстями отправленъ былъ казачій сотникъ Созоновъ (4).

Не имѣя надобности оказывать излишнюю уступчивость Турціи, царь Федоръ Ивановичъ распорядился прежде всего образовать изъ Терской окраины особое самостоятельное воеводство, съ сильнымъ опорнымъ пунктомъ, и съ этою цѣлью, весной 1588 года, изъ Астрахани отправлены на Терекъ ратные люди съ бояриномъ Бурцевымъ и келаремъ Протасьевымъ. Они выбрали удобное мѣсто въ Тюменскомъ владѣніи кабардинскаго князя Данклиша, давняго присяжника Московскихъ государей, и тамъ, у самаго устья Терека, вблизи протока Тюменки, поставили крѣпость и при ней воеводскій городъ, болѣе долговѣчный, чѣмъ прежніе городки, благодаря тому, что Каспійское море и Астрахань служили ему надежною базой. Почти вслѣдъ за ними прибылъ и первый Терскій воевода князь Андрей Ивановичъ Хворостининъ съ значительнымъ отрядомъ Московскихъ стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ. Но такъ какъ крѣпость не была еще достроена, то войска временно расположились въ Тюменскомъ острогѣ, и только 22 ноября Хворостининъ донесъ государю, что городъ поставленъ, и что онъ «переселился въ него съ войсками и со многими жителями». Новый городъ названъ былъ также Терскимъ, а старыя Терки, находившіяся при устьѣ Сунжи, съ этихъ поръ стали именоваться Сунженскимъ городищемъ; въ тоже время Тюменскій острогъ, какъ потерявшій свое значеніе, былъ совершенно упраздненъ (5).

Такъ началась новая эра въ жизни Кавказской окраины. Но прежде, чѣмъ говорить о дальнѣйшемъ развитіи историческихъ событій, сдѣлаемъ описаніе самаго города и укажемъ на его стратегическое значеніе въ краѣ.

По словамъ извѣстнаго путешественника Олеарія, оставившаго намъ свои мемуары, и Котова, степеннаго Московскаго купца, посѣтившаго Терки въ первой четверти XVII столѣтія (6), новый воеводскій городъ былъ расположенъ верстахъ въ четырехъ или пяти отъ берега моря, въ низменной равнинѣ, на лѣвой сторонѣ стараго Терека, который за его мелководье татары называли «Сухимъ». Климатическія условія поэтому были не совсѣмъ благопріятныя. Весною вся низменная мѣстность затоплялась водою, оставлявшей послѣ себя долго не просыхавшія болота, а лѣтомъ рѣка почти пересыхала, и застоявшаяся вода становилась солонцеватою и порождала болѣзни. Зато самый городъ, небольшой, но чистенькій, производилъ пріятное впечатлѣніе своими опрятными, красивыми зданіями. Черезъ городскія ворота путешественникъ по главной улицѣ попадалъ на площадь, гдѣ находились соборъ, воеводскій дворъ, присутственныя мѣста, торговые ряды и каравансараи. На одной изъ городскихъ башенъ были даже часы съ курантами,—чрезвычайная рѣдкость по тогдашнему времени. Далѣе, по небольшому деревянному мосту, устроенному

на случай наводненія на высокихъ козлахъ, можно было перейти на другой берегъ Терека, гдѣ находились слободы различныхъ горскихъ выходцевъ, и тамъ же, на правомъ берегу, стоялъ Благовѣщенскій монастырь, одинъ изъ тѣхъ разсадниковъ вѣры и просвѣщенія, которыми такъ сильны были русскія окраины, даже въ тяжелые для Россіи годы.

Самый городъ обнесенъ былъ кругомъ высокими деревянными стѣнами съ бойницами и башнями, откуда грозно смотрѣли жерла чугунныхъ орудій. На башняхъ стояли часовые и зорко слѣдили, не появятся-ли гдѣ, нибудь воровскія шайки. Въ случаѣ тревоги ворота тотчасъ-же запирались, а стрѣльцы и пушкари по колокольному звону занимали свои мѣста на городскихъ стѣнахъ. Впрочемъ, за весь до-Петровской періодъ мы не имѣемъ ни одного извѣстія о серьезномъ покушеніи на Терскій городъ, считавшійся по тогдашнему времени сильно укрѣпленнымъ пунктомъ. Молва преувеличивала силу его гарнизона до 60-ти тысячъ. Даже персидскій шахъ спрашавалъ нашего посла Васильчикова: правда-ли, что царское войско подошло къ Дербенту, тысячъ съ шестьдесятъ, и ставитъ вблизи отъ него городъ на Теркѣ? Васильчиковъ отвѣчалъ, что рать эта прислана по всей вѣроятности для того, чтобы не пропускать турскихъ людей черезъ Терекъ въ Кизильбашскую землю, или же просто турскіе люди задрали Гребенскихъ казаковъ, и казаки не утерпѣли и съ турскими людьми завоевались. Относительно же численности войскъ посолъ не счелъ за нужное разубѣждать шаха и отвѣчалъ уклончиво: «Въ такомъ пограничномъ мѣстѣ городу съ малыми людьми быти нельзя» (7).

Въ сущности же Терскій гарнизонъ состоялъ всего изъ двухъ тысячъ Московскихъ стрѣльцовъ и пятисотъ городовыхъ казаковъ, называемыхъ также жилецкими. Этихъ казаковъ ненадо смѣшивать съ казаками вольными, стоявшими отъ нихъ совершенно особо. Городскіе казаки были просто наемные люди, особый видъ легкаго войска, которыхъ держали воеводы въ тѣхъ порубежныхъ городахъ, гдѣ малочисленность стрѣлецкихъ приказовъ не представляла собою надежной охраны; контингентомъ для нихъ служили преимущественно люди безродные, «голутвенные», которые нанимались на извѣстные сроки и, разумѣется, туда, гдѣ имъ было выгоднѣе. Самая боевая организація ихъ ничѣмъ не отличалась отъ стрѣлецкой: то же безусловное подчиненіе мѣстному воеводѣ, тѣ же «приказы», тѣ же головы, сотники и пятидесятники. При совмѣстной службѣ всякое различіе между ними и стрѣльцами утрачивалось, и воеводы часто называли ихъ однимъ общимъ именемъ: царскіе ратные люди.

Что касается до Терскихъ городовыхъ казаковъ, то ихъ особенность передъ другими заключалась въ томъ, что вопреки установившихся обычаевъ, они въ большинствѣ были пѣшіе. По этому случаю посламъ, отправленнымъ къ Кахетинскому царю, велѣно было говорить, что въ Терскомъ гарнизонѣ будетъ свыше двухъ тысячъ человѣкъ, «но что въ томъ государевомъ городкѣ на Теркѣ государевымъ людямъ коннымъ быть невозможно, а будутъ все люди пѣшіе и стрѣльцы и казаки съ вогненнымъ боемъ». Почему это было такъ—мы сказать не умѣемъ, но недостатокъ конницы съ избыткомъ возмѣщался вольными казаками, отличавшимися своимъ наѣздничествомъ. Объ нихъ мы будемъ говорить впослѣдствіи.

Кромѣ стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ, въ постоянный гарнизонъ

Терской крѣпости входили еще такъ называемые инородцы, т. е. различные горскіе выходцы, селившіеся подъ городомъ особыми слободками. Первымъ явился сюда нѣкто Шихъ-Мурза, владѣлецъ Окуцкій, вмѣстѣ со своими подвластными. Гдѣ именно находились его владѣнія, теперь указать трудно, но, судя по тому, что Биркинъ и Пивовъ, отправлявшіеся въ Кахетію, шли отъ Суншина Городища на Черкасскаго князя Алкаса, а потомъ мимо горской землицы Ококи, на Индели (Андреевское), можно полагать, что оно было гдѣ-нибудь въ сосѣдствѣ съ Гребенскими городками. Посолъ отъ него прибылъ въ Москву въ октябрѣ 1588 года и заявилъ, что Шихъ желаетъ служить государю и хочетъ жить въ Терскомъ городкѣ вмѣстѣ съ царскими воеводами.

«Прежъ сего», писалъ Шихъ-Мурза царю Ѳедору Ивановичу, «когда на Терекѣ ваши государевы города были, и въ тѣ поры я съ отцомъ своимъ, съ Ушаромъ-Мурзою вѣрою и правдою служили, и послѣ того, какъ велѣлъ тѣ города разорить, и мы тогда съ твоими государевыми Терскими атаманами и казаками служили, и твое государево имя выставляли, и къ Турскому и къ Крымскому не приставали, и тѣхъ, корорые имъ прямили, воевали вмѣстѣ съ казаками-жъ... Для тебя язъ въ Желѣзныхъ Воротѣхъ много нужи терпѣлъ есми, и саблею за тебя есми доводилъ. Толи наша вина: 500 человѣкъ было казаковъ, и я, Шихъ-Мирза, въ головахъ тебѣ служили, Индили городъ, и съ тѣмъ семь городовъ взяли есми... Отецъ мой приказывалъ слово твое въ головѣ держати, и тебѣ служить, сколько бы твоей службы не будетъ. И коли отецъ мой былъ бы живъ, и отецъ мой вамъ бы служилъ, и мы станемъ тебѣ служить. А нынѣ у меня слугъ моихъ 500 человѣкъ. А велишь гдѣ итти на свою службу,—и язъ съ тѣми своими слугами готовъ».

Замѣчательно, что одновременно съ посломъ Шиха, въ Москву прислана была челобитная отъ Терскихъ вольныхъ атамановъ и казаковъ *), въ которой они заявляли, что «прежъ сего служили государю на Терекѣ и промышляли всякимъ государственнымъ дѣломъ за одно съ Шихъ-Мурзою Окуцкимъ, что сему Шихъ-Мурзѣ отъ шавкальскихъ и горскихъ людей тѣснота великая, что они пересѣдаютъ его по всѣмъ дорогамъ и хотятъ убить, такъ что ему прожить въ Окунахъ никакъ невозможно и приходится ѣхать въ Астрахань» ([8]). Такимъ образомъ Терскіе казаки сами выступаютъ въ качествѣ ходатаевъ за Шиха, который въ свою очередь свидѣтельствуетъ о вѣрной службѣ казаковъ, доходившихъ съ нимъ, въ числѣ 500 человѣкъ, до самаго Дербента. Московское правительство отвѣтило, что «прямая служба Шиха вѣдома». И Окуцкій Мурза поселился въ одной изъ слободокъ Терскаго городка, получившей съ тѣхъ поръ названіе слободы Окоцкой.

Вмѣстѣ съ посломъ Шиха пріѣзжалъ въ Москву посолъ и отъ кабардинскаго князя Алкаса, того самаго, черезъ владѣнія котораго проѣзжали наши посланники Пивовъ и Биркинъ. Онъ говорилъ, что князь Алкасъ вмѣстѣ съ царскими воеводами собирается самъ идти на Шавкала, «а съ нимъ его рати будетъ тысячу человѣкъ, да Шихъ-Мурза пошлетъ съ нимъ же и своихъ людей сто человѣкъ конныхъ и сто пѣшихъ». Царь при-

*) Судя по мѣстожительству Шиха, это были не Терскіе, а Гребенскіе казаки.

нялъ обоихъ пословъ, сидя въ золотой палатѣ въ царскомъ одѣяніи, окруженный боярами, а въ сѣняхъ стояли дворяне и приказные люди въ золотномъ платьѣ и въ парадномъ убранствѣ. Царь милостиво выслушалъ ихъ челобитье, пожаловалъ посламъ дорогія шубы, а на время пребыванія ихъ въ Москвѣ велѣлъ отпускать кормъ изъ дворца ([9]).

Вслѣдъ за Шихомъ стали появляться и другіе инородцы, населявшіе мало-помалу наши слободки. Среди нихъ были кумыки, или татары зарѣченскихъ юртовъ, какъ ихъ называли воеводы, были кабардинцы, черкесы и даже чеченцы мичкизяне (мичиковцы) и шибутяне, нынѣшніе шатоевцы. Всѣ они дѣлились на новокрещенъ и магометанъ, среди которыхъ много было окочанъ, пришедшихъ съ Шихъ-Мурзой и не пожелавшихъ принять христіанство. Вѣротерпимость была полная. И тѣмъ не менѣе, принявшихъ святое крещеніе селили особой слободкой, не смѣшивая съ магометанами, чтобы какъ тѣ, такъ и другіе не мѣшали другъ другу въ отправленіи своихъ религіозныхъ обязанностей. Служба для всѣхъ была равная, но инородцы употреблялись преимущественно на разныя опасныя развѣдки въ сосѣднихъ земляхъ, откуда, благодаря знанію мѣстныхъ языковъ и стариннымъ связямъ, доставляли нерѣдко цѣнныя свѣдѣнія. Ближайшая власть надъ всѣми инородцами принадлежала наслѣдственно княжескому роду Джанклиша, во владѣніи котораго были поставлены самыя Терки. Самъ Джанклишъ, сынъ его Санчулей, внукъ Муцалъ и правнукъ Каспулатъ послѣдовательно принимали бразды правленія надъ этой разноплеменной и разноязычной толпой, творили у нихъ судъ и расправу, а въ бояхъ предводительствовали и вольными Терскими и Гребенскими казаками. Рыцарски-храбрые, честные и благородные они пользовались большимъ уваженіемъ въ народѣ, а въ дѣлахъ управленія служили лучшими совѣтниками и помощниками Терскимъ воеводамъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы послѣдніе относились съ такимъ-же довѣріемъ и къ подвластнымъ имъ инородцамъ. Въ одной изъ воеводскихъ отписокъ по поводу лучшаго укрѣпленія Терскихъ слободокъ мы читаемъ, что слободы эти были обнесены «въ острога мѣсто» только одной плетневой огорожей, за которой имъ, инородцамъ, въ случаѣ сильнаго нападенія, безъ служилыхъ русскихъ людей сидѣть будетъ нельзя; «а намъ послать къ нимъ въ осадъ служилыхъ людей будетъ некого. На городскую же сторону, въ острогъ, опричь мурзъ и лучшихъ узденей, пускать татаръ и черкасъ нельзя, потому что чаемъ отъ нихъ шатости и дурна большого» ([10]). Не вполнѣ, какъ видно, полагаясь на горцевъ, воеводы искали опоры въ нашихъ вольныхъ казакахъ, являвшихся въ извѣстные моменты усердными и вѣрными слугами государства.

Мы уже говорили, что съ заложеніемъ въ низовьяхъ Терека русской крѣпости, на историческую сцену выдвигается новая сила—вольное Терское казачье войско, заявившее себя, впрочемъ, на первый разъ такими воровскими наклонностями, что Хворостининъ писалъ государю: «Здѣсь, государь, какъ пріѣхали мы на Терекъ, въ твой государевъ Тюменскій острогъ, Михайло Бурцовъ да келарь Протасьевъ дали намъ роспись, что погромили Терскіе атаманы и казаки на рѣкѣ Брянцѣ *) у людей калско-

*) Рѣка или протока Брянца отдѣлялась отъ Терека съ лѣвой стороны его, нѣсколько ниже протоки Быстрой, и впадала въ Каспійское море близь нынѣшней Брянской косы.

го узденя Аплана Боранского, а на погромѣ взяли трехъ человѣкъ да съ ними 45 лошадей, да разныя вещи»... Жаловался на нихъ и Тюменскій князь Салтаней, у котораго казаки также «поймали на звѣриной ловлѣ трехъ человѣкъ и отвели ихъ въ плѣнъ и забрали у нихъ оружіе, 40 лисицъ и иной всякой рухляди»... Воеводы четырехъ человѣкъ разыскали и возвратили Аплану и Салтанею, а про двухъ остальныхъ казаки сказали, что они отъ нихъ утекли; лошадей же и рухляди не отдали и сами къ воеводамъ не поѣхали. Очевидно, что Терскіе казаки въ ту пору во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ Московскимъ правительствомъ, въ лицѣ его мѣстныхъ органовъ, держали себя крайне независимо ([11]).

Въ силу-ли такихъ обстоятельствъ или просто потому, что бухарскіе и персидскіе товары распродавались преимущественно оптомъ въ богатой Астрахани, торговля и промышленность новаго города, не смотря на выгодное положеніе его на караванномъ пути, долгое время находилась въ застоѣ. Купцы съ большими караванами, проходившими черезъ Терки подъ охраной стрѣльцовъ, направлялись прямо въ Астрахань, а если часть товаровъ и застрявала какъ-нибудь въ здѣшнихъ караванахъ, то тезики (персидскіе купцы) ломили за нихъ баснословныя цѣны, а главное не принимали въ уплату мѣдной монеты, которую Москва старалась сбывать именно на свои окраины. Городскіе базары стояли пустыми, и воеводы жаловались, «что ни кумыки, ни ногаи къ намъ въ Терки на торгъ не пріѣзжаютъ, а ѣздятъ торговати—кумыки въ ногаи, а ногаи въ кумыки, боясь, что ихъ погромятъ казаки» ([12]).

Но время брало свое. Съ появленіемъ царской рати въ низовьяхъ Терека чувствовалось уже, что вольная казацкая жизнь должна прекратиться, что передъ казаками вставалъ роковой вопросъ: искать-ли новыхъ мѣстъ, подальше отъ надвигавшейся грозы, или же войти въ соглашеніе съ Московскимъ правительствомъ? Казаки выбрали послѣднее и, такимъ образомъ, съумѣли еще надолго сохранить самостоятельность. Они исполняли различныя порученности нашихъ воеводъ: помогали строить Терки, держали сторожевые посты, высылали разъѣзды, давали проводниковъ и ходили въ походы вмѣстѣ съ нашими войсками. Въ послѣднемъ случаѣ имъ отпускали даже царское жалованье. Но надо сказать, что не столько жалованье, сколько природная русская удаль, да еще, пожалуй, надежда на добычу, являлись могучими двигателями, приводившими вольныхъ казаковъ къ воеводскому знамени. Въ свою очередь мѣстные воеводы охотно шли навстрѣчу такимъ компромисамъ, благоразумно довольствовались тѣмъ, что давали сами казаки, и даже подчасъ смотрѣли сквозь пальцы на ихъ старинное молодечество.

Такимъ образомъ, Московское государство къ концу XVI вѣка имѣло на Сѣверномъ Кавказѣ сильную крѣпость, занятую стрѣлецкими полками и многочисленной артиллеріей, да въ роли передовыхъ форпостовъ, два вольные казачьи войска—Терское и Гребенское. Крѣпость поддерживала казаковъ, а казаки въ свою очередь расширяли сферу ея вліянія и были настолько ей необходимы, что Терскіе воеводы категорически заявляли, что «если казаковъ по Тереку и на Гребняхъ не будетъ, то Терскому городу будетъ большая тѣснота». Вотъ это-то взаимодѣйствіе и служило главнымъ образомъ оплотомъ русскаго могущества на Терекѣ и,

можно сказать, окончательно закрѣпляло за нами эту далекую окраину. Послѣ цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ Московскому государству удалось, наконецъ, стать твердою ногою на Сѣверномъ Кавказѣ,—и теперь оставалось только покончить съ Шамхальствомъ.

Походъ на Шавкала въ принципѣ давно уже былъ рѣшенъ, но князь Хворостининъ весьма дипломатично поддерживалъ съ нимъ мирныя сношенія, стараясь пока не давать повода къ явному разрыву. Ожидали изъ Москвы пословъ, которые должны были отправиться въ Грузію, чтобы окончательно условиться съ царемъ Александромъ относительно будущихъ военныхъ дѣйствій. На этотъ разъ въ посольство были назначены князь Семенъ Звенигородскій и дьякъ Торхъ Антоновъ, которымъ вручена была царская грамота за золотою печатью для передачи ея Кахетинскому царю. «Твое челобитье», говорилось въ ней, «мы пріятно учинили, и тебя и всю твою землю Иверскую пожаловали—подъ свою царскую руку приняли, и городъ на Теркѣ для тебя поставити велѣли, и людей въ немъ своихъ учинили, и тебя, Александра царя, и твою землю ото всѣхъ твоихъ недруговъ своимъ Астраханскимъ и Терскимъ воеводамъ обороняти велѣли... А на Шевкала князя велимъ послать съ Терки рать свою съ вогненнымъ боемъ, чтобъ Шевкала подъ свою царскую руку привести и къ твоей землѣ Иверской дорогу очистити»...

Съ послами отправлены были къ царю Александру богатые дары: 40 соболей, тысяча горностаевъ, 15 рыбьихъ зубовъ, вѣсомъ въ пять пудъ, драгоцѣнный панцырь съ шеломомъ, да три кречета. По пути послы должны были передать царскіе подарки также Шихъ-Мурзѣ, кабардинскимъ князьямъ Алкасу и Солохи и Аварскому хану съ братомъ, черезъ земли которыхъ лежалъ ихъ путь. Шихъ-Мурзѣ и князю Солоху—два панцыря со всѣмъ уборомъ, бархатныя собольи шубы съ золотомъ, камчатные кафтаны также съ золотомъ да черныя шапки. Кромѣ того, Алкасу - бархатную куныю шубу съ золотомъ, а Кварскому хану и брату его Черному князю—шубы собольи, панцыри и шапки изъ чернобурыхъ лисицъ. Всего на подарки издержено было 475 рублей ([13]). И невольно задумаешься надъ вопросомъ: деньги-ли тогда такъ высоко цѣнились, или горностаи и соболи стоили такъ дешево?

Посольство прибыло въ Терки 6-го августа 1589 года и было принято со всѣми подобающими почестями. Конные инородцы и часть вольныхъ казаковъ встрѣтили его въ нѣсколькихъ верстахъ за городомъ, и отсюда сопровождали въ видѣ почетнаго эскорта; весь гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ, выстроенный шпалерами вдоль главной улицы отъ городскихъ воротъ до посольскаго дома, гдѣ ожидало грузинское посольство. Въ разговорѣ съ послѣднимъ о предстоящемъ походѣ князь Звенигородскій сказалъ, между прочимъ, что государевой рати прибыло съ нимъ изъ Астрахани 1200 человѣкъ «съ вогненнымъ боемъ» въ прибавку къ той, которая стоитъ уже въ Теркахъ; «иная же многая рать, конная и судовая, будетъ на Шевкала послѣ».

Изъ Терки оба посольства отправились вмѣстѣ 23 августа на судахъ до Сунщина городища, откуда должны были слѣдовать уже сухимъ путемъ, подъ прикрытіемъ конвоя изъ трехсотъ пѣшихъ стрѣльцовъ и 50 конныхъ Терскихъ казаковъ, такъ какъ, по словамъ Хворостинина, «ни въ

Теркѣ, ни въ Астрахани въ конные стрѣльцы не прибралось ни одного человѣка». Кромѣ того ожидались еще уздени Шихъ-Мурзы, Алкаса, Аварскаго хана и другихъ кабардинскихъ князей, вызвавшихся служить посламъ охраною и проводниками. Въ тоже время сотня вольныхъ Терскихъ казаковъ, отправленныхъ впередъ, заняла и укрѣпила всѣ перевозы съ тѣмъ, чтобы не пропускать чрезъ нихъ никого, пока послы не достигнутъ Кахетіи. Согласно народнымъ обычаямъ, Хворостининъ потребовалъ отъ всѣхъ проводниковъ присяги и выдачи заложниковъ. Всѣ дали, за исключеніемъ князя Алкаса, который отказался.—«Если вы не вѣрите мнѣ», сказалъ онъ, «то какъ можете повѣрить моей присягѣ? Я буду съ вами, развѣ этого мало?»—«Но отчего же ты не хочешь сдѣлать того, что сдѣлали всѣ твои соотечественники?» спросилъ Звенигородскій.—«Я дожилъ до старыхъ лѣтъ, и до сихъ поръ во всѣхъ дѣлахъ моему слову вѣрили; закладовъ никогда ни кому не давалъ». На повторенныя требованія, онъ отвѣчалъ: «Хорошо; я дамъ присягу, но провожать васъ пошлю своихъ узденей, а самъ не поѣду и заклада не дамъ.—«Ты въ этомъ воленъ», сказали послы: «хочешь ѣхать—поѣзжай, не хочешь—не ѣзди. Ты видишь самъ, что государевыхъ людей съ нами достаточно, да насъ же провожаютъ и всѣ кабардинскіе князья. Только помни, Алкасъ, что если будешь противиться волѣ государя, то трудно тебѣ будетъ жить въ твоей землѣ не только отъ Терскихъ воеводъ, но и отъ кабардинцевъ, которые служатъ государю».

Этотъ доводъ подѣйствовалъ убѣдительнѣе другихъ, и Алкасъ, посовѣтовавшись съ своими узденями, далъ присягу и обѣщалъ встрѣтить посольство на Османовомъ шляху, у Горячаго колодца ([14]). Посольство прибыло туда 14 сентября, а ночью поднялась тревога. Съ перевоза у Горячаго колодца прискакалъ Терскій казакъ Иванъ Гилянецъ и разсказалъ, что ихъ стояло на посту человѣкъ 20 съ пятидесятникомъ Масломъ, какъ вдругъ передъ вечеромъ появилась передъ ними партія незнакомыхъ кабардинцевъ. Помня наказъ не пропускать никого, казаки, не долго думая, погромили кабардинцевъ, четырехъ захватили въ плѣнъ, а остальные утекли къ кумыкамъ. Встревоженный посолъ тотчасъ отправилъ Терскаго старшину Онучина съ конвойными казаками узнать, въ чемъ дѣло и кого захватили въ плѣнъ. Къ общему удивленію, въ числѣ послѣднихъ оказался самъ Алкасъ съ его узденями. На упреки посла, онъ старался объяснить свой поступокъ однимъ недоразумѣніемъ. Онъ былъ въ гостяхъ у Солоха и долженъ былъ проводить кумыковъ, находившихся у него въ гостяхъ, до перевоза на Сунжѣ; но тутъ на нихъ напали казаки, и Алкасъ съ своими узденями очутился въ плѣну.—«Про этихъ гостей намъ вѣдомо», отвѣтилъ Звенигородскій, «но мы приказали переправить ихъ за Сунжу около самаго острога,а не тамъ, гдѣ тебя захватили: тутъ дорога не къ намъ, а къ Шевкальскому». «Въ этомъ я виноватъ», отвѣчалъ Алкасъ; «я не зналъ о твоемъ распоряженіи, но ни я, ни уздени мои не переѣзжали за Сунжу; насъ взяли на этомъ берегу. Казаки подтвердили эти слова. Тѣмъ не менѣе Звенигородскій не принялъ его оправданій и, заподозривъ его въ сношеніяхъ съ Шамхаломъ, арестовалъ узденей, которые получили свободу только тогда, когда черезъ пять дней Алкасъ доставилъ въ заложники собственнаго своего сына ([15]).

Дальнѣйшее путешествіе пословъ совершилось уже безъ всякихъ приключеній, и послѣ четырехнедѣльнаго труднаго пути по ущельямъ и горамъ Кавказа, прибыли наконецъ къ Алавердынскому монастырю св. Георгія, находившемуся въ семи верстахъ отъ Телава. 16 октября происходилъ торжественный пріемъ нашихъ пословъ. «И когда», говоритъ Звенигородскій, «учали читати государево титло, царь Александръ поднялся съ своего кресла и поклонился въ своей царской шапкѣ до земли, потомъ, принявъ грамоты, поцѣловалъ ихъ и положилъ возлѣ своего мѣста». На другой день былъ парадный обѣдъ, послѣ котораго царь велѣлъ своимъ священникамъ пѣть надъ чашею за здравіе государя. И священники пѣли многолѣтіе, и первую чашу царь выпилъ самъ, а двѣ другіе подалъ нашимъ посланникамъ ([16]). Такъ совершился обрядъ принятія Кахетіи въ русское подданство. Но, къ сожалѣнію, мы не могли удержать ее за собой, и, какъ увидимъ, потребовалось еще слишкомъ двѣсти лѣтъ, чтобы фактически занять Иверію съ тѣмъ, чтобы ее болѣе уже не покидать.

Во время пребыванія Звенигородскаго въ Кахетіи случился одинъ любопытный эпизодъ изъ жизни нашего вольнаго казачества. Года за три до построенія послѣдней Терской крѣпости большая партія Гребенскихъ казаковъ отправилась въ Дадіановскую землю «на добычъ», да тамъ и осталась, предложивъ свои услуги Карталинскому царю Семеону «на невеликое время». Царь, наслышавшись о храбрости Гребенцовъ, охотно принялъ ихъ въ свою службу и поручилъ защиту границы отъ турокъ. Но время шло, казаки встоскавались по Гребнямъ, а когда хотѣли возвратиться домой, царь не пустилъ ихъ и силой продержалъ два съ половиной года, не давая жалованья. Въ это время прошла молва, что Кахетія поступаетъ въ русское подданство,– и казаки бѣжали къ царю Александру. Случилось это весной 1589 года. Царь принялъ ихъ съ распростертыми объятіями и тотчасъ же разставилъ «по щелямъ горъ на стражу отъ Шавкала». Гребенцы исправно несли знакомую имъ службу; но когда наступила зима, когда горные проходы изъ Дагестана засыпало снѣговыми сугробами, и опасность съ той стороны миновала, царь прекратилъ имъ жалованье, или, какъ говорили казаки, «не почалъ имъ корму давати». Какъ разъ въ это время прибылъ Звенигородскій, и казаки, явившись къ нему, отдались въ его распоряженіе. Звенигородскій принялъ ихъ сторону. Царь не хотѣлъ, однако, отпускать ихъ; по крайней мѣрѣ просилъ оставить ихъ у него до тѣхъ поръ, пока на смѣну ихъ ни придутъ государевы люди, которыхъ онъ просилъ для своей обороны. «Мнѣ казаками не оборониться», говорилъ онъ: «ихъ всего человѣкъ съ двадцать, только бы слава была, что въ моей землѣ по заставамъ стоятъ русскіе люди». Посолъ сначала не соглашался: «Полоняника», сказалъ онъ, «нигдѣ не держатъ ни въ которыхъ государствахъ, а казаки Терскіе тѣ же полоняники: пришли къ Семеону своею волей, а Семеонъ держалъ ихъ полчетверта года силой, и они бѣжали сюда, послышавъ о пріѣздѣ пословъ великаго государя». Неотступныя просьбы царя заставили Звенигородскаго наконецъ уступить и оставить у него 25 терскихъ казаковъ изъ своего конвоя, съ пятидесятникомъ Еремкой, но съ тѣмъ, «чтобы царь тѣхъ казаковъ жаловалъ, давалъ имъ кормъ и не поморилъ бы съ голоду». Что же касается до стрѣльцовъ, то Звенигородскій обѣщалъ по возвращеніи

въ Терки переговорить съ тамошними воеводами и прислать сто человѣкъ, «только бы государь вашъ», добавилъ онъ грузинскимъ вельможамъ, «прислалъ подъ нихъ лошадей, на чемъ имъ подняться, да телѣги, да сани, и кормъ бы для нихъ заготовилъ». Грузинамъ показались эти условія тяжелыми. «Къ намъ», возражали они, приходило прежде по пятисотъ казаковъ безъ лошадей, пѣшіе и отъ насъ ничего не требовали». «То казакъ вольный, живетъ въ полѣ», отвѣчалъ Звенигородскій, «а государевы стрѣльцы къ казакамъ не примѣнятся. Пошлемъ къ вамъ людей, а имъ, какъ безъ лошадей быти, на чемъ самимъ ѣхати и рухлядь свою везти?» Такъ этотъ вопросъ и остался открытымъ. Царь Александръ видимо былъ недоволенъ. Дошло до того, что вельможи по царскому приказу передали однажды нашимъ посламъ: «Государь нашъ велѣлъ вамъ сказати, что любитъ васъ, какъ свою душу, а вы только словомъ его тѣшите, а дѣло станетъ иначе, чѣмъ вы говорите—ино и государеву слову вѣрить нечего». Послы возмутились. «Государя нашего слово», отвѣчали они, «николи ложно не бываетъ и не въ такомъ дѣлѣ. А рѣчей такихъ не пригоже вашему государю Александру и говорити» ([17]. Очевидно, что между нами и грузинами пробѣжала какая-то черная кошка.

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ Кахетіи, дѣла наши съ Шамхаломъ значительно обострились. По требованію Хворостинина онъ выдалъ аманатовъ, присылалъ къ намъ и пословъ и торговыхъ людей, но все это было только для виду, «одно маненіе», какъ выражается Хворостининъ. Аманаты его оказались дѣтьми наложницъ, не имѣющими въ краѣ никакого значенія; дядьки, приставленные къ нимъ,—не именитыми людьми, какъ бы должно было быть, а простыми холопами, отъ которыхъ Шамхалъ могъ отказаться съ спокойною совѣстью; пословъ своихъ онъ присылаетъ все только съ бездѣльемъ—высматривать городъ, да провѣдывать о числѣ ратныхъ людей, а торгъ его – «только что орѣхи да яблоки». Наконецъ, онъ вѣроломно захватилъ Кабардинскаго князя Мамстрюка Темрюковича, царскаго родственника, *) и держалъ его въ большомъ утѣсненіи, стараясь переманить отъ царскаго жалованья, но Мамстрюкъ, къ чести его, всякую нужу терпѣлъ, но отъ царскаго жалованья не отсталъ ([18]).

Такъ какъ на исправленіе Шамхала надежды не было, то Хворостининъ, въ концѣ 1589 года, когда Звенигородскій находился еще въ Грузіи, приказалъ воеводѣ Засѣкину идти съ частью своей рати, съ Терскими и Гребенскими казаками, «воевать Шавкала». Историческіе памятники не передаютъ никакихъ подробностей объ этой экспедиціи, но повидимому она была удачна. Засѣкинъ отнялъ у Шамхала рѣку Койсу, сжегъ Андрееву деревню, много людей побилъ, а иныхъ поймалъ живыми, да и самъ Шамхалъ ушелъ съ боя раненымъ ([19]). Это было первое предостереженіе, данное Шамхалу. Хворостининъ писалъ къ нему: «Государь послалъ было на тебя рать свою, да ему билъ челомъ Муратъ-Кирей царевичъ, зять твой, чтобы на тебя рати своей еще не посылалъ, и государь пожаловалъ, – вернулъ свою рать, въ чаяніи, что ты исправишся»... Но Шамхалъ не исправлялся. Онъ даже сдѣлалъ набѣгъ на Грузію, и царь Александръ

---

*) Онъ былъ родной братъ царицы Маріи Темрюковны.

говорилъ нашимъ посламъ, что «хотя азнауры его побили шавкальскихъ людей, и головы ихъ отправили къ нему-жъ, Шавкалу, но только всего этого мало: Шавкальскій опять начнетъ приходить на мою украйну, села и деревни пожжетъ и людей побьетъ и поранитъ, и въ полонъ поемлетъ; а пуще всего коли возьмутъ христіанина жива, то поругаются ему, и приведутъ въ басурманскую вѣру»... «Шавкальскій», — прибавлялъ онъ: — «уже писалъ къ Турскому царю, чтобы вступился за него для ихъ бусурманскія вѣры, и прислалъ бы на меня въ семъ же лѣтѣ большую рать, чтобы мое государство разорити и въ бусурманскую вѣру привести. А не пришлетъ Турскій своей рати, то государева рать придетъ на него, Шавкала, и его землю разорятъ и въ христіанскую вѣру приведутъ, и за него, Шавкала, и за его землю, и за всѣ тѣ души отвѣтъ Богу дастъ Турскій султанъ» ([20]).

Возможность турецкаго нашествія видимо смущала царя Александра, и онъ съ упрекомъ спрашивалъ нашихъ пословъ: почему царскія войска вернулись назадъ? Почему не взяли Тарки, не воевали кумыковъ? — «Нашъ государь не хочетъ кровопролитія», отвѣчали послы, такъ какъ Шамхалъ намѣренъ покориться добровольно». — «А пока онъ покорится», возражалъ царь, — «придетъ турская рать, и если что учинитъ надо мною или надъ моимъ государствомъ, кому дать отвѣтъ передъ Богомъ? Да избавитъ Онъ, чтобы тому не быти, и чтобы обоимъ намъ передъ Нимъ въ своей правдѣ стати чистыми» ([21]).

Отпуская пословъ, царь Александръ еще разъ напомнилъ имъ свою просьбу послать на Шамхала большую рать, «такъ какъ прежняя съ Засѣкинымъ была не великая», и что онъ вышлетъ навстрѣчу къ намъ свои войска, съ сыномъ своимъ царевичемъ Юріемъ, и что съ нею будетъ сватъ его, Крымъ-Шамхалъ, котораго надо посадить на шамхальство.

Глава V.

По возвращеніи пословъ князя Звенигородскаго и дьяка Антонова начались приготовленія къ большому шамхальскому походу. Сборнымъ пунктомъ назначены были Терки. Сюда прибыла тысяча доброконныхъ Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, а къ нимъ присоединились еще тысяча казаковъ съ Волги, да 500 Яицкихъ. Всѣмъ имъ велѣно было дать государево хлѣбное жалованье, (*) «а если будутъ приставать, то и по полтинѣ на брата» ([1]).

Начальникомъ экспедиціи назначенъ былъ князь Андрей Ивановичъ Хворостининъ и съ нимъ многіе воеводы. Общія силы отряда простирались свыше пяти тысячъ и въ томъ числѣ почти половина конныхъ. Въ походъ выступили весной 1594 года, и Хворостининъ, заложивъ на рѣкѣ Койсу сильное укрѣпленіе, оставилъ въ немъ князя Долгорукова съ ратными людьми, а самъ двинулся дальше. Шамхалъ встрѣтилъ насъ на переправѣ, но не могъ удержать ее и отступилъ къ Таркамъ.

Городъ этотъ, раскинутый амфитеатромъ по склону скалистой горы, верстахъ въ трехъ-четырехъ отъ берега моря, не имѣлъ особенно сильныхъ укрѣпленій, и взять его русскимъ не стоило большого труда, но удержаться въ немъ было трудно. Шамхалъ не входилъ ни въ какіе переговоры съ нашими воеводами, а слѣдуя Дагестанскому правилу «ловить скорпіона за хвостъ», сдѣлалъ цѣлью своихъ дѣйствій наши тыловыя сообщенія, --и ни одинъ транспортъ не доходилъ до насъ благополучно. Русскіе, засѣвшіе въ Таркахъ, очутились въ блокадѣ, которая съ каждымъ днемъ становилась все тѣснѣе и тѣснѣе. Между тѣмъ изъ Дагестана къ Шамхалу подходили все новыя подкрѣпленія, и наибольшую поддержку оказывалъ ему Аварскій ханъ, силы котораго, какъ и другихъ горскихъ владѣльцевъ, не были приняты нами въ соображеніе. Видя приближающуюся грозу, воеводы спѣшили укрѣплять Тарки и все ждали прибытія грузинской рати; но она не приходила, а что еще важнѣе—не являлся сватъ Кахетинскаго царя, котораго слѣдовало посадить на шамхальство. Такъ наступила осень. «Видя себя въ безнадежномъ и безцѣльномъ» положеніи, Хворостининъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили бросить свое завоеваніе и отойти обратно на Терекъ. Дѣло это, въ виду большихъ непріятельскихъ скопищъ съ одной стороны, а съ другой—значительнаго числа своихъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ нельзя было бросить,—требовало еще большей рѣшимости, чѣмъ наступательное движеніе. И вотъ, выбравъ тем-

---

*) Муки по осминѣ на человѣка, крупъ и толокна по четверти на каждый десятокъ, а коннымъ и овса по четверти.

ную ночь, русскіе скрытно покинули Тарки и выступили изъ нихъ, бросивъ въ добычу лукавому Шамхалу всѣ лишнія тяжести. Благодаря азіатской сонливости, намъ удалось отойти не замѣченными на довольно большое разстояніе. Но та же темнота осенней ночи, которая оказала покровительство началу похода, явилась и предательницей для его продолженія,—отрядъ сбился съ дороги и зашелъ къ болотистому низовью рѣчки Озени. Казаки, поздно замѣтившіе роковую ошибку, бросились разыскивать путь, но пока съ ихъ помощью мы выбирались на настоящую дорогу, наступилъ день, и насъ стали настигать толпы непріятельской конницы. Скоро завязался бой, а вдали, въ густыхъ облакахъ поднимавшейся пыли двигались главныя силы Шамхала. Отбиваясь на каждомъ шагу, русскіе ускоряли ходъ, бросали тяжелый нарядъ, повозки, бросали трудно больныхъ и раненыхъ. Шамхальцы накидывались на нихъ, какъ голодные волки, и ихъ отчаянные вопли производили замираніе въ сердцахъ Московскихъ ратниковъ. Въ полдень надвинулась вся сила басурманская. Нападенія вели муллы съ поднятыми надъ головами священными свитками и съ завываніемъ огненныхъ стиховъ корана. Русскіе продолжали упорно отбиваться, то останавливаясь и строясь «въ кольцо», то вновь двигаясь и устилая путь тѣлами убитыхъ. Только къ закату солнца имъ удалось, наконецъ, добраться до рѣчки Койсу, гдѣ Шамхалъ прекратилъ преслѣдованіе въ виду близости русскаго гарнизона, сидѣвшаго въ острогѣ съ княземъ Долгорукимъ ([2]). Лѣтописецъ, описывая это событіе, выражается такъ: «Въ Таркахъ намъ поставити града не дали. Пришедъ многіе люди шавкальскіе, кумыкскіе и черкасы, и учиниша бой; и на томъ бою государевыхъ людей побили, яко съ три тысячи. Сами же воеводы съ оставшими людьми утекоша» ([3]). Хворостининъ пережилъ свое несчастіе и привелъ обратно на Терекъ едва-ли четвертую часть отряда. Изъ Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, какъ говорятъ преданія, вернулось домой не болѣе трехсотъ человѣкъ ([4]).

Кровь Хворостининскаго пораженія падала всецѣло на царя Александра, не исполнившаго своихъ обѣщаній и не приславшаго къ намъ своей рати. Царь отговаривался непроходимостью горъ, но Ѳедоръ Ивановичъ вполнѣ основательно писалъ ему, «что если разбойникъ Шамхалъ находитъ дорогу въ Грузію, то и войско Иверійское могло бы найти путь къ Таркамъ». Вѣроятнѣе предположить, что Александръ просто побоялся близости турокъ, которые во время его отсутствія могли разорить Кахетію. Дѣйствительно, положеніе его между молотомъ и наковальнею было тяжкое, и царь не переставалъ жаловаться на горькую долю Иверіи.

«Мы плакали», говорилъ онъ нашимъ посламъ, «отъ невѣрныхъ, и для того отдалися головами царю православному; но плачемъ и нынѣ: наши дома, церкви и монастыри въ развалинахъ, семейства въ плѣну, рамена подъ игомъ. То-ли вы намъ обѣщали?..» Онъ даже отказался внести дань, говоря: «Казна моя истощена обильными дарами двумъ сильнымъ царямъ магометанамъ» ([5]). И это была правда. Уплачивать одновременно дань Персіи, Турціи и Россіи было не подъ силу опустошенной Грузіи, а освободить ее отъ ига магометанъ Россія въ то время еще не могла. Московское правительство само сознавало это и потому старалось не перерывать дружескихъ сношеній съ Кахетіей.

Неудачный исходъ экспедиціи противъ Шамхала далъ поводъ туркамъ поднять старый вопросъ о снесеніи русскихъ городовъ на Украйнѣ. «Зачѣмъ государь вашъ ставитъ укрѣпленія: на Терекѣ, на Волгѣ, на Дону и около Крыма?» спрашивалъ нашего посла Крымскій ханъ.—«Въ землѣ государевой», отвѣчалъ посолъ съ достоинствомъ, «людей умножилось, стала тѣснота. Государь нашъ сильный, а потому и города ставитъ». На требованіе снести городъ на Терекѣ, чтобы не разрывать дружбы съ султаномъ, послѣдовалъ отвѣтъ: «Терскаго города государю нашему не сношивать. Городъ тотъ поставилъ государь въ своей отчинѣ въ Кабардинской землѣ, а теперь государю нашему отъ своей отчины какъ отступиться?» Тогда Крымскій ханъ просилъ, «чтобы царь только на бумагѣ отписалъ, что Терки яко-бы снесены, а ханъ объ этомъ отписалъ-бы Турскому;—и тѣмъ дѣло бы кончилось». Но и въ этомъ удовольствіи ему было отказано (⁸). Городъ на Терекѣ и остроги на Койсу и на Сунжѣ стояли попрежнему, и по прежнему недремлющей стражей раскидывались вокругъ нихъ передовые форпосты нашихъ казаковъ. Въ краѣ, послѣ похода Хворостинина, царило, однако, полное спокойствіе: ни Шамхалъ, ни мятежные Кабардинскіе князья, «прямившіе Крыму», ни самъ Крымскій ханъ не тревожили, и въ жизни порубежнаго казачества не произошло за это время ни одного выдающагося событія, которое моглобы остановить на себѣ вниманіе историка.

Такъ протекли послѣдніе четыре года царствованія Θедора Ивановича. Онъ скончался 7 января 1598 года бездѣтнымъ, и вмѣстѣ съ нимъ пресѣкся царскій родъ Рюрика. На царство сѣлъ Борисъ Годуновъ, избранный, однако, не волею народа, а партіею его приверженцевъ,—и крамола, придушенная было мощною рукою Грознаго, опять подняла свою голову. Странный слухъ прошелъ по Россіи: говорили, что царскій родъ вовсе не пресѣкся, что царевичъ Димитрій, сынъ Ивана Грознаго, будто-бы убитый въ Угличѣ, живъ, что онъ находится въ Польшѣ и что, какъ наступитъ время, придетъ требовать царство свое у Бориса. Въ этихъ народныхъ толкахъ слышались уже глухія завыванія приближающейся бури, и зловѣщія ноты ея стали доноситься до нашихъ окраинъ. Между тѣмъ царь Александръ прислалъ своихъ пословъ поздравить Бориса съ восшествіемъ на престолъ и просилъ держать его подъ царскою рукою, какъ держалъ покойный царь Θедоръ Ивановичъ. Борисъ встрѣтилъ, однако, кахетинскихъ пословъ тяжкимъ упрекомъ за бѣдственный походъ князя Хворостинина, винилъ во всемъ Александра и только по усиленнымъ просьбамъ согласился, наконецъ, отправить въ Грузію своихъ пословъ Ивана Нащокина и Ивана Леонтьева, приказавъ имъ изъ Казани идти въ Астрахань съ «великимъ береженьемъ, чтобы надъ ними на Волгѣ казаки-воры и запорожскіе черкасы и татарове какого дурна не учинили». Посольство пріѣхало, однако, благополучно и въ сопровожденіи стрѣльцовъ и Терскихъ вольныхъ казаковъ прибыло въ Грузію весною 1602 года. Но результаты его были крайне печальные. Неудача во всемъ преслѣдовала Бориса. Нащокинъ и Леонтьевъ оказались людьми корыстными, заботившимися о вымогательствѣ у царя и знатнѣйшихъ вельможъ дорогихъ подарковъ болѣе, чѣмъ о государевомъ дѣлѣ, а глядя на нихъ, и конвойные стрѣльцы и Терскіе казаки занялись исключительно грабежомъ и разбоя-

ми. Опасаясь, однако, чтобы жалобы не дошли до Москвы, Нащокинъ и Леонтьевъ всячески старались предупреждать ихъ и писали, что царь принялъ посольство неласково, не давалъ ему корму и даже дерзнулъ укорять Бориса въ алчности его къ дарамъ и поминкамъ. Борисъ возмутился. «Мнѣ-ли», сказалъ онъ съ негодованіемъ,— «мнѣ-ли прельщаться дарами нищихъ, когда могу всю Иверію наполнить серебромъ и засыпать золотомъ . Во гнѣвѣ онъ не хотѣлъ даже видѣть новаго посла, прибывшаго изъ Кахетіи архимандрита Кирилла, и приказалъ отправить его назадъ; но умный старецъ съумѣлъ добиться аудіенціи и довести до свѣдѣнія Бориса истину. Оказалось, «что стрѣльцы съ тѣми же воры Терскими казаками лаяли матерно грузинскаго царя» при всемъ народѣ, а когда Кириллъ сталъ ихъ унимать, они едва его не убили, такъ что старецъ спасся только тѣмъ, что успѣлъ ускакать отъ нихъ на лошади; много было и другихъ жалобъ на оскорбленіе женщинъ, на разграбленіе частныхъ имуществъ и даже на смертоубійства ([7]). Борисъ назначилъ судъ. Нащокина въ это время уже не было въ живыхъ, онъ умеръ на возвратномъ пути изъ Грузіи, но Леонтьевъ приговоренъ былъ къ смертной казни и только, благодаря заступничеству того же Кирилла, отдѣлался лишь тюремнымъ заключеніемъ, да крупнымъ денежнымъ штрафомъ въ пользу пострадавшихъ грузинъ.

Возстановивъ такимъ образомъ дружественныя сношенія Россіи съ Кахетіей, Кириллъ успѣлъ убѣдить Бориса, что всѣ усилія несчастной Грузіи выбиться изъ подъ ига магометанъ будутъ напрасны, пока мы не покоримъ Шамхальства и не поставимъ въ немъ три сильныя крѣпости: одну въ самыхъ Таркахъ, другую у соленаго озера Тузлукъ и третью на рѣчкѣ Буйнаки, гдѣ сохранились остатки каменныхъ башенъ, поставленныхъ, какъ говорятъ преданія, еще Александромъ Македонскимъ. Борисъ и самъ понималъ необходимость похода, но ждалъ возвращенія своего посольства, отправленнаго въ Персію съ цѣлью добиться при посредствѣ шаха, чтобы Шамхалъ добровольно поступилъ подъ царскую руку и «прежнія неправды покрылъ бы правдою». Но посольство возвратилось, однако, ни съ чѣмъ.

Обманутый въ своихъ надеждахъ на дѣятельную помощь Россіи въ борьбѣ его съ Турціей, шахъ круто измѣнилъ свою политику,—онъ не называлъ уже Бориса сувереномъ Грузіи и не хотѣлъ терпѣть нашего, хотя бы даже номинальнаго, господства въ землѣ, составлявшей достояніе его предковъ. Онъ снова наложилъ на Кахетію свою единовластную, тяжелую руку, а при такихъ условіяхъ намъ нельзя было разсчитывать даже на слабое содѣйствіе Грузіи. Тѣмъ не менѣе Борисъ приказалъ войскамъ готовиться къ походу, а къ царю Александру отправлены были послами думный бояринъ Михайло Татищевъ, да дьякъ Андрей Ивановъ, чтобы условиться съ нимъ относительно военныхъ дѣйствій. Стараясь, однако, избѣжать какихъ-нибудь новыхъ недоразумѣній съ грузинами, Борисъ запретилъ брать въ охранную стражу вольныхъ Терскихъ казаковъ, а велѣлъ назначить двѣсти стрѣльцовъ, выбравъ такихъ, которые «прежъ того бывали въ Грузинской землѣ, и по турски и по иверски умѣли-бъ» ([8]).

Посольство Татищева прибыло въ Грузію, въ м. Загемъ, въ августѣ 1594 года, но не застало уже Александра, вызваннаго шахомъ на его Ки-

зилбашскую службу, очевидно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы не дать ему возможности идти на соединеніе съ русскими. Въ Загемѣ Татищева принялъ старшій сынъ Александра, царевичъ Юрій, и съ первыхъ же словъ началъ горько жаловаться на судьбу своего отечества. «Шахъ», говорилъ онъ, «взялъ наши лучшія войска, а теперь на насъ идутъ новыя вражескія силы: съ одной стороны кумыки, съ другой изъ Шемахи выступили турки съ сыномъ Шамхала Султанъ-Мутомъ. Они хотятъ взять Загемъ— это сердце Грузіи, и поставить здѣсь сильную крѣпость». Онъ умолялъ Татищева дать ему въ помощь своихъ стрѣльцовъ для того, что «если услышатъ турскіе и кумыкскіе люди, что со мною есть государевы люди,— они не пойдутъ; а если со мной государевыхъ людей не будетъ, то намъ отъ недруговъ своихъ конечно разориться». Посолъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился дать 40 стрѣльцовъ съ сотникомъ Михайломъ Семовскимъ, и Юрій 7 октября встрѣтилъ турокъ въ одномъ переходѣ отъ Загема. Стрѣльцы начали бой, открывъ огонь изъ своихъ пищалей, «и турскіе люди, узнавъ русскихъ людей, побѣжали». Тогда грузинское ополченіе пустилось въ погоню, многихъ порубило, отбило весь полонъ и взяло четыре знамени. На слѣдующій день Юрій стоялъ уже противъ кумыковъ, но тѣ, увидѣвъ русскихъ людей, уклонились отъ боя и поспѣшно укрылись въ горахъ. «И стало то», доносилъ Татищевъ, «въ Грузинской землѣ въ великую славу и государеву имени въ честь». О геройствѣ русскихъ заговорила вся Грузія (9).

Побѣды однако не радовали царевича Юрія. «Теперь ты самъ видишь», говорилъ онъ Татищеву, «наше положеніе,—стоимъ подъ ножами султана и шаха, оба хотятъ нашей крови и всего, что имѣемъ. Пусть Россія возметъ насъ не словомъ, а дѣломъ. Нѣтъ времени медлить, — скоро не кому будетъ здѣсь цѣловать креста въ безполезной вѣрности ея самодержцу»... «Ты видишь», прибавилъ онъ, «нашу Иверію, ея скалы, ущелья и дебри, если поставите здѣсь твердыни и введете въ нихъ свои войска, то будемъ истинно ваши и не убоимся ни шаха, ни султана». Что могъ отвѣчать на это Татищевъ, еще не знавшій истиннаго положенія дѣлъ ни въ Грузіи, ни въ Персіи? Все это выяснилось позднѣе, когда Александръ вернулся назадъ, но вернулся только для того, чтобы сложить свою голову подъ ножами убійцъ, подосланныхъ шахомъ. Вотъ что случилось въ Грузіи 12 марта 1605 года.

Стремясь уничтожить и порвать живую связь, соединявшую грузинъ и русскихъ единствомъ православной вѣры, шахъ успѣлъ склонить второго сына Александра, Константина, принять магометанство и обѣщалъ сдѣлать его царемъ Иверіи, если онъ отдѣлается отъ отца и брата. Гнусный вѣроотступникъ не затруднился измѣнить священнымъ узамъ родства и стать цареубійцей. Переворотъ подготовлялся въ тайнѣ. Однажды, когда Татищевъ, ничего не подозрѣвавшій, собирался идти на обѣдъ къ царю Александру, во дворцѣ послѣдняго вдругъ раздались выстрѣлы, крики и шумъ битвы. Встревоженный Татищевъ послалъ своего толмача узнать, что тамъ происходитъ, и толмачъ наткнулся на потрясающую картину. Посреди дворцовой залы стоялъ царевичъ Константинъ—теперь уже царь Иверіи,—окруженный толпой персіянъ съ обнаженными саблями; на полу въ лужахъ крови валялись трупы, а двѣ отсѣченныя головы ле-

жали у ногъ Константина. Это были головы царя Александра и сына его Юрія. Константинъ послалъ сказать Татищеву, что Александръ убитъ нечаянно, сдѣлавшись жертвою междоусобія своихъ сыновей,—«несчастіе, какъ выразился онъ, «весьма обыкновенное въ нашей землѣ». «Что же касается Юрія, то онъ, убитъ по повелѣнію великаго шаха, какъ другъ и слуга ненавистныхъ турокъ» ([10]). Это была явная клевета, такъ какъ Юрій еще недавно одержалъ блестящую побѣду надъ турками и спасъ Загемъ отъ разгрома. Но Татищевъ уже зналъ истину и понималъ, что Александръ и Юрій погибли за приверженность свою къ православію. Такимъ образомъ Кахетія была для насъ потеряна, и Татищеву оставалось одно—возвратиться въ Россію. Но не добрыя вѣсти встрѣтили его въ Россіи.

Мы говорили, что въ то время, когда посольство отправлялось въ Грузію, молва о появленіи царевича Димитрія уже ходила въ народѣ, волнуя темныя массы ожиданіемъ чего-то необычайнаго. Къ этому прибавилось народное суевѣріе. Лѣтописцы разсказываютъ, что нерѣдко восходили на небѣ двѣ или три луны, два или три солнца вмѣстѣ; огненные столбы, пылая ночью на небесной тверди, быстрымъ движеніемъ представляли собою битву и кровавымъ заревомъ освѣщали землю; отъ бурей и вихрей падали колокола и башни; появлялись невиданные до толѣ звѣри и птицы; волки бѣгали стадами, пожирая людей и другъ друга; голодъ былъ всеобщій, и въ одной Москвѣ за послѣдніе два года погребено было 127 тысячъ труповъ. Наконецъ, къ общему ужасу, въ ясный полдень на небѣ засіяла комета съ чудовищнымъ хвостомъ, захватившимъ полъ-небосклона. «Помететъ она русскую землю», говорили старые люди, и пророческія слова ихъ сбылись».

Всѣ эти слухи и толки не могли не тревожить Бориса, но не отвлекли его мыслей отъ задуманнаго похода, и весной 1604 года изъ приволжскихъ городовъ—Казани, Свіяжска и Астрахани двинуто было въ Терки нѣсколько стрѣлецкихъ полковъ, подъ командою воеводъ Бутурлина и Плещеева. Въ Терскомъ городкѣ къ нимъ примкнули еще гарнизонъ крѣпости, да вольные Терскіе и Гребенскіе казаки, такъ что всего собралось тысячъ до десяти. На содержаніе войскъ отпущено было сто тысячъ рублей,—сумма по тому времани огромная, Бутурлинъ былъ старый, опытный въ бояхъ воевода, и дѣйствія его вообще отличались обдуманностію. Выступивъ отъ устьевъ Терека и подвигаясь твердымъ шагомъ къ Таркамъ, Бутурлинъ широкою сѣтью разъѣздовъ захватилъ всю прибрежную мѣстность, а отдѣльные казачьи отряды, поддержанные стрѣльцами, сожгли Андрееву деревню, взяли Исти-су и заняли Качкалыковскій хребетъ. Такимъ образомъ вся Кумыкская плоскость перешла въ наши руки. Въ то же время, для сохраненія своихъ сообщеній съ Терскимъ городкомъ, Бутурлинъ поставилъ на рѣкѣ Акташѣ новый острожецъ, занятый небольшимъ гарнизономъ, а старый острогъ на Койсу, гдѣ сидѣлъ князь Владиміръ Долгоруковъ, остался промежуточной базой для сношеній съ Астраханью.

Прождавъ напрасно нѣкоторое время прибытія кахетинской рати, воеводы двинулись дальше и подступили къ Таркамъ, до которыхъ отъ Койсинскаго острога считалось только 15 верстъ ([13]). Городъ оказался силь-

но укрѣпленнымъ, но Бутурлинъ, не желая тратить время на осаду, рѣшилъ взять его штурмомъ. Передъ битвой служили молебенъ, и воеводы, обходя войска, говорили, что кровь, пролитая здѣсь русскими, и кости замученныхъ воиновъ вопіютъ объ отмщеніи. Всѣ цѣловали крестъ и готовились къ бою съ полнымъ воодушевленіемъ. Приступъ поведенъ былъ съ двухъ сторонъ: съ одной—шелъ Бутурлинъ со стрѣлецкими полками, съ другой—Плещеевъ съ боярскими дѣтьми и съ Терскими и Гребенскими казаками. Обѣ колонны соперничали въ мужествѣ другъ передъ другомъ, и послѣ упорнаго боя русскіе овладѣли городомъ. Лучшаго мѣста для крѣпости найти было-бы нельзя. Съ трехъ сторонъ поднимались высокія скалы, образуя собою какъ бы естественныя, несокрушимыя стѣны, и только отлогій скатъ къ морю, покрытый садами и нивами, доступенъ былъ для эскалады; въ горахъ были ключи, на которыхъ стояли мельницы, и черезъ множество подземныхъ трубъ вода доставлялась въ крѣпость, гдѣ на случай осады устроены были большіе каменные резервуары. На горѣ, надъ самымъ городомъ, возвышался дворецъ Шамхала, окруженный избами и надворными строеніями; за ними лежало старое городище и стояли двѣ каменныя башни, съ которыхъ артиллерія могла очищать все пространство до самаго моря. Внизу, подъ городомъ, раскидывался небольшой поселокъ, гдѣ у Шамхала жили черные люди, занимавшіеся хлѣбопашествомъ.

Овладѣвъ Тарками, Бутурлинъ захватилъ лежавшее неподалеку озеро Тузлукъ, откуда туземцы добывали соль для продовольствія, селитру и сѣру для выдѣлки пороха. Чтобы лишить ихъ этихъ предметовъ первой необходимости, воеводы поставили острогъ около озера и въ то же время значительно усилили оборону самихъ Тарковъ, соединивъ обѣ верхнія башни возлѣ Шамхальскаго дворца каменною стѣнкой, прошедшей черезъ старое городище, а на спускѣ къ морю поставили новыя башни, окопанныя рвами.

Третью крѣпость на рѣкѣ Буйнаки, указанную Кирилломъ, поставить не успѣли, такъ какъ начавшіеся морозы вынудили прекратить работы. Рѣшили зимовать въ Таркахъ, чтобы продолжать военныя дѣйствія съ ранней весною, тѣмъ болѣе, что дорога въ Грузинскую землю находилась теперь уже въ нашихъ рукахъ. Архимандридъ Кириллъ такъ описывалъ ее царю Борису: «Отъ Койсинскаго острога до Тарковъ 15 верстъ. Отъ Тарковъ дорога въ Грузинскую землю, въ Загемъ, лежитъ прямо черезъ горы, а ходятъ на лошадяхъ со вьюками. Отъ Тарковъ до Таркаловъ ходу полднища, отъ Таркаловъ до Кафыръ-Кумыковъ, Кази-Кумыковъ—днище, а отъ Кази-Кумыковъ до Грузинскія земли и до Загема—два днища». «Шамхалъ и дѣти его», прибавлялъ онъ, «живутъ больше въ Кази-Кумыкскихъ горахъ, подалѣ отъ русскихъ городовъ, и мѣста у нихъ крѣпкія, а только государевы люди его тамъ найдутъ, и ему только бѣжати, что въ Шемаху или въ Баку къ Турскому, а въ Дербентъ не пойдетъ, потому что тотъ городъ не крѣпокъ и безлюденъ».

Къ несчастію, надежды Бутурлина на спокойную зимнюю стоянку не сбылись. Скоро въ отрядѣ обнаружился страшный недостатокъ провіанта, грозившій всѣми ужасами голода, и вопросъ пришлось поставить ребромъ: покинуть-ли свои завоеванія и отойти на Терекъ, или же отстаивать Тар-

ки съ половиною войскъ, а другую половину отправить на зиму въ Астрахань, съ тѣмъ, чтобы весною она возвратилась обратно. Почему случилась такая невзгода при тѣхъ значительныхъ средствахъ, которыя даны были отряду, документы не говорятъ. Было-ли тутъ какое-нибудь стихійное бѣдствіе, просто-ли недосмотръ воеводъ, распоряжавшихся походомъ, или же ошибочные расчеты ихъ на изобильное довольствіе мѣстными средствами,—сказать трудно; но только военный совѣтъ, собранный по этому поводу, остановился на послѣдней мѣрѣ, и половина стрѣлецкихъ полковъ отправлена была въ Астрахань. Часть Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ также отпущена была на побывку въ свои городки съ обязательствомъ явиться весною. Какъ разъ въ это время тогдашній Шамхалъ Анди-Ханъ, дряхлый старикъ, почти лишившійся зрѣнія, отказался отъ власти и передалъ ее сыну своему Султанъ-Муту, прославившемуся набѣгами на Грузію. Мутъ началъ съ того, что, узнавъ о выступленіи отряда на Терекъ, быстро собралъ значительныя силы и напалъ на него изъ засады. Какъ ни внезапно сдѣлано было нападеніе, но отрядъ слѣдовавшій въ строгомъ порядкѣ, не далъ захватить себя врасплохъ и отразилъ непріятеля. Бой длился, однако, цѣлый день, и только ночью шамхальцы, потерявшіе до трехъ тысячъ людей, отступили.

Уменьшеніе войскъ, ослабивъ боевую силу, не спасло, однако, насъ отъ тяжкихъ лишеній, особенно зимой, когда приходилось довольствоваться только остатками толокна, да вяленымъ мясомъ. Число больныхъ росло съ каждымъ днемъ, а Султанъ-Мутъ между тѣмъ поднялъ на ноги весь Дагестанъ; и съ огромнымъ скопищемъ двинулся прямо на Койсунскій острогъ. Князь Долгорукій, занимавшій его съ небольшимъ гарнизономъ, не имѣлъ запасовъ, чтобы выдержать осаду, а потому зажегъ свое деревянное укрѣпленіе и, пробившись сквозь непріятеля къ морю, сѣлъ на суда и отплылъ въ Терки. Тому же примѣру послѣдовалъ и острожекъ на Акташѣ. Такимъ образомъ Бутурлинъ окончательно потерялъ свои сообщенія и очутился въ критическомъ положеніи. Напрасно у насъ ожидали подмоги изъ Иверіи и требовали войска изъ Астрахани. Воеводы еще не знали, что царя Александра уже нѣтъ въ живыхъ, что Кахетія подпала подъ власть царя-магометанина, а Астрахани было не до нашей далекой окраины: она сама стояла въ огнѣ, охваченная мятежемъ и безначаліемъ. Тѣмъ временемъ Султанъ-Мутъ съ 20-тысячнымъ скопищемъ горцевъ подступилъ къ Таркамъ и, обложивъ ихъ со всѣхъ сторонъ, приступилъ къ осадѣ. Пронеслись даже слухи, что на помощь къ нему идетъ изъ Дербента турецкое войско. Воеводы хотя и тревожились возможнымъ столкновеніемъ съ турками, не бывшими съ нами въ войнѣ, но продолжали твердо отстаивать свои завоеванія. Главную оборону намъ доставляли двѣ верхнія башни, откуда представлялся широкій обстрѣлъ; но скоро одна изъ нихъ, взорванная непріятельскимъ подкопомъ, взлетѣла на воздухъ и погребла подъ своими развалинами нашихъ лучшихъ стрѣльцовъ. Еще горное эхо вторило раскатамъ страшнаго взрыва, еще тучи дыма, песку и пыли висѣли надъ городомъ, какъ Султанъ-Мутъ уже двинулъ свою пѣхоту на приступъ. Русскіе однако не дрогнули и отбили нападеніе съ огромнымъ урономъ для непріятеля. Тогда обѣ стороны, обезсиленныя потерями, рѣшились вступить въ переговоры. Русскіе требовали, что-

бы Шамхалъ отвелъ свою рать отъ Тарковъ и далъ бы намъ свободный путь за Сулакъ, чтобы онъ принялъ на свое попеченіе нашихъ больныхъ и раненыхъ, которыхъ приходилось покинуть въ Таркахъ, а въ обезпеченіе такого договора прислалъ бы въ аманаты своего сына. Султанъ-Мутъ принялъ эти условія, но потребовалъ, чтобы Бутурлинъ оставилъ ему въ заложники сына, юношу, выдававшагося своимъ удальствомъ изъ всѣхъ боярскихъ дѣтей, и чтобы русскіе не ходили больше войной на Тарки. Послѣ рѣшительнаго отказа Бутурлина принять эти два условія Шамхалъ отъ нихъ отступился, а остальной договоръ утвердилъ присягой на коранѣ и сына въ аманаты выдалъ.

Съ пѣснями и грохотомъ бубновъ русскіе выступили изъ Тарковъ и, перейдя рѣчку Озень, расположились на ночлегъ, какъ дома, не выставивъ даже обычныхъ карауловъ. Надо сказать, что у дагестанцевъ въ этотъ день былъ также праздникъ байрамъ, а въ добавокъ къ нему Султанъ-Мутъ праздновалъ свой бракъ съ дочерью Аварскаго хана. Сотни тулуковъ съ одуряющей кумыкской бузою розданы были въ войска, и подъ ея вліяніемъ муллы и имамы сочли приличнымъ украсить праздникъ разрѣшеніемъ Шамхала отъ клятвы, данной невѣрнымъ. Съ объявленіемъ этой дагестанской индульгенціи послѣдовалъ шамхальскій приказъ, чтобы взамѣнъ обычныхъ военныхъ игръ, сопровождавшихъ празднество, произвести внезапное нападеніе на русскихъ и вырѣзать ихъ до наступленія ночи.

И вотъ, въ тотъ же день передъ вечеромъ вся бусурманская сила, подобно потоку сокрушительной лавы, обрушилась на нашъ бивуакъ, гдѣ шло пированье и по рукамъ, какъ говоритъ преданіе, ходила чара зелена вина. Захваченные врасплохъ русскіе не могли воспользоватьси даже преимуществомъ своего «вогненнаго боя», рѣзались грудь на грудь, не хотѣли сдаваться и ложились сотнями. Воевода Бутурлинъ, сѣдобородый богатырь, видя неминучую гибель войска, собственноручно изрубилъ шамхалова аманата; но то былъ подставной аманатъ, вовсе не шамхаловъ сынъ, а какой-то преступникъ, приговоренный къ смерти и только этимъ подлогомъ купившій себѣ помилованіе. Здѣсь однимъ изъ первыхъ, на глазахъ отца, былъ изрубленъ молодой Бутурлинъ -даровитый и храбрый юноша. Затѣмъ были убиты два сына Плещеева, а послѣ нихъ пали и сами старые воеводы: Бутурлинъ, Плещеевъ, Голевъ и другіе. Князь Владиміръ Бахтѣяровъ, покрытый ранами, былъ взятъ въ плѣнъ и только черезъ нѣсколько лѣтъ отпущенъ былъ на свободу. Почти все Московское войско полегло въ этой адской свалкѣ, продолжавшейся, благодаря русской стойкости, нѣсколько страшныхъ часовъ, и спаслись только немногіе изъ конныхъ дѣтей боярскихъ, да Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, подъ которыми были добрыя лошади. Безполезно прибавлять, что покинутые въ шамхальской столицѣ наши больные и раненые были поголовно истреблены озвѣрѣвшей толпою. Вообще потеря русскихъ въ этомъ походѣ простиралась до семи тысячъ, но не менѣе того пало и дагестанцевъ, а главное—въ числѣ убитыхъ при послѣднемъ нападеніи находился и самъ Султанъ-Мутъ, въ которомъ Дагестанъ потерялъ одного изъ своихъ выдающихся военоначальниковъ.

Единственный, уцѣлѣвшій изъ всѣхъ воеводъ, князь Кольцовъ-Мас-

сальскій, сосланный въ Терки вслѣдствіе царской опалы, съ трудомъ собралъ остатки разсѣянной рати и пробился на Терекъ.

Вотъ какъ передаютъ объ этомъ событіи наши лѣтописцы. «Кумыцкіе люди государевыхъ воеводъ и ратныхъ людей учали побивать и въ полонъ имать. Бывшу бою велику, яко имаясь за руки, сѣчахуся. Ратные люди на томъ сташа, что ни единому человѣку живу въ руки не датися и біяхуся съ ними, яко же всѣмъ поганымъ дивитися ихъ мужеству и храбрости. Вси побіени быша отъ поганыхъ, малыхъ же взяша въ плѣнъ, которые отъ ранъ изнемогаша» ([11]).

Такъ окончился этотъ бѣдственный походъ, на цѣлые 118 лѣтъ изгладившій всѣ слѣды нашего пребыванія въ Дагестанѣ. Очевидно, говоритъ Соловьевъ, было еще рано и не посиламъ Московскому государству, молодому и не окрѣпшему, бороться въ этихъ далекихъ краяхъ съ могущественными магометанами. Но мы позволимъ себѣ сказать, что не слабость Московскаго государства была причиной неудачнаго исхода бутурлинской экспедиціи, а та народная смута, которая, ниспровергнувъ въ государствѣ всякій порядокъ, охватила всѣ слои русскаго общества и сдѣлала Московскій престолъ игралищемъ въ рукахъ различныхъ честолюбцевъ.

Двукратныя пораженія, нанесенныя намъ Шамхаломъ, не могли не оказать вліянія на наши сношенія съ Кавказскими народами. Уже послѣ первой неудачи Хворостинина Терскіе воеводы писали Борису, что «многіе черкасскіе князья тебѣ, государю, не служатъ и не прямятъ, что Мурза Шепшуковъ, убивъ преданныхъ намъ Мамстрюка и Даманука и поимавъ ихъ кабаки, тебѣ, государь, челомъ не бьютъ», а князь Айтекъ не хотѣлъ даже пропускать черезъ свои владѣнія нашего посла Татищева, когда онъ возвращался изъ Кахетіи, «умысля отдать его турскимъ людямъ». Теперь же, когда вернулись только остатки истребленнаго отряда, Терскіе воеводы «въ ужасѣ чаяли кабардинскихъ и кумыкскихъ людей подъ самые Терки и думали только о томъ, какъ бы оберечи государевъ городъ». Сами Терскіе воеводы не могли уже предпринимать ничего, такъ какъ Терскіе люди перестали ихъ слушать, а на требованіе помощи изъ Астрахани имъ отвѣчали, «что у нихъ въ Астрахани отъ воровъ отъ казаковъ стала смута великая, и для того имъ людей послать не мочно, покамѣсть устроются съ казаки» ([12]).

Смута, начавшаяся въ 1604 году на юго-западѣ Россіи, быстро разлилась по всему государству и, достигнувъ нашей окраины, захватила собой, какъ увидимъ, низовое Терское казачье войско.

Глава VI.

Бѣдствія описаннаго нами Дагестанскаго похода Бутурлина являлись яркимъ отраженіемъ тѣхъ нестроеній государства, тѣхъ смутъ, которыя внесены въ исторію русскаго народа подъ именемъ «лихолѣтья». Царствованіе Бориса не было счастливымъ. Не смотря на его обширный умъ и стремленіе сдѣлать много хорошаго, родовитые бояре видѣли въ немъ простого узурпатора, который по своему рожденію не имѣлъ никакого права на престолъ; а между нимъ и народомъ вѣчно стоялъ призракъ убитаго царевича—послѣдняго прямого потомка царственнаго дома Рюриковичей. Боярская крамола, не смѣвшая проявляться открыто при предмѣстникахъ Бориса, теперь подняла свою голову и стала исподволь подтачивать престолъ Годунова. Волновался и народъ, какъ бы подъ гнетомъ тяжкой мысли, что за беззаконія царя небо будетъ карать его царство. Почва для возмущенія была подготовлена. Борисъ въ свою очередь сталъ подозрителенъ, и царствованіе его, сначала спокойное, омрачилось подъ конецъ безчисленными ссылками и казнями. Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и непонятное гоненіе, поднятое имъ на Донскихъ казаковъ, довершило остальное. Крѣпкій наказъ далъ Годуновъ своимъ воеводамъ: «ни съ Дону, ни на Донъ никого ни съ чѣмъ не пускати; а появятся казаки въ какомъ-либо городѣ, ловить ихъ и сажать по тюрьмамъ». Насколько извѣстно, причиной царскаго гнѣва было то, что Донцы принимали въ свои городки бѣглыхъ закрѣпощенныхъ крестьянъ и, по обычаю вольнаго казачества, не выдавали ихъ правительству ([1]). Крутыя мѣры Бориса вызывали ропотъ, и нуженъ былъ только случай, чтобы этотъ ропотъ перешелъ въ открытое возмущеніе. Въ эту-то пору начинавшейся смуты и пронеслись первые слухи о самозванцѣ. Какъ-бы дѣйствіемъ сверхъестественной силы встала тѣнь Димитрія изъ гроба, чтобы укорить неспокойную совѣсть Бориса и произвести смятеніе въ царствѣ. Это былъ врагъ опасный, борьба съ которымъ требовала не одной матеріальной силы, но высокаго подъема нравственнаго духа, а его въ критическія минуты у Бориса не оказалось. Кто былъ этотъ самозванецъ, мы не будемъ углубляться въ историческія изслѣдованія, не имѣющія прямого отношенія къ нашей задачѣ. Довольно сказать, что онъ былъ признанъ истиннымъ царевичемъ Димитріемъ Литвой и Польшей, преслѣдовавшими, впрочемъ, въ этомъ случаѣ только свои личные политическіе виды. Призывныя грамоты разосланы были ими во всѣ концы государства, и на первый разъ подъ знамена Димитрія собралось около 1600 человѣкъ разнаго сброда. Этого, конечно, было мало; но тутъ явились Донскіе атаманы и предложили ему

свои услуги, обѣщая, что вслѣдъ за ними поднимется и все остальное вольное казачество ([2]).

И вотъ. осенью 1604 года, когда Терскіе воеводы сражались въ Дагестанѣ, самозванецъ перешелъ русскую границу и засѣлъ въ Путивлѣ. Здѣсь присоединились къ нему четыре тысячи Донскихъ казаковъ; сюда-же подвигалось Запорожское войско, и шли казаки съ Волги и Яика. Гребенцы и Терцы находились въ то время въ дальнемъ шевкальскомъ походѣ, и имъ, по крайнѣй мѣрѣ на первыхъ порахъ, было не до государственной смуты.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ средства самозванца усиливались, усиливалась и опасность, грозившая трону Бориса. Воеводы ему измѣняли и одинъ по одному переходили въ станъ самозванца, увлекая за собою и царскіе полки. Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда 13-го апрѣля 1605 года внезапно скончался Борисъ отъ какой-то скоротечной и загадочной болѣзни. Въ Москвѣ вспыхнулъ ужасный, безсмысленный бунтъ, жертвой котораго сдѣлалась вся семья Годунова, и самозванецъ, можно сказать, по ихъ трупамъ вступилъ въ Москву, привѣтствуемый восторженными криками черни. Но вслѣдъ за нимъ сюда же вступило польское войско, сопровождавшее царскую невѣсту Марину Мнишекъ, и съ этой роковой минуты начинается господство поляковъ. Весь переворотъ совершился чрезвычайно быстро, и города одинъ за другимъ стали присягать на вѣрность Лжедимитрію. «И Астрахань и Терки», говоритъ лѣтописецъ, «были въ воровствѣ жъ и крестъ цѣловали вору разстригѣ». Терскій воевода Петръ Головинъ послалъ даже въ Москву Мурзу Санчулея и Мурзу Батая, которые представлялись самозванцу и поздравляли его «на государствахъ». Государь, цесарь и великій князь Димитрій Ивановичъ принялъ ихъ милостиво, похвалялъ за прежнюю службу, когда Борисъ посылалъ ихъ противъ Шамхала, и говорилъ: «Хотя де они ходили и по Борисову велѣнью, но только нашимъ же государствамъ прибавленія и расширенія искали». Онъ обѣщалъ держать ихъ въ своемъ цесарскомъ приближеніи свыше прежняго, только бы они и впредь его цесарскому величеству служили и прямили» ([3]). Гребенскіе и Терскіе казаки никакихъ депутацій отъ себя къ новому царю не посылали. Гребенцы, пользуясь своею отдаленностью отъ мятежнаго Терки, совсѣмъ уклонились отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла государства, но Терцы, увлеченные примѣромъ своего воеводы, пошли въ воровство и попали въ самый коловоротъ смутъ и междоусобицъ. Прельщенные примѣромъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ, успѣвшихъ уже обогатиться цѣлымъ рядомъ разбоевъ въ русской землѣ, они задумали сначала идти за Куру, опустошить турецкія области, а въ случаѣ неудачи отдаться подъ покровительство персидскаго шаха. Но планъ этотъ скоро былъ оставленъ. Кто-то надоумилъ ихъ, что гораздо выгоднѣе стать подъ знамена какого-нибудь новаго самозванца, погулять вволю по матушкѣ Волгѣ, пожить на счетъ Московскаго государства, а въ случаѣ успѣха, вырвать у правительства тѣ же льготы, какія добыли себѣ Донцы и Запорожцы. Оставалось только сыскать самозванца. Триста человѣкъ Терскихъ казаковъ съ атаманомъ Ѳедоромъ Бодыринымъ собрались на совѣщаніе, и, условившись между собою, разгласили слухъ, что у покойнаго

царя Өедора Ивановича еще въ 1592 году родился сынъ Петръ, котораго Годуновъ подмѣнилъ при самомъ рожденіи дѣвочкою, вскорѣ умершей. Между тѣмъ Петръ, будто-бы, росъ въ частной семьѣ, гдѣ-то далеко отъ Москвы и, узнавъ, что творится въ русской землѣ, заявилъ свои права, какъ единственный законный наслѣдникъ Өедора. Слухъ этотъ, по всей вѣроятности, дошелъ сюда изъ Москвы, такъ какъ сами казаки едва-ли бы до него додумались. Но все равно, откуда бы онъ ни шелъ, за самозванцемъ дѣло не стало, и вскорѣ появился царевичъ Петръ Өедоровичъ, да не одинъ, а цѣлыхъ два. Это были Терскіе же казаки—одинъ Илейко, родомъ изъ Мурома, другой Димитрій изъ Астрахани. Послѣдній въ рѣшительный моментъ, однако, отказался подъ предлогомъ, что въ Москвѣ не бывалъ и не знаетъ царскихъ обычаевъ. Тогда порѣшили быть царевичемъ Илейкѣ Коровину (⁴).

Это былъ человѣкъ, прошедшій, что называется, огонь и воду и мѣдныя трубы»; ему въ это время было уже за двадцать лѣтъ, тогда какъ мнимому царевичу не могло быть болѣе 14-ти. Но это никого не смущало, метрическихъ свидѣтельствъ никто не спрашивалъ, да и нуженъ онъ былъ Терскимъ казакамъ не изъ династическихъ, а чисто изъ личныхъ матеріальныхъ соображеній.

Такимъ образомъ царевичъ былъ найденъ, а тотъ же Бодыринъ отвезъ его къ войсковому атаману Гаврилу Пану, который принялъ его съ подобающей почестью и выразилъ готовность войска поддержать его законныя права на престолъ. Начиналась новая повѣсть истинная, но неимовѣрная. Воевода Головинъ, сидѣвшій въ Теркахъ, узнавъ о замыслахъ Терскаго войска, потребовалъ, чтобы казаки отстали отъ Лжепетра и прислали къ нему мнимаго царевича, какъ явнаго смутьяна. Но казаки, теперь менѣе, чѣмъ когда либо признававшіе авторитетъ правительственной власти, наотрѣзъ отказались и стали готовить струги для морского похода. Тщетно Головинъ упрашивалъ ихъ не покидать границы беззащитной и оставить на Терекѣ хотя половину казаковъ. Мятежники ничего не хотѣли слушать и, собравшись въ числѣ 4 тысячъ на островъ Чечень, отплыли весною 1606 года въ Астрахань. Въ городъ ихъ однако не впустили; тогда войско двинулось вверхъ по Волгѣ, разглашая, что идетъ вмѣстѣ съ царемъ, и путь ихъ до самой Казани былъ опустошенъ настолько, что добычу Терскихъ казаковъ исчисляли болѣе, чѣмъ въ триста тысячъ (⁵).

Такъ дошли они до Свіяжска. Здѣсь ихъ настигъ гонецъ съ извѣстіемъ, что въ Москвѣ бунтъ и что Лжедимитрій убитъ.

Новая катастрофа разразилась тогда надъ Москвою. Самозванецъ, захватившій престолъ, только въ первое время пользовался народною любовью, а затѣмъ женитьба его на некрещеной полькѣ, чему не было примѣра среди благовѣрныхъ русскихъ царей, пристрастіе его къ католицизму въ ущербъ православія, явное пренебреженіе къ уставамъ, освященнымъ церковью, какъ напримѣръ бракъ его съ Мариной, совершенный 8 мая подъ пятницу, да еще подъ Николинъ день; музыка, пляски и пиршества во дворцѣ даже подъ большіе праздники, презрѣніе, съ которымъ онъ относился къ обычаямъ страны, гдѣ будто-бы царствовали его благочестивые предки, и, наконецъ, высокомѣріе поляковъ, смотрѣв-

шихъ на русскихъ, какъ на людей низшей расы,—все это возмущало народную совѣсть и вызывало ропотъ, таившій въ себѣ всѣ задатки надвигавшейся бури. Пошли ходить зловѣщіе толки, что на престолъ водворился какой-то скоморохъ-самозванецъ, святотатственно надѣвшій вѣнецъ Мономаха, а вовсе не сѣмя отъ истиннаго царскаго корня. Тѣ же бояре, которые искали смерти Бориса, теперь искали смерти Димитрія и исподволь подготовляли къ тому народъ.

И вотъ, 17 мая 1606 года, во всѣхъ кремлевскихъ церквахъ ударили въ набатъ; народъ хлынулъ ко дворцу—и началась расправа. Польская стража, охранявшая царя, была изрублена, Димитрій убитъ, Марина схвачена и заточена въ монастырь; поляки были истреблены или выгнаны изъ Москвы.

Драма окончилась, но спокойствіе не возстановлялось. Престолъ опять стоялъ празднымъ, и не было знамени, вокругъ котораго объединилась-бы русская сила. Шаталась русская земля отъ своего нестроенія. Была минута, когда бояре «тайкомъ отъ земли» посадили на царство Василія Ивановича Шуйскаго, но тотчасъ же ограничили его самодержавную власть, «чего», какъ говоритъ лѣтописецъ, «искони вѣковъ въ Московскомъ государствѣ неваживалось». И народъ не захотѣлъ такого царя. Онъ назвалъ его «полуцаремъ» и не хотѣлъ смотрѣть на него, какъ на прежнихъ государей, сидѣвшихъ на царствѣ «въ отца мѣсто». Таковы были исконные устои нашего родового быта ([6]).

Всѣ эти подробности дошли до нашихъ Терскихъ казаковъ въ Свіяжскѣ. Казалось, что законному наслѣднику Россійскаго Престола Петру Ѳедоровичу слѣдовало бы идти послѣ смерти дяди прямо на Москву и тамъ отнять тронъ у захватившаго его Шуйскаго. Но казаки разсудили иначе. Не особенно надѣясь на успѣхъ похода, они повернули назадъ и перебрались на Донъ, куда ихъ призывали Донскіе казаки.

Здѣсь до нихъ дошелъ слухъ, что Димитрій будто-бы спасся во время московской катастрофы, что онъ скрывается въ Литвѣ и ждетъ только помощи русскаго народа, чтобы водвориться на царствѣ. Слуху повѣрили,—и бунтъ снова охватилъ всѣ города, ближайшіе къ Москвѣ. Нашелся и смѣлый отважный вождь, принявшій предводительство надъ всѣми разрозненными шайками. Это былъ холопъ князя Теляковскаго, Иванъ Болотниковъ, послы котораго тотчасъ явились на Донъ и пригласили къ себѣ Терскихъ казаковъ вмѣстѣ съ царевичемъ Петромъ. Казаки охотно приняли предложеніе и, выступивъ въ походъ весною 1607 года, соединились съ Болотниковымъ въ Тулѣ. Петръ къ этому времени окончательно вошелъ въ свою роль и даже отправилъ пословъ къ польскому королю Сигизмунду. Чѣмъ кончилось это посольство, неизвѣстно, но вельможные паны не устыдились сказать послу царя Василія: «Ждемъ пословъ отъ Государя Сѣверскаго, сына Ѳедора Ивановича, Петра, который вмѣстѣ съ Димитріемъ, укрывающимся въ Польшѣ, намѣренъ свергнуть Василія. Если царь возвратитъ свободу всѣмъ знатнымъ полякамъ, московскимъ плѣнникамъ, то не будетъ ни Лжедимитрія, ни Лжепетра, а въ противномъ случаѣ оба сдѣлаются истинными» ([7]).

Болотниковъ между тѣмъ рѣшилъ уже идти на Москву, и передовой отрядъ его, въ составъ котораго вошла почти половина Терскихъ казаковъ, выступилъ къ Каширѣ. Здѣсь, 5 іюня, мятежники сошлись съ вой-

сками Шуйскаго и разбиты на голову при рѣчкѣ Восмѣ, потеряли всю свою артиллерію, знамена, набаты (литавры), обозы и пять тысячъ плѣнныхъ «вмѣстѣ съ ихъ воровскими воеводами». Одинъ изъ эпизодовъ этой битвы заслуживаетъ особаго вниманія, рисуя въ яркихъ краскахъ боевую стойкость Терскихъ казаковъ, достойную лучшаго примѣненія и лучшей участи. Отрѣзанные отъ своихъ Терцы, къ которымъ примкнули и казаки другихъ войскъ, всего 1700 человѣкъ, отказались сдаться и вступили въ бой съ цѣлою арміею Шуйскаго. «И тѣ воры-казаки», говоритъ лѣтописецъ, въ «буеракахъ сидѣли и бились два дня, положивъ между собою, чтобы имъ помереть, а не отдаться живыми». На третій день у казаковъ не стало зелья, и когда былъ выпущенъ послѣдній патронъ, Московское войско задавило ихъ массой. Много казаковъ было побито, а захваченные въ плѣнъ преданы казни ([8]).

Началась осада Тулы, гдѣ засѣлъ Болотниковъ вмѣстѣ съ Илейкою. Осада длилась долго, но въ концѣ концовъ голодъ заставилъ мятежниковъ прекратить сопротивленіе, и 10-го октября Тула сдалась.

Болотниковъ, какъ главный виновникъ возмущенія, былъ сосланъ въ Каргополь, гдѣ его утопили; Илейку заковали въ цѣпи и послѣ допроса повѣсили подъ Москвой, на Серпуховской дорогѣ, близъ Данилова монастыря. Всѣ остальные бунтовщики, въ числѣ которыхъ было до двухъ тысячъ Терскихъ казаковъ, были помилованы и отпущены на всѣ четыре стороны ([9]).

Но почти никто изъ казаковъ не вернулся на родину; всѣ они примкнули къ новому самозванцу, второму Лжедимитрію, вошедшему въ русскую исторію подъ именемъ «Тушинскаго вора», и прибыли къ нему, какъ сила уже организованная, боевая, на которую онъ могъ опереться. Но въ тоже время, насколько эта сила тяжела была для русскаго народа, свидѣтельствуетъ одна дошедшая до насъ крестоцѣловальная запись, въ которой говорится: «Цѣлую крестъ Государю и Великому князю Димитрію Ивановичу, чтобы намъ ему, Государю своему, во вѣки служити и прямити и добра хотѣти во всемъ. А казаковъ намъ Волжскихъ, и Донскихъ, и Терскихъ, и Яицкихъ и стрѣльцовъ Астраханскихъ въ города помногу не пущати и ихъ указовъ не слушати, а пущать казаковъ въ города для торговъ понемногу, и долго имъ тамъ не жити» ([10]).

Казакамъ, какъ видно, понравились самозванцы: въ одной Астрахани появилось ихъ трое, а въ степныхъ юртахъ объявилось разомъ восемь человѣкъ—все дѣти Ѳедора и внуки Грознаго. Но самое обиліе ихъ носило въ себѣ уже зачатки ихъ собственной гибели, и царь Василій вѣрилъ, что здравый смыслъ народа долженъ восторжествовать надъ этою безумной вакханаліей. Но онъ не зналъ, или не хотѣлъ понять, что зерно смутъ лежало не въ этихъ царевичахъ, а въ немъ самомъ, такъ характерно прозванномъ въ народѣ «полуцаремъ». Тушинскій воръ между тѣмъ осадилъ Москву, а въ тоже время поляки, понимавшіе, какое значеніе въ духовной жизни русскаго народа имѣла Троицко-Сергіевская лавра, двинули къ ней 30-тысячное войско, подъ начальствомъ военоначальниковъ Лисовскаго и Сапѣги; съ ними отправилась и часть нашихъ вольныхъ казаковъ. Геройская оборона Лавры не входитъ въ наше описаніе. Довольно сказать, что защитники ея—иноки, вмѣстѣ съ крестьянами, ук-

рывшимися въ ея стѣнахъ, да нѣскозько десятковъ казаковъ, раскаявшихся въ своихъ преступленіяхъ*), выдержали 16-мѣсячную осаду, отбили нѣсколько приступовъ и были выручены, наконецъ, Михайломъ Скопинымъ-Шуйскимъ. Освободивъ Лавру, онъ спасъ и Москву, разбивъ на голову польскія войска, поддерживавшія самозванца. Послѣдній бѣжалъ въ Калугу и тамъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ соратниковъ.

Казалось, побѣда готова была увѣнчать Московское царство, но не исполнилась еще мѣра Господняго гнѣва. Въ это самое время князь Скопинъ-Шуйскій, привѣтствуемый всюду, какъ спаситель отечества, человѣкъ молодой, полный здоровья и силъ—ему было только 24 года—внезапно скончался, отравленный на обѣдѣ у одного Московскаго боярина. Народъ возмутился. Подозрѣвали братьевъ Шуйскаго, подозрѣвали самого царя, или по крайней мѣрѣ жестоко упрекали его въ томъ, что онъ «царь несчастливый», что земля раздѣлилась, потому что царь былъ избранъ не всею землею,—и 19 іюня 1610 года Василій низложенъ былъ съ престола и заключенъ въ монастырь.

Но лихолѣтье—эта страдная пора Московскаго государства —съ низложеніемъ Василія еще не окончилось. Престолъ опять стоялъ празднымъ, и наступили времена еще горшія прежнихъ—появилась боярская запись, приглашавшая на Московское царство польскаго королевича Владислава, -что грозило окончательною гибелью самобытности русскаго народа. Но тутъ уже поднялось духовенство и стало во главѣ народа, опираясь на то, что православный крестъ искони вѣковъ являлся у насъ символомъ не только религіозной жизни, но и жизни государственной. Въ тяжелыя минуты, когда бывала смята военная сила, поднималась сила другая, не падающая подъ ударами оружія. Духовенство выходило изъ своихъ келій и брало въ свои руки спасеніе отечества. Такъ было въ скорбные дни татарскаго плѣненія, когда молитвенникъ русской земли, преподобный Сергій, благословилъ на брань Димитрія Донского, такъ было и въ лихолѣтье, когда исторія выдвигаетъ передъ нами величаво-суровый образъ патріарха Гермогена, отказавшагося подписать боярскій приговоръ о призывѣ на царство польскаго королевича. Какимъ громовымъ раскатомъ пронеслось по Руси властное слово Владыки: «Владиславу, не крещоному польскому королевичу, на Руси не царствовати!»—И онъ первый указалъ намъ на Михаила Ѳедоровича Романова. На всѣ угрозы поляковъ онъ отвѣчалъ одно: «Боюсь Единаго, тамъ живущаго», и онъ указалъ на небо. Поляки заточили его въ башню и тамъ замучили голодною смертію.

Но едва умолкъ голосъ доблестнаго старца въ Кремлѣ, какъ раздался голосъ духовныхъ властей Троицко-Сергіевской Лавры. Обитель святаго Сергія стала на стражѣ отечества. Какъ въ старой удѣльной Руси, такъ и въ лихолѣтье Московскаго царства, она мирила сильныхъ, соединяла слабыхъ, ободряла малодушную толпу и создавала силу тамъ, гдѣ ея уже не было. Подъ общею священною хоругвію утихала взаимная вражда, умѣрялись страсти, и люди, никогда не думавшіе сходиться, схо-

---

*) Къ сожалѣнію, лѣтописцы не перечисляютъ казаковъ, а потому нельзя сказать опредѣлительно, участвовали ли въ защитѣ Лавры хоть часть Терскихъ казаковъ изъ числа тѣхъ, которымъ возвращена была свобода послѣ взятія Тулы.

дились, и надъ гробами Московскихъ святителей клялись стоять другъ за друга. Игуменъ Лавры Діонисій и келарь—смиренный инокъ Авраамъ Палицынъ разослали свои воззванія во всѣ концы Русской земли—и дрогнула земля отъ вѣщихъ словъ Нижегородскаго мѣщанина: «Продадимъ женъ, заложимъ дѣтей и выкупимъ отечество».

Въ русской исторіи нечасто бывали моменты такого общаго подъема народнаго духа. Но когда они бывали, тогда вставала передъ врагомъ уже вся грозная, спокойная, неодолимая русская сила. Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Окончилось наше лихолѣтье, и на русскій престолъ взошелъ Самодержцемъ, юный бояринъ Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, избранный «въ отца мѣсто» уже всею Русскою землею.

Но море, взволнованное бурей, утихаетъ несразу; несразу улеглись и казацкіе безпорядки. Оставался еще атаманъ Заруцкой, человѣкъ энергичный и тѣмъ болѣе опасный для государства, что въ рукахъ его находилась Марина съ малолѣтнимъ сыномъ—это готовое знамя для новыхъ, только что избытыхъ нами смутъ. И Заруцкой дѣйствительно не отказывался отъ мысли посадить на русскій престолъ вмѣсто юнаго Михаила Ѳедоровича малолѣтняго «Ивашку», какъ законнаго сына царя Димитрія Ивановича. У него оставалось еще до трехъ тысячъ разнаго сброда, и чтобы не дать ему усилиться новыми шайками или соединиться съ литовскими людьми, изъ Москвы былъ высланъ воевода князь Одоевскій съ приказаніемъ «всячески промышлять надъ Заруцкимъ». Противники встрѣтились лѣтомъ 1613 года подъ Воронежемъ, бились два дня безъ отдыху, и Заруцкой съ малымъ числомъ людей бѣжалъ въ Задонскія степи. Такъ доносилъ Одоевскій. Но лѣтописецъ говоритъ, что воеводы Заруцкому ничего не сдѣлали, что, напротивъ, онъ побилъ множество воронежцевъ и ушелъ на Волгу, а вовсе не за Донъ, гдѣ его напрасно искали царскіе воеводы.

Да на Дону въ то время его бы и не приняли. Раскаявшіеся въ «своемъ окаянствѣ» раньше другихъ Донцы рѣшили положить конецъ смутѣ и съ своей стороны обратились съ увѣщаніемъ къ другимъ казачьимъ войскамъ: «къ великому и славному рыцарскому Терскому, Волжскому и Яицкому и всѣхъ рѣкъ пресловутыхъ господамъ атаманамъ и казакамъ». Они убѣждали всѣхъ стать за природнаго царя и самодержца Михаила Ѳедоровича, чтобы Господь Богъ гнѣвъ свой отвратилъ и на милосердіе переложилъ, чтобы покой и тишину воспріяти и въ соединеніи быти душами и сердцами другъ съ другомъ и ему, государю, прямити, а бездѣльникамъ не потакати» ([11]).

Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ грамотахъ, также, какъ въ грамотахъ царя, патріарха и земскаго собора, нигдѣ не упоминается Гребенское войско. Одни склонны думать, что его тогда еще не было и что оно образовалось послѣ смутнаго времени; другіе—что оно также участвовало во всѣхъ движеніяхъ самозванцевъ вмѣстѣ съ Терцами, подъ однимъ съ ними общимъ именемъ; но какъ тѣ, такъ и другіе свои предположенія ничѣмъ не доказываютъ. Намъ кажется, напротивъ, что умалчиваніе въ грамотахъ о Гребенскихъ казакахъ можно принять именно за доказательство, что они—и только они одни—оставались въ сторонѣ отъ бурныхъ движеній того времени. Мы полагаемъ такъ потому, что, какъ

увидимъ изъ дальнѣйшихъ разсказовъ, боевой составъ Гребенского войска къ окончанію смутъ не только не уменьшился, но еще усилился, тогда какъ составъ Терцевъ, доходившій при царѣ Борисѣ до четырехъ тысячъ человѣкъ, благодаря участію ихъ въ смутахъ, уменьшился настолько, что въ смѣтномъ спискѣ Терскаго города сказано: «Да на Терекѣ же вольныхъ атамановъ и казаковъ живетъ 220 человѣкъ»,—и это все, что уцѣлѣло отъ сильнаго четырехтысячнаго войска (12). Самую причину, удержавшую Гребенцовъ отъ вмѣшательства въ наши домашнія распри, легко объяснить изолированнымъ положеніемъ ихъ городковъ, требовавшихъ присутствія казаковъ для защиты семей, вѣчно окруженныхъ опасностями,—и тѣмъ болѣе въ такое время, когда расчитывать на помощь Терскихъ воеводъ имъ не приходилось.

Теперь вернемся назадъ и посмотримъ, что въ эту пору происходило въ Астрахани.

Послѣ Московскаго бунта, закончившагося убіеніемъ перваго Лжедимитрія, Астраханскій воевода князь Иванъ Хворостининъ отказался признать законнымъ царемъ Василія Ивановича Шуйскаго и объявилъ себя за второго самозванца. Посланный для усмиренія Астрахани бояринъ Шереметевъ не могъ взять города приступомъ, но, не смотря на зимнюю стужу, приступилъ къ осадѣ. Тогда Хворостининъ въ свою очередь объявилъ измѣнникомъ самого Шереметева, грозилъ ему лютою казнью, а плѣнныхъ Московскихъ людей велѣлъ убивать. Осада длилась всю зиму и только въ маѣ 1607 года Астрахань, доведенная до крайности, сдалась подъ условіемъ полнаго помилованія. Они присягнули Шуйскому, и князь Хворостининъ попрежнему остался воеводою.

Конечно, за одно съ Астраханью былъ бы и Терскій городокъ, но здѣсь воевода Головинъ нашелъ поддержку въ лицѣ вліятельнаго черкасскаго князя Санчулѣя, который, хотя по невѣдѣнію, и присягалъ первому самозванцу, но теперь являлся вѣрнымъ слугою Шуйскаго. Такимъ образомъ Терская окраина временно отдѣлилась отъ Астрахани и стала жить самостоятельною политическою жизнію. При этомъ нельзя не отмѣтить, что здѣсь широко примѣнялся принципъ автономіи, и воевода принималъ то или другое рѣшеніе не иначе, какъ переговоря съ княземъ Санчулѣемъ, съ головою стрѣлецкимъ, съ дѣтьми боярскими, съ казаками, съ сотниками и пятидесятниками и со всѣмъ міромъ Терскаго города». Впослѣдствіи, перечисляя свои заслуги, Санчулѣй писалъ царю Михаилу Ѳедоровичу, что когда Астрахань отложилась отъ царя Василія въ воровство, онъ въ то время Терскихъ людей «отъ такого воровства удержалъ и вору, котораго они называли царскимъ именемъ, креста цѣловать не велѣлъ». И никто этихъ заслугъ его не оспаривалъ (13).

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ среди невозмутимаго спокойствія, какъ вдругъ Заруцкой, спасаясь отъ князя Одоевскаго, кинулся на Волгу и захватилъ въ свои руки Астрахань. Здѣсь онъ прежде всего казнилъ воеводу князя Хворостинина со многими людьми, не хотѣвшими признать въ «Ивашкѣ, Маринкиномъ сынѣ», прямого наслѣдника русскихъ царей, а затѣмъ, злобясь на духовенство, увѣщавшаго всѣхъ «отстать отъ вора Заруцкаго, отъ лютерки ворухи Маринки и ея воренка», сталъ возмущать народную совѣсть своимъ святотатствомъ. Такъ онъ приказалъ снять се-

ребряное паникадило въ Троицкомъ монастырѣ и перелить его на стремена къ своему сѣдлу, а Марина, видя нерасположеніе граждань,—ей памятенъ былъ звонъ Московскихъ колоколовъ 17 мая,—запретила благовѣстъ къ заутрени, подъ предлогомъ, что звонъ пугаетъ ея маленькаго сына. Народъ роптатъ, и положеніе Заруцкаго день ото дня становилось опаснѣе. Терскій городокъ и Терскіе казаки отказались примкнуть къ нему. Они говорили: «Отъ нашего воровства уже и такъ много пролито христіанской крови, много святыхъ обителей и церквей Божьихъ разорено; такъ теперь намъ больше уже не воровать, а преклониться къ Государю царю Михаилу Өедоровичу и ко всей землѣ». Тогда Заруцкой послалъ въ Терскій городокъ схватить и доставить въ Астрахань Головина, какъ государственнаго измѣнника. Но казаки не выдали его. «Али вы и Головина хотите погубить также, какъ погубили Хворостинина», сказали они посланнымъ и прибавили: «Намъ съ вами въ воровскомъ совѣтѣ не быть и отъ Московскихъ чудотворцевъ не отстать». Пославъ такой отвѣтъ, казаки рѣшили, однако, сорвать съ Ивашки Заруцкаго, что только возможно, а потому надумали поѣхать въ Астрахань, взять обманомъ у вора жалованье, да тамъ же и учинить надъ нимъ промыселъ. Планъ этотъ не состоялся, какъ кажется, потому, что въ Астрахань прибыла часть Волжскихъ казаковъ и составила охранную стражу Заруцкаго. Оказалось, что верхнія станицы, расположенныя по Волгѣ, получивъ грамоту отъ Донского войска, не пошли на призывъ Заруцкаго, но нижнія, ближайшія къ Астрахани, потянули къ вору и явились въ числѣ пятисотъ шестидесяти человѣкъ съ атаманомъ Верзигою. Теперь Астрахань уже сама просила помощи у Терки, и Головинъ отправилъ 700 человѣкъ стрѣльцовъ, Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, подъ начальствомъ стрѣлецкаго сотника Василія Хохлова ([14]). Отрядъ этотъ засталъ Астрахань уже въ полномъ возмущеніи противъ Заруцкаго. Послѣдній заперся въ Кремлѣ, а жители собрались въ городскомъ посадѣ и вели съ нимъ перестрѣлку. Хохловъ занялъ городъ, но Заруцкой не сталъ ожидать приступа и 12 мая ночью бѣжалъ на судахъ вмѣстѣ съ своими казаками. Ихъ было 1050 человѣкъ. Хохловъ, однако, настигъ ихъ на Волгѣ около Астрахани «и учинилъ съ ними бой, и Милостію Божіею и Пречистыя Богородицы и государевымъ счастіемъ Ивашку и воровъ побили, и многихъ живыхъ поймали, а иныхъ въ водѣ потопили, и гоняли за ними отъ Астрахани на море. А какъ стала ночь, они съ моря воротились назадъ. А было съ Ивашкой всѣхъ 93 струга, а послѣ побою осталось ихъ только тридцать три, а то всѣ струги выбили и потопили и живыхъ поймали» ([15]). Въ числѣ плѣнныхъ оказались: какая-то панна Варвара Козоновская, приспѣшница Маринки, панъ Попруцкій, да волжскій атаманъ Афонасьевъ и съ нимъ 160 казаковъ; въ числѣ убитыхъ находился и латинскій попъ, также сопровождавшій Марину. Сама-же Марина, сынъ ея и Заруцкой успѣли спастись, пустившись на легкихъ стругахъ, «съ немногими людьми», въ открытое море. Дальнѣйшее преслѣдованіе ихъ продолжалось уже царскими войсками, подоспѣвшими къ Астрахани, и бѣглецы вторично были настигнуты 25 іюня 1614 года на Медвѣжьемъ островѣ, гдѣ послѣ двухдневнаго боя казаки сдались, а Заруцкой съ Мариной взяты въ плѣнъ и отвезены въ Москву. Тамъ Заруцкой и сынъ Марины бы-

ли казнены, а Марину заточили въ одну изъ Коломенскихъ башенъ, гдѣ, по польскимъ сказаніямъ, она была задушена или утоплена, а по русскимъ—умерла съ тоски по волѣ ([16]).

Такъ закончилась тяжелая для Руси эпоха смутнаго времени.

Со всѣхъ казаковъ снята была такъ долго тяготѣвшая надъ ними опала, и царь Михаилъ Өедоровичъ повелѣлъ: «тѣхъ воровскихъ казаковъ, которые бродятъ шайками, отнюдь казаками не называть, дабы прямымъ атаманамъ и казакамъ, которые намъ служатъ, не было бы безчестія» ([17]).

Глава VII.

Съ воцареніемъ Михаила Θедоровича прекратилось смутное время на Руси. Общій голосъ русскаго народа призвалъ молодого царя на тронъ Рюриковичей, и никакіе самозванцы не могли уже поколебать теперь этого трона; не было мѣста также и притязаніямъ на него чужеземныхъ принцевъ и королевичей. Для всѣхъ было ясно, что благоденствіе русской земли всецѣло зависитъ отъ единенія народа съ своимъ православнымъ государемъ, и всѣ сословія прониклись одною и той же великою мыслію. И не смотря на то, положеніе молодого государя было крайне затруднительно: казна была пуста, войско малочисленно и неустроено; всѣ почти области государства разорены; на западѣ, истощенная смутами междуцарствія, Россія утратила часть своихъ владѣній, попавшихъ въ руки поляковъ и шведовъ; на югѣ мы были остановлены въ поступательномъ движеніи въ глубь Дагестана, но все еще стояли твердою ногою на Терекѣ, гдѣ у насъ была крѣпость, гдѣ наша граница прикрывалась вольными Терскими и Гребенскими казаками, наверстывавшими свою малочисленность превосходными боевыми качествами.

Ни Персія, ни Турція намъ въ это время не угрожали; но для прекращенія на территоріи, состоявшей подъ управленіемъ или подъ вліяніемъ Терскаго воеводства, даже мелкихъ хищничествъ Головинъ распорядился, чтобы вольные казаки держали пикеты на всѣхъ перелазахъ на Сунжѣ и на Терекѣ, пропуская черезъ нихъ только людей подвластныхъ Москвѣ кабардинскихъ или кумыкскихъ владѣльцевъ. Эта рѣшительная мѣра заставила многихъ искать нашего покровительства, и даже сынъ Шамхала Гирей-Мурза просилъ, «чтобы его пожаловати перевозомъ на Суншѣ, пониже Османовщины, для того, что которые—его, Гиреевы, уздени и черные люди—на тотъ перевозъ станутъ ѣздить изъ Кумыковъ въ Кабарду и изъ Кабарды въ Кумыки съ печатью, то государевымъ бы ратнымъ людямъ и вольнымъ казакамъ тѣхъ людей его не громити и не побивати, а которые кумыки на тотъ перевозъ станутъ ѣздити и называться станутъ его, Гиреевыми, людьми, а печати у нихъ не будетъ, и государевымъ людямъ и вольнымъ казакамъ тѣхъ кумыцкихъ людей громити»... Ходатайство это было уважено, и Головинъ приказалъ сдѣлать серебряный перстень съ изображеніемъ льва и послалъ его къ Гирею, какъ печать для пропусковъ (¹).

Но ни въ одномъ содержаніи пикетовъ заключалась служба вольныхъ казаковъ; они исполняли различные наряды воеводъ и давали большіе или меньшіе контингенты въ составъ экспедиціонныхъ отрядовъ, съ которыми время отъ времени у насъ производились движенія въ сосѣд-

нія общества то для поддержанія въ нихъ порядка, то для укрощенія ихъ противниковъ. Такъ извѣстенъ походъ Вельяминова въ 1618 году, въ которомъ участвовали и Терскіе, и Гребенскіе казаки; но объ этомъ походѣ мы знаемъ очень немногое, и сохранившіяся свѣдѣнія передаютъ только, что погромлены были аулы князя Шалоха, и въ одной изъ стычекъ былъ убитъ преданный намъ князь Алей-Мурза, сынъ Мамстрюка Темрюковича (²).

Выдающимся эпизодомъ этого времени служитъ посѣщеніе Гребней двумя иностранцами, учеными минералогами Самуиломъ Фричъ и Іоганомъ Герольдъ (³). Оба они были присланы изъ Москвы для отысканія въ Кавказскихъ горахъ серебряной и мѣдной руды, какъ новаго источника для поправленія разстроенныхъ финансовъ государства, и Терскій воевода князь Василій Щербатовъ поручилъ охрану ихъ Гребенскимъ казакамъ. Эти люди, знакомые съ мѣстностью, знавшіе туземные языки, умѣвшіе примѣниться къ чуждымъ обычаямъ и нравамъ, были очень полезны нашимъ искателямъ и какъ проводники, и какъ переводчики, и какъ надежная охранная стража. Въ своихъ донесеніяхъ Московскому правительству оба они и отзываются о Гребенскихъ казакахъ съ особой похвалой, какъ о людяхъ, «на вѣрность которыхъ можно положиться». Они были даже въ ихъ городкахъ, стоявшихъ, по ихъ показаніямъ, въ горахъ, выше селеній Илдара и Келмамета, сыновей Ибака-Мирзы, владѣльца Малокабардинскаго. И отъ нихъ-то впервые мы узнали кое-что о домашней жизни Гребенскихъ казаковъ. Фричъ и Герольдъ были первыми европейцами, посѣтившими надтеречный хребетъ, гдѣ до нихъ никто изъ русскихъ никогда не бывалъ, и потому то показанія ихъ имѣютъ для насъ особую цѣнность. По ихъ словамъ, Гребенцы отличались своею домовитостью и культурнымъ развитіемъ передъ другими казачьими войсками того времени. Это была въ строгомъ смыслѣ самая ранняя русская колонія на Кавказѣ, умѣвшая находить средства для жизни и помимо стариннаго молодечества въ собственномъ своемъ производительномъ трудѣ. Донцы и Терцы, напримѣръ, не хотѣли знать хлѣбопашества и даже побивали тѣхъ, кто имъ занимался, какъ ремесломъ, несроднымъ казачеству, а Гребенцы повсюду прилагали свой трудъ и этимъ достигали замѣтнаго благосостоянія въ своемъ хозяйствѣ. Ихъ жены ткали сукна и галуны для домашняго обихода, а сами казаки сѣяли просо и кукурузу, занимались насажденіемъ тутовыхъ деревъ и разведеніемъ виноградной лозы, которой, по свидѣтельству Фрича и Герольда, много было въ лѣсахъ по берегамъ Сунжи и Терека въ дикорастущемъ видѣ. По этому поводу изъ Москвы послѣдовалъ даже запросъ Терскому воеводѣ, но воевода отвѣтилъ, «что близко къ Теркамъ, а тѣмъ болѣе въ самыхъ Теркахъ виноградное дѣло не за обычай, но въ полутораста верстахъ отъ воеводскаго города, въ казачьихъ Гребенскихъ городкахъ виноградняго кустья добрѣ много, и что, воздѣлывая это кустье, казаки приготовляютъ изъ его плодовъ виноградные напитки, которые продаютъ въ Теркахъ и держатъ про себя». Все это указывало несомнѣнно на развивавшуюся здѣсь культуру, нисколько не ослаблявшую, однако, боевыхъ достоинствъ войска. Гребенцы знали, что на той вулканической почвѣ, на которой они родились, храбрость,

есть первая добродѣтель, и они старались развивать эти качества въ своихъ дѣтяхъ съ самаго ранняго возраста.

Но на ряду съ этимъ казаки ревниво охраняли свои интересы, свои права и привиллегіи отъ вмѣшательства въ нихъ Терскихъ воеводъ, вліяніе которыхъ въ подобныхъ случаяхъ оказывалось ничтожнымъ. Такъ въ 1631 году, когда пришелъ воеводскій приказъ, чтобы казаки готовились къ походу на Казыевы улусы,—казаки наотрѣзъ отказались идти, пока не получатъ обѣщаннаго имъ царскаго жалованья. Сколько ни уговаривали ихъ воеводы, казаки упорно стояли на своемъ,—и походъ не состоялся. Воеводы донесли объ этомъ въ Москву, но Московское правительство приняло сторону казаковъ и приказало немедленно выдать имъ жалованье, такъ какъ претензію нашло справедливой. Походъ тѣмъ не менѣе пришлось отложить на цѣлые два года. Но прежде, чѣмъ говорить о немъ, скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что такое были эти Казыевы улусы.

Еще при Иванѣ Грозномъ, въ половинѣ XVI вѣка, въ Ногайской ордѣ, занимавшей нижнее Поволжье, произошла междоусобная война между двумя владѣльцами Юсуфомъ и Измаиломъ. Рѣзня была такъ кровопролитна, убитыхъ съ обѣихъ сторонъ было такъ много, «что съ той поры, какъ стала орда, такого падежа надъ нею не было», говоритъ лѣтописецъ. Сильные кочевники, державшіе нѣкогда въ цѣпяхъ Московское государство, сами дорѣзывали другъ друга и подготовляли тѣмъ паденіе Астраханскаго царства. Во время этой усобицы Юсуфъ былъ убитъ, и часть его орды, подъ предводительствомъ Мурзы Казыя, бѣжала къ Азовскому морю, подъ власть Крымскаго хана. Вотъ эта-то отдѣлившаяся фракція и стала называться у насъ Малыми Ногаями или Казыевыми улусами, обнаруживая непримиримую ненависть и къ намъ, и къ своей метрополіи. Измаилъ, оставшись побѣдителемъ, соединилъ между тѣмъ подъ своею властью всю оставшуюся часть Большой орды и остался вѣрнымъ слугою Грознаго. «Я твой казакъ и твоего двора человѣкъ», писалъ онъ къ нему—и добрыя отношенія приволжскихъ ордынцевъ продолжались и при его преемникахъ ([4]).

Въ свою очередь Малые Ногаи, постепенно усиливаясь новыми выходцами съ Волги, распространились до самой Кумы и первые внесли разлагающій элементъ въ среду преданныхъ намъ Пятигорскихъ Черкасъ. Начались безконечныя распри и междоусобицы, а Казыевцы между тѣмъ стали подъ рукой возмущать и Большую Орду, стараясь переманить ее съ Приволжья на просторъ Прикубанскихъ степей, подъ власть Крымскихъ хановъ. У насъ увидѣли опасность; но экспедиція, задуманная противъ нихъ въ 1631 году, какъ мы видѣли, не состоялась, и только черезъ два года царь Михаилъ Ѳедоровичъ приказалъ идти на Казыевъ князю Семену Волконскому съ частію Терскихъ стрѣльцовъ (200 человѣкъ), съ боярскими дѣтьми, съ кабардинцами и другими служилыми инородцами, со всѣми безъ выбору, сколько ихъ есть, да съ вольными атаманами и казаками Терскими и Гребенскими, «у которыхъ лошади есть и которые похотятъ». Сколько выступило вольныхъ казаковъ, неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ участіе ихъ въ этомъ походѣ несомнѣнно. Съ своей стороны Казый, владѣтель Большой ногайской орды, выставилъ 20 тысячъ всадниковъ; а на соединеніе съ Волконскимъ шли еще казаки съ Дона, да

царскія рати изъ Астрахани, Казани и другихъ приволжскихъ городовъ со всѣми иноземцами, «которые живутъ на корму». Сборный пунктъ назначенъ былъ у развалинъ древнихъ Мажаръ на Кумѣ. Донцы, однако, запоздали, но князь Волконскій не сталъ ожидать ихъ и, двинувшись одинъ, «повоевалъ и разорилъ Казыевы улусы, полонъ многій поималъ» и пошелъ обратно къ Астрахани разными дорогами. Но тутъ случилось одно не совсѣмъ обыкновенное обстоятельство: Донцы, опоздавшіе къ походу, встрѣтили ногайцевъ, возвращавшихся съ большою добычей, и, не желая придти на Донъ съ пустыми руками, напали на нихъ и отняли у нихъ множество лошадей, «да татарскаго ясырю съ тысячу пятьсотъ человѣкъ». Замѣчательно, что этотъ случай, характерный даже для тогдашняго времени, прошелъ безслѣдно, и дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ не имѣется (5).

По возвращеніи изъ похода надо было ждать, что разгромъ Казыевскихъ улусовъ, служившихъ для Крыма какъ бы передовыми форпостами, понудитъ Крымскаго хана выйдти изъ своего пассивнаго положенія; и дѣйствительно, Терскій воевода князь Ромодановскій доносилъ въ Москву, что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ кабардинцами, ханъ намѣревается идти на Терки и затѣмъ на Астрахань. Онъ сообщалъ о трудности своего положенія, указывалъ на плохое состояніе городскихъ верковъ, особенно на ветхость плетня, замѣнявшаго крѣпостную ограду въ черкасскихъ слободкахъ за рѣкой Тюменкой и просилъ подкрѣпленій. «Вмѣсто положенныхъ по штату двухъ тысячъ людей стрѣлецкаго приказа»—писалъ онъ, «въ Теркахъ находится едва половина, около 1150 человѣкъ, а новыхъ стрѣльцовъ на Терекѣ мнѣ прибрати не откуда; есть у меня еще до пятисотъ татаръ и черкесъ новокрещеныхъ, охочинцевъ и другихъ, живущихъ по слободкамъ, но они не надежны» (6). Былъ-ли усиленъ гарнизонъ, мы сказать не можемъ, но для исправленія верковъ былъ присланъ инженеръ Корнелій Клаузенъ, который, пословамъ Олеарія, укрѣпилъ городъ насыпными валами и болверками «по теперешнему способу»; но зато и работы, начатыя имъ, тянулись нѣсколько лѣтъ и были закончены только въ 1646 году (7).

Тотъ же Олеарій, посѣтившій Терки около этого времени, приводитъ въ своихъ запискахъ нѣсколько интересныхъ фактовъ, характеризующихъ бытъ и нравы этой отдаленной окраины. Изъ его описаній мы узнаемъ, что на Каспійскомъ морѣ въ то время необычайно размножились шайки воровскихъ казаковъ, приходившихъ съ Волги, которые разбивали и грабили торговыя суда и сухопутные караваны. Если, какъ говоритъ пословица, изъ пѣсни слова не выкинешь, то нельзя умолчать, что злу содѣйствовали главнымъ образомъ сами воеводы, забывавшіе о великомъ государевомъ дѣлѣ ради своихъ корыстныхъ цѣлей, и сами натравливали не только воровскихъ, но и вольныхъ казаковъ даже на царскихъ подручниковъ, въ надеждѣ получить отъ нихъ извѣстную, можетъ быть даже львиную, долю добычи. Такъ разграбленъ былъ Терскими казаками мирной ногайскій аулъ Мирзы Иштерека, кочевавшій на рѣкѣ Койсу, причемъ казаки «взяли у него полонъ человѣкъ съ сорокъ, а животины и лошадей взяли многіе». Иштерекъ, знавшій повадки Терскихъ воеводъ, даже не жаловался, а сообщилъ въ Астрахань только для свѣдѣнія. Нападеніе сдѣлано было и на самого Олеарія.

«Рано утромъ 1-го ноября», говоритъ, онъ, «прибыли мы въ городъ Терки и за мелководьемъ стали на якорь въ разстояніи двухъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ берега. Въ ту же ночь передъ нами явилось нѣсколько сотенъ казаковъ на судахъ съ явною цѣлью сдѣлать нападеніе; но они наткнулись на стрѣльцовъ, бывшихъ съ княземъ Муцаломъ и, убѣдившись, что найдутъ достаточное сопротивленіе, тотчасъ отплыли назадъ, извиняясь, что искали нѣмцевъ». Нѣтъ сомнѣнія, что это были Терскіе вольные казаки, жившіе въ то время въ Трехстѣнномъ городкѣ. Воровскіе казаки никогда не осмѣлились бы подойти такъ близко къ воеводскому городу и не стали бы извиняться передъ княземъ Муцаломъ, бывшимъ тогда войсковымъ атаманомъ Терскаго войска.

Другой, еще болѣе характерный, случай мы узнаемъ изъ дошедшей до насъ челобитной жалобы того же князя Муцала на воеводу князя Хилкова и дьяка Григорія Углева. Изъ дѣла видно, что Хилковъ далъ Терскимъ казакамъ приказъ: «застать кумыкскую и кабардинскую дороги и по тѣмъ дорогамъ всякимъ проѣзжимъ людямъ, кто тѣми дорогами поѣдетъ, большую тѣсноту чинить и грабить». Случилось, что въ 1640 году по одной изъ этихъ дорогъ возвращались изъ Дербента торговые люди самого Муцала въ сопровожденіи нѣсколькихъ его узденей. Знали или не знали казаки, кому принадлежатъ эти люди, но только, усердствуя въ исполненіи воеводскаго приказа, они ихъ погромили и отняли «разной рухляди» стоимостью на 500 рублей. По жалобѣ Муцала, князь Хилковъ потребовалъ отъ него еще 300 рублей, «яко бы на разысканіе тѣхъ воровъ». Тогда Муцалъ пригрозилъ жаловаться самому государю, «а воевода, разсердившись на него, подѣлился тѣми погромленными животы съ дьякомъ, съ Григоріемъ Углевымъ». Дѣло дошло до царя, и о результатѣ его намъ говоритъ слѣдующая отписка самаго Муцала: «Ты, Гусударь, пожаловалъ меня, холопа твоего, велѣлъ на него, князь Ивана Хилкова, дать свой государевъ судъ, но князь Хилковъ, не ходя со мною въ судъ, помирился въ половинѣ иску моего въ двухъ сотъ въ пятидесяти рубляхъ»; остальные же 250 рублей Муцалу предоставлено было искать съ дьяка Григорія Углева «въ томъ городѣ, гдѣ онъ, Муцалъ, его встрѣтитъ». Замѣчательно, что признанная виновность князя Хилкова осталась безнаказанной, и онъ еще долго продолжалъ воеводствовать въ Теркахъ ([8]).

Дурные примѣры прививаются быстро, и Гребенцы, увлеченные общимъ потокомъ, не отстали отъ Терцевъ. Но такъ какъ до Каспійскаго моря имъ было далеко, да и морское дѣло было у нихъ не въ обычаѣ, то цѣлью своихъ набѣговъ они сдѣлали преимущественно «Дадіановскую землю» (Мингрелію), до которой было два-три дня ѣзды отъ ихъ городковъ. Конечно, при такихъ условіяхъ, при общемъ попустительствѣ Терскихъ воеводъ взаимныя отношенія между сосѣдями обострились до послѣдней степени и стали принимать уже черезчуръ кровавый характеръ. Каждая встрѣча влекла за собою новыя жертвы, каждая жертва вызывала кровомщенье, и за одного убитаго платились жизнію десятки другихъ людей, быть можетъ и неповинныхъ въ пролитой крови. Дошло до того, что царскій посолъ Федотъ Елчинъ, посланный въ 1640 году къ Дадіану, вынужденъ былъ оставаться въ Теркахъ три съ половиной недѣли, такъ какъ по дорогамъ буквально не было проѣзда. Всѣмъ памятенъ былъ слу-

чай, когда партія Терскихъ казаковъ, въ числѣ 40 человѣкъ, отправившаяся по своимъ дѣламъ въ Червленный городокъ Гребенскаго войска, встрѣчена была на пути кумыками и изрублена поголовно, но, къ сожалѣнію, объ этомъ происшествіи у насъ не сохранилось никакихъ подробностей ([9]).

Пока вся эта безурядица происходила на Терекѣ, на Дону совершилось событіе чрезвычайной исторической важности, не имѣющее себѣ равной въ лѣтописяхъ военныхъ подвиговъ: горсть Донскихъ казаковъ затѣяла немало-немного, какъ взять у турокъ Азовъ, сторожившій Крымъ и берега Азовскаго и Чернаго морей. Азовъ былъ первоклассною крѣпостью, имѣлъ грозныя верки, множество орудій, искусныхъ инженеровъ и сильный гарнизонъ; казаки не имѣли ничего: ни инженеровъ, ни артиллеріи, не могли расчитывать даже на помощь Московскаго государства,—и все таки отважились на баснословный подвигъ. Случилось это очень просто. Войсковой атаманъ Осипъ Петровъ собралъ войсковой кругъ и поставилъ вопросъ: «Любо-ли казакамъ промыслить надъ Азовомъ»? Казаки отвѣтили: «любо», - и на второй недѣлѣ послѣ Свѣтлаго Воскресенья, 21 апрѣля 1637 года, выступили въ походъ съ наказнымъ атаманомъ Татариновымъ. Ихъ было 3560 человѣкъ, да къ нимъ присоединилось еще тысяча запорожцевъ. Вотъ эта-то горсть обложила Азовъ и повела подкопы. Скоро одна изъ главныхъ башенъ взлетѣла на воздухъ, и въ ту же минуту Татариновъ съ своими казаками ворвался въ проломъ, и началась отчаянная рѣзня въ домахъ и на улицахъ. Казаки никому не давали пощады. Послѣдняя часть турокъ, запершаяся въ замкѣ, была перерѣзана; бѣжавшихъ изъ города также догнали и перебили. «Ни одного Азовскаго человѣка не упустили ни въ степь, ни на море, всѣхъ до остатка порубили», писали казаки государю и просили его принять отъ нихъ басурманскій городъ Азовъ. И царь, и султанъ одинаково были изумлены дерзостью казаковъ. Но Москва, къ сожалѣнію, находилась въ то время не въ такомъ положеніи, чтобы затѣвать новую войну съ Турціей, которая требовала немедленно возвратить ей Азовъ и свести всѣхъ казаковъ съ Дона. На это царь Михаилъ Ѳедоровичъ отвѣтилъ, что въ Азовѣ царскихъ войскъ нѣтъ, и чтобы «султанъ не досадовалъ на него изъ-за воровства казаковъ, государевыхъ ослушниковъ,—султанъ невозбранно можетъ истребить ихъ всѣхъ до послѣдняго человѣка, но послать противъ нихъ Московскую рать ему, государю, нельзя за отдаленностью ихъ мѣстъ». Казаки между тѣмъ укрѣпили Азовъ «посвоему», обратили мечети въ православные храмы, вызвали сюда свои семьи и зажили, какъ дома, наименовавъ Азовъ «Вольнымъ казачьимъ городомъ». Съ этихъ поръ казаки свободно плавали по Черному морю, захватывали турецкіе корабли, нападали на такіе города, какъ Синопъ и Трапезонтъ, жгли прибрежныя села, и зарево пожарищъ было видно въ самомъ Константинополѣ. Такъ прошли цѣлые три года. Порта, занятая въ то время внѣшними войнами, не имѣла подъ рукой достаточныхъ силъ, чтобы прибѣгнуть къ оружію, и только въ 1641 году султанъ двинулъ къ Азову громадныя полчища. Двѣсти сорокъ тысячъ турокъ, при ста орудіяхъ, обложили Азовъ и принялись его бомбардировать. Началась борьба, не бывалая въ исторіи народовъ Шесть тысячъ казаковъ, въ числѣ которыхъ было до 800 женщинъ, обрекшихся

на смерть, отбивались отъ двухсотсорока-тысячной арміи. Четыре мѣсяца тянулась осада; 24 приступа были отбиты; число казаковъ быстро уменьшалось, но и турки понесли такія огромныя потери, что въ концѣ концовъ вынуждены были снять осаду и отступить. Это было 1-го октября 1641 года. Громкая вѣсть объ исходѣ осады разнеслась далеко, но ни въ Москвѣ, ни въ Варшавѣ, ни въ Константинополѣ долго не хотѣли вѣрить такому неслыханому чуду (10).

Азовъ остался за казаками; но пять лѣтъ безпрерывной войны настолько ослабили ихъ силы, что Донцы послали къ царю новую станицу, прося его принять отъ нихъ городъ. Царь приказалъ созвать Земскій соборъ, но голоса на немъ раздѣлились, многіе стояли за то, что Азовъ надо удержать за собой уже потому, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ попалъ въ руки казаковъ, татарской войны не было; другіе говорили, что Россія послѣ пережитаго ею лихолѣтья не въ состояніи вести новую войну съ турками, которая являлась неизбѣжной въ случаѣ занятія Азова царскими войсками.

Послѣ долгихъ преній, царь склонился на послѣднее рѣшеніе. Онъ отправилъ казакамъ пять тысячъ рублей и милостивую грамоту, въ которой писалъ, что онъ ихъ «за такую службу, радѣніе, промыселъ и крѣпкостоятельство весьма похваляетъ»; но въ то же время онъ убѣждалъ ихъ оставить городъ и возвратиться на Донъ. Казаки послушались, но на прощанье съ Азовомъ не оставили въ немъ камня на камнѣ и вывезли съ собою 80 турецкихъ пушекъ, все имущество и даже кости своихъ товарищей: «да не оставитъ ихъ братство», какъ сказалъ атаманъ, «на басурманской землѣ». Огромное турецкое войско, явившееся для новой осады, нашло только груды развалинъ (11).

Добровольное оставленіе казаками Азова не только не примирило съ нами Турецкаго султана, но повело за собою рядъ новыхъ столкновеній, ярко обрисовывающихъ передъ нами мощь казацкаго духа.

Видя, что Московское правительство не желаетъ измѣнить своей политики по отношенію къ вольнымъ казакамъ, султанъ приказалъ Крымскому хану съ огромною ратью идти на Донъ о согнать съ него всѣхъ казаковъ до единаго. И вотъ, осенью 1645 года, спустя три мѣсяца послѣ кончины царя Михаила Ѳеодоровича, когда на русскій престолъ вошелъ юный 16-лѣтній сынъ его Алексѣй Михайловичъ, крымцы осадили Черкаскъ, главный войсковой городъ Донскихъ казаковъ. Осада длилась цѣлую зиму и «приступы подъ Черкасскій городокъ дѣлались частые, большими собраніями и бой, и кровопролитіе были великіе». Такъ говоритъ лѣтописецъ. Казаки держались, но ихъ оставалось мало. Московское правительство встревожилось, понимая, что казаки по своей малочисленности могутъ быть уничтожены, и царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ дворянину Кондыреву спѣшно собрать три тысячи охочихъ людей и идти на помощь къ Донцамъ. Въ то же время выступилъ изъ Астрахани воевода князь Семенъ Пожарскій съ ратными людьми, а къ нему присоединились еще 1200 Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, кабардинцы и другіе инородцы, жившіе около Терки. Начальство надъ этимъ коннымъ отрядомъ принялъ князь Муцалъ Сунчалѣевичъ.

Какъ только Крымскій ханъ свѣдалъ о приближеніи царскаго войска,

онъ тотчасъ снялъ осаду и отступилъ. Князь Пожарскій двинулся по его слѣдамъ. Онъ имѣлъ повелѣніе въ случаѣ успѣха идти на Перекопъ, но отнюдь не трогать Азова, принадлежавшаго туркамъ. Донцы, однако, знали, что въ этомъ турецкомъ городѣ томятся четыре тысячи русскихъ плѣнниковъ, а потому, не слушая воеводъ, «зашумѣли всѣмъ войскомъ и рѣшили напасть на него» показацки, «изгономъ». Къ нимъ тотчасъ пристали Терскіе и Гребенскіе казаки съ охочими людьми князя Муцала. Воеводы не имѣли возможности удержать казаковъ, но не смѣли въ то же время и поддерживать ихъ, чтобы не вызвать осложненій съ Турціей,—и штурмъ, предпринятый съ голыми руками, не удался. Казаки, тѣмъ не менѣе, порубили множество татаръ, сидѣвшихъ въ передовыхъ окопахъ, и, бросивъ Азовъ, двинулись отсюда на рѣчку Ею, гдѣ кочевали Казыевы ногайцы. «Какое имъ дѣло», замѣчаетъ Попка, «что въ тылу у нихъ оставалась крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ». Воеводамъ оставалось только стоять подъ Черкаскомъ, да терпѣливо ждать, когда наконецъ возвратятся ихъ расходившіеся казаки. А казаки тѣмъ временемъ нагрянули на Ею, разбили большой татарскій улусъ Мурзы Шатемира, взяли семь тысячъ ясыру (плѣнныхъ), да восемь тысячъ различнаго скота и съ этими трофеями вернулись въ Черкаскъ. Торжествуя побѣду, Донцы разъѣхались по своимъ городкамъ, а русскія войска расположились бивуакомъ по обѣ стороны Дона. Впереди всѣхъ стоялъ князь Муцалъ съ своими окоченцами, да съ Терскими и Гребенскими казаками. Никакихъ мѣръ предосторожности принято не было: слишкомъ самонадѣянно настроены были, чтобы думать о возможности какой-либо грозы, а гроза висѣла уже надъ ихъ головами.

Разгромъ цѣлаго улуса естественно вызвалъ тревогу по всей окрестности, и Крымскій Калга Нурадинъ-Гирей, сидѣвшій на Кубани въ городѣ Копылѣ, тотчасъ форсированнымъ маршемъ прибылъ къ Азову. Здѣсь онъ соединился съ турецкимъ пашею и, двинувшись дальше, скрытно подошелъ къ Черкаску. Въ глухую полночь, когда передовой отрядъ нашъ безпечно покоился сномъ, восемь тысячъ всадниковъ съ гикомъ и ружейной пальбою вдругъ налетѣли на станъ князя Муцала. Въ первыя минуты произошло необычайное смятеніе. Одинъ изъ тюменскихъ князей Бей-Мурза потерялъ байракъ (знамя) и такъ стремительно бѣжалъ съ поля битвы, что остановился только на Терекѣ. Много побито было здѣсь и Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, но остальные скоро оправились и, сбившись въ общую кучу, вступили въ такой упорный бой, что втянули въ него все царское войско. Подоспѣли и Донцы изъ Черкаска. Бой длился цѣлый день; самъ князь Пожарскій, предводительствовавшій войсками, былъ раненъ, а ночью непріятель поспѣшно отступилъ; турки отошли къ Азову, а Нурадинъ-Гирей на рѣчку Кагальникъ.

Казалось бы, что послѣ большихъ потерь, понесенныхъ обѣими сторонами, военныя дѣйствія должны бы были пріостановиться. Задача наша была исполнена. Черкаскъ освобожденъ, и если мы не пошли на Перекопъ, какъ желалъ царь Алексѣй Михайловичъ, зато разбили враждебные намъ татарскіе улусы, да и самимъ крымцамъ нанесли большія потери. Но казаки не хотѣли возвращаться домой; имъ не давала покою мысль, что татары, заставшіе ихъ врасплохъ, будутъ похваляться своимъ

успѣхомъ, а это было бы порухой ихъ лыцарской чести. Поговорили между собой атаманы, собрали кругъ и рѣшили идти на Кагальникъ разыскивать Нурадинъ-Гирея. Собралось къ походу людей тысячъ шесть, съ самимъ княземъ Пожарскимъ. Тутъ были стрѣльцы, казаки Донскіе, Терскіе и Гребенскіе, охотники Кондырева и люди князя Муцала. Азовъ обошли стороною, а далѣе двигались только по ночамъ, скрываясь днемъ въ глубокихъ оврагахъ,—и на зарѣ 7-го августа 1646 года внезапно, какъ снѣгъ на голову, ударили на станъ Нурадина. Татары разсѣялись въ разныя стороны. Самъ Нурадинъ едва успѣлъ ускакать, но его шатеръ съ неубранною постелью и цѣннымъ имуществомъ, шатры многихъ мурзъ и весь татарскій станъ со всѣми запасами достались побѣдителямъ. Много татаръ было побито, но еще болѣе захвачено въ плѣнъ. Предавъ затѣмъ огню повозки, коши и все, чего не могли взять съ собою, русскіе пошли обратно къ Черкаску. Поднявшіеся на тревогу окрестные ногаи и Азовскій паша пустились было преслѣдовать, но особаго вреда не нанесли, а только принудили казаковъ перерѣзать 200 усталыхъ татарскихъ плѣнниковъ, затруднявшихъ отступленіе. Экспедиція окончилась. Изъ Черкаска Гребенскіе и Терскіе казаки разошлись по своимъ роднымъ городкамъ, «гдѣ», какъ говоритъ Попко, «были и слезы по кормильцамъ, сложившимъ свои головы въ Донской землѣ, и радостныя угощенія чапуркой вернувшихся съ полными добычей сумами любезныхъ станичниковъ» ([12]).

А дома ихъ встрѣтила опять та же обстановка, тѣ же опасности, тѣ же тревоги; но главнымъ нарушителемъ спокойствія на этотъ разъ являлся Шамхалъ, который принялъ подъ свою защиту и покровительство бѣжавшій съ Волги большой ногайскій улусъ Мурзы Чобана. Въ этомъ усиленіи Шамхала кумыки и кабардинцы увидѣли нарушеніе, такъ сказать, политическаго равновѣсія въ притеречномъ краѣ и не хотѣли съ нимъ примириться. Видя, что волненія усиливаются съ каждымъ днемъ, Терскій воевода отправилъ своего посла, въ сопровожденіи Гребенскихъ казаковъ и кабардинцевъ, вывести этотъ улусъ обратно, но Шамхалъ его не далъ. Тогда казаки вмѣстѣ съ кабардинцами заняли въ городѣ нѣсколько домовъ и въ снѣжную морозную погоду разогнали изъ нихъ дѣтей и женщинъ, «которыя», какъ писалъ Шамхалъ, «поморозились». Въ жалобѣ своей онъ говоритъ, что такое самовольство казаковъ вынуждаетъ его на враждебныя дѣйствія въ смыслѣ самозащиты. Казаки объясняли дѣло нѣсколько иначе и говорили, что видя грозившую ихъ жизни опасность въ городѣ, наполненномъ магометанами, они должны были въ виду той же самозащиты укрѣпиться въ домахъ и, разумѣется, очистить ихъ отъ жителей.

Теперь вражда разгоралась уже не между мелкими владѣльцами, а между Терскими воеводами, Шамхаломъ и Шемахинскимъ ханомъ, торговые караваны котораго то и дѣло перехватывались казаками. Ханъ жаловался, воеводы запрашивали казаковъ, а тѣ отвѣчали, что караваны стараются проходить украдкой, безъ обсылки съ воеводами и, слѣдовательно, въ прямой ущербъ таможенныхъ доходовъ. Это была правда, но несомнѣнно и то, что большая часть добычи не попадала въ казну, а расходилась по городкамъ казачьимъ. А такъ какъ дуванъ дуванили они между собою по совѣсти, сора изъ избы не выносили, то никогда ничего

наружу не выходило. Правда, купцы писали въ своихъ жалобахъ, что на Сунжѣ и Терекѣ собираютъ не пошлины, а попросту грабятъ на большихъ дорогахъ; но мало-ли чего могли написать купцы, и воеводы не давали имъ вѣры. Жалобы дошли, однако, до царя Алексѣя Михайловича, но Терскіе воеводы отписали, что главные грабежи происходятъ на морѣ, а на море ни Терскіе, ни Гребенскіе казаки не ходятъ, а ходятъ воровскіе казаки съ Дона и Яика, которыми они не вѣдаютъ. И, какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго, какъ разъ въ это время случилось, что дѣйствительно воровскіе казаки разбили на Каспійскомъ морѣ персидскіе бусы, но поднявшаяся буря прибила самихъ разбойниковъ къ берегу, гдѣ отъ нихъ отобрали все награбленное, а самихъ арестовали. Часть ихъ была отправлена въ Москву для допроса; другіе же казнены на мѣстѣ, въ присутствіи персидскаго посланника. Посолъ однако этимъ не удовлетворился. «Въ грамотѣ персидскому шаху»,—настаивалъ онъ, «написано, что впредь воровъ на Каспійскомъ морѣ не будетъ».—«Въ грамотѣ этого нѣтъ», возражали бояре, «государство великое не безъ вора, а гдѣ воры объявятся, то ихъ пригоже сыскивать сообща. Мы-де воровъ поимали, а для чего же не ловятъ ихъ люди вашего государя»...

Въ Москвѣ однако видѣли, что въ Терскомъ воеводствѣ настоящаго порядка нѣтъ, а потому въ іюлѣ 1650 года послѣдовалъ указъ, коимъ повелѣно: «Терскій городъ и Терскихъ воеводъ, и служилыхъ людей и казаковъ вѣдати въ Астрахани боярину князю Михаилу Пронскому, сидѣвшему тамъ въ воеводахъ». Такимъ образомъ Терки утратили свою самостоятельность, а офиціальнымъ мотивомъ къ такому распоряженію послужило то, «что Терскій городъ отъ Москвы удаленъ, станицы бываютъ въ Москвѣ не частыя, а въ томъ государеву дѣлу чинится лютчаніе и поруха большая» ([13]).

Сознавая однако, что однихъ Гребенскихъ городковъ, удаленныхъ почти на полутораста верстъ отъ воеводскаго города, далеко не достаточно для защиты передовой границы, въ Москвѣ вспомнили, наконецъ, что еще ученые естествоиспытатели Фричъ и Герольдъ совѣтовали думнымъ боярамъ поставить на Сунжѣ стоялый острогъ (полевое укрѣпленіе), и теперь рѣшили привести эту мысль въ исполненіе. Острогъ дѣйствительно поставили въ 1651 году, по указаніямъ самихъ Гребенцовъ, въ промежуткѣ между ихъ городками и селеніями Брагунцевъ. Онъ былъ небольшой, но окопанъ рвомъ и обнесенъ стѣной съ бойницами и сторожевыми башнями, а возлѣ него тотчасъ образовалось предмѣстье или слободка, населившаяся различными выходцами изъ Кабарды, Чечни и съ Кумыкской плоскости. Постоянный гарнизонъ его составляли Терскіе стрѣльцы, инородцы, жившіе въ слободкѣ, и часть Гребенскихъ казаковъ, высылаемыхъ сюда изъ городковъ посмѣнно, «по скольку человѣкъ пригоже и смотря по вѣстямъ» ([14]).

Съ возведеніемъ на Сунжѣ острога, Гребенскіе казаки, при совмѣстной службѣ въ гарнизонѣ съ царскими войсками, впервые попадаютъ въ сферу вліянія Московскихъ воеводъ, и съ этихъ поръ мало-помалу начинаютъ утрачивать свою самостоятельность.

Глава VIII.

Сооруженіе на Сунжѣ стоялаго острога послужило яблокомъ раздора между двумя государствами—Россіей и Персіей. Послѣдняя увидѣла въ этомъ лишь первый шагъ къ прочному утвержденію нашего владычества на Сѣверномъ Кавказѣ, гдѣ у нея было много вассальныхъ владѣній, и не могла не встревожиться. Опасенія ея, разумѣется, были напрасны, такъ какъ молодая Россія еще не въ силахъ была предпринимать въ то время столь сложныхъ завоеваній, но стратегическое значеніе Сунжи угадано было ею вѣрно. Спустя 160 лѣтъ, именно съ заложенія Сунженской линіи и началось завоеваніе Кавказа.

Сначала неудовольствіе шаха выразилось тѣмъ, что намѣстникъ его, нѣкто Хосревъ-ханъ, сидѣвшій въ Шемахѣ, извѣстилъ астраханскихъ воеводъ, что «Гребенскіе казаки поставили городокъ безъ указа въ шаховомъ владѣніи на Сунжѣ рѣкѣ, служилыхъ людей въ городкѣ устроили и черкасскую дорогу закрѣпили». Искренно или ложно, но построеніе Сунженскаго острога считалось ими, какъ видно, своевольнымъ дѣломъ Гребенскихъ казаковъ. Астраханскіе воеводы отписали, «что Гребенскіе казаки здѣсь ни при чемъ, что это дѣло государево, что нетолько та земля, гдѣ Терекъ и Сунженскій городъ, но и та земля, гдѣ Тарки, издавна принадлежитъ царямъ Россійскимъ, и города имъ здѣсь всегда ставить было вольно». Что же касается до закрѣпленія дороги и грабежа торговыхъ людей, то воеводы находили, что виноваты были сами купцы: зачѣмъ ходятъ не обославшись предварительно съ Терскими воеводами, да еще въ караванахъ вмѣстѣ съ Тарковскими кумыками и другими воровскими людьми. «Прежде купцы»,—добавляли они,—«такъ не хаживали въ горы и никто ихъ не грабилъ».

На замѣчаніе Шемахинскаго хана, что пошлины очень высоки, послѣдовалъ отвѣтъ: «пошлины для купцовъ ничего не значатъ, такъ какъ за то они товаръ продаютъ дороже и, слѣдовательно, отъ пошлинъ страдаютъ не купцы, а государевы же люди, покупающіе товары» (1). Отвѣты эти не удовлетворили ни шаха, ни его подручныхъ вассаловъ, а тутъ случилось, что Гребенскіе казаки побили на Черкасской дорогѣ какихъ-то важныхъ персидскихъ купцовъ, не запасшихся охранною грамотою, и это обстоятельство послужило сигналомъ къ открытію военныхъ дѣйствій со стороны нашихъ противниковъ. Шамхалъ Тарковскій, Эндерійскій владѣлецъ Казаналиповъ и особый отрядъ изъ 800 человѣкъ съ двумя полевыми орудіями, высланными изъ Дербента, двинулись къ Сунженскому острогу, угрожая взять его и истребить самые Терки, а потомъ, идти и подъ Астрахань.

Такъ далеко, конечно, они не пошли, но Сунженскій острогъ, одинокій, затерянный въ горахъ, осадили. Гарнизонъ его, усиленный изъ Терки узденями, мурзами и брагунскими кумыками, прибывшими съ княземъ Муцаломъ, встрѣтилъ непріятеля сильнымъ огнемъ изъ своего наряда и пищалей, отбилъ нѣсколько приступовъ, но не могъ отстоять предмѣстья, которое было взято, разграблено и выжжено дотла. Нѣсколько приступовъ было отбито. Тогда Шамхалъ запрудилъ канаву, которою крѣпость, стоявшая въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ Терека, снабжалась водою изъ рѣки, и осажденные остались безъ воды. Напрасно, томимые жаждою, они рыли колодцы въ самой крѣпости,—ея не было; стояла страшная засуха; казаки изнемогали, но все таки продолжали упорно отбиваться. Осада продолжалась уже 20 дней, и съ каждымъ днемъ угасала надежда осажденныхъ на свое избавленіе. Казаки пѣли молебны и просили у Бога дождя. И вотъ, въ самый Троицынъ день, подъ вечеръ, небо покрылось тучами, хлынулъ ливень, и къ утру крѣпостной ровъ наполнился водою. Это ободрило осажденныхъ, а Шамхала, испытавшаго уже большія потери на приступахъ, заставило отказаться отъ взятія крѣпости. Онъ снялъ осаду, но вдругъ кинулся на Гребенскіе городки и Брагунскія селенія. Здѣсь онъ произвелъ полный разгромъ. Сколько при этомъ было побито людей, сколько уведено въ плѣнъ свѣдѣній не имѣется, но по офиціальнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что непріятель отогналъ до тридцати тысячъ головъ рогатаго скота и лошадей ([2]).

Видя такую бѣду, сидѣвшіе въ острогѣ инородцы и Гребенскіе казаки вынуждены были спѣшить на защиту собственныхъ семей; а такъ какъ въ случаѣ новаго нападенія однимъ стрѣльцамъ отстаивать деревянный редутъ, уже значительно поврежденный дербентскими пушками, было не подъ силу, то на воеводскомъ совѣтѣ рѣшили «нарядъ (пушки) съ валовъ снять, зелье, свинецъ и другіе запасы забрать и вмѣстѣ со стрѣльцами отправить въ Терки, а острогъ сжечь». Такое, повидимому, самовольное рѣшеніе совпало, однако, вполнѣ съ общимъ направленіемъ московской политики относительно Персіи. Россія въ то время вела жестокую войну за Малороссію съ Польшею, Крымомъ и Турціей, и увеличивать число своихъ противниковъ было бы неблагоразумно. Основываясь на этомъ, боярская дума одобрила всѣ дѣйствія Сунженскаго гарнизона, и 28 іюля 1653 года послѣдовала царская грамота на имя Астраханскаго воеводы князя Пронскаго, чтобы «тѣмъ Гребенскимъ казакамъ и инородцамъ, которые въ Сунженскомъ острогѣ въ приходъ кумыцкихъ и кизилбашскихъ людей сидѣли-жъ, сказати, что Великій Государь за ту ихъ службу и промыселъ милостиво похваляетъ... А Сунженскаго острога до государева указа впредь строить не велѣти» ([3]). Это была по времени первая царская грамота, полученная Гребенцами за ихъ боевую службу.

Сунженскій острогъ съ тѣхъ поръ не возобновлялся, но тѣмъ не менѣе, опасаясь враждебныхъ дѣйствій со стороны персіянъ, Московское правительство усилило гарнизонъ Терскаго города, пославъ туда «на спѣхъ воеводъ Плещеева и Лазарева, солдатскаго строю полковниковъ и урядниковъ и съ ними русскихъ солдатъ, многихъ людей, съ огненнымъ боемъ».

Къ сожалѣнію, эти первые русскіе солдаты, какъ видно, недалеко ушли отъ стрѣльцовъ и также быстро превращались въ вольныхъ казаковъ, вслѣдствіе чего солдатскіе ряды въ Теркахъ рѣдѣли, а число воровскихъ шаекъ на Каспійскомъ морѣ умножалось. Если прибавить къ этому климатическія условія, вызывавшія въ гарнизонѣ большую смертность, то будетъ понятно, почему Терки въ короткое время «обезлюдѣли», и правительству пришлось набрать въ украинныхъ городахъ еще 1400 человѣкъ съ тѣмъ, чтобы ихъ отправить въ Терки уже не на службу только, какъ бывало прежде, а на вѣчное жительство, съ женами, дѣтьми и имуществомъ. Здѣсь изъ этихъ семейныхъ людей составили приказы или полки конныхъ и пѣшихъ стрѣльцовъ и поселили ихъ особыми слободками съ такими льготами, какими пользовались только Московскіе стрѣльцы, но зато и съ вѣчнымъ прикрѣпленіемъ ихъ потомства къ стрѣлецкому званію. Такими мѣрами думали приковать этихъ первыхъ представителей правительственной, иначе — принудительной колонизаціи на Кавказѣ къ ихъ новому суровому посту, чтобы удержать ихъ отъ побѣговъ. И мѣра эта до извѣстной степени оказалась благотворной, такъ какъ не всякій рѣшался теперь бросить семью, къ которой уже не было бы возврата, а вмѣстѣ съ семьею лишиться и всѣхъ своихъ привиллегій. Одновременно съ этимъ, для большаго населенія края, въ Терки стали ссылать плѣнныхъ литовцевъ, нѣмцевъ, поляковъ, впослѣдствіи шведовъ, а также людей опальныхъ и преступниковъ, употреблявшихся здѣсь преимущественно на «городовое дѣло», понынѣшнему — въ крѣпостныя работы (9).

Московское правительство очевидно готовилось къ серьезному отпору на случай нападенія персовъ или дагестанцевъ; но опасенія эти были напрасны: Шамхалъ, убѣдившись, что осада даже такого незначительнаго укрѣпленія, какъ Сунженскій острогъ, сопряжена съ большими потерями, совсѣмъ отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ въ этомъ направленіи, а что касается Персидскаго шаха, то у него не было никакихъ серьезныхъ поводовъ начинать войну съ Россіею. Такъ прошло два слишкомъ года, когда началась новая война съ Швеціей, оффиціальнымъ поводомъ къ которой послужило вмѣшательство Шведскаго короля въ польскія дѣла, а неоффиціальнымъ — стремленіе царя Алексѣя Михайловича отторгнуть отъ Швеціи Ливонію и Ингерманландію, чтобы доставить Россіи свободный выходъ въ Балтійское море. Это было мечтой еще Ивана Грознаго; но ни Грозному, ни Алексѣю Михайловичу не суждено было осуществить ту великую идею, которая, только спустя полъ-вѣка, разрѣшена была могучимъ геніемъ Петра Великаго. Но такъ какъ война со Швеціей потребовала значительнаго напряженія нашихъ силъ, то пришлось мобилизовать большую часть русскихъ полковъ, а въ помощь къ нимъ вызвать еще вольныхъ казаковъ съ Дона, съ Терека и съ Гребней. Первые, какъ опытные въ морскихъ набѣгахъ, были направлены въ отдѣльный отрядъ Петра Потемкина, захватившаго Ингерманландію, съ тѣмъ, чтобы громить прибрежья Финскаго залива и Балтійскаго моря, а остальные казаки поступили въ составъ главной арміи, собиравшейся въ Полоцкѣ. 5-го іюля 1656 года сюда же прибылъ царь Алексѣй Михайловичъ, и войска вступили въ Ливонію. По пути взяты были Динабургъ и Кокенгаузенъ, штурмъ ко-

тораго стоилъ намъ болѣе 500 человѣкъ. «Городъ крѣпкій безмѣрно», писалъ про него царь въ Москву къ своимъ сестрамъ, «ровъ глубокій, меньшой братъ нашему Кремлевскому рву, а крѣпостью—сынъ Смоленску граду». Отсюда часть Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ отдѣлена была въ особый отрядъ князя Долгорукова, посланный для взятія Дерпта, а остальные въ составѣ главной арміи двинулись къ Ригѣ. Дерптъ послѣ непродолжительной обороны сдался, но подъ Ригою началась упорная борьба, и городъ пришлось брать уже правильною осадой.

О дѣятельности казаковъ въ этомъ походѣ мы имѣемъ весьма скудныя свѣдѣнія, да по всей вѣроятности роль ихъ, какъ конницы, и не могла быть значительной. Правильная систематическая осада крѣпости рѣдко отличается выдающимися эпизодами. Большею частію дни чередуются однообразно, отличаясь одинъ отъ другого только большимъ или меньшимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ. Но Рига защищалась отчаянно, и 2-го октября гарнизонъ ея, сдѣлавшій сильную вылазку, самъ атаковалъ русскіе окопы, причемъ царское войско пенесло огромныя потери и потеряло 17 знаменъ. Это обстоятельство, въ связи съ партизанскою войною, охватившей Ливонію, заставило насъ снять осаду Риги, бросить Дерптъ и отступить къ Полоцку. Война послѣ этого продолжалась около двухъ лѣтъ и кончилась тѣмъ, что мы принуждены были возвратить Швеціи всѣ завоеванные у нея города ([5]).

Еще русскія войска не возвратились изъ этого похода, какъ началась уже другая война съ Польшей, опять за обладаніе все тою же Малороссіею. Надо припомнить, что въ 1657 году, послѣ смерти Богдана Хмѣльницкаго, нѣкто Выговскій, бывшій генеральнымъ писаремъ, захватилъ въ свои руки гетманскій бунчукъ и, какъ прирожденный шляхтичъ, измѣнилъ Москвѣ и передался полякамъ. Не всѣ казаки потянулись однако за нимъ; многіе остались вѣрными Москвѣ, и началась междоусобица, въ которую тотчасъ вмѣшались Крымскіе татары, державшіе сторону Польши. У насъ хорошо понимали, что сила Выговскаго заключается вовсе не въ его казакахъ, ни въ поддержкѣ изъ Польши, а именно въ этихъ татарскихъ ордахъ, превращавшихъ цвѣтущія степи Украйны въ обезлюдѣвшія пустыни, и чтобы заставить ихъ вернуться назадъ, поручили Донскимъ казакамъ усилить морскіе набѣги. Казаки откликнулись на этотъ призывъ почти поголовно и въ короткое время опустошили нетолько берега Крыма и Анатоліи, но дошли на своихъ стругахъ почти до самаго Царь-града. Крымскій ханъ дѣйствительно возвратился назадъ; но чтобы переградить на будущее время выходъ Донцамъ въ Азовское море, поставилъ по обѣ стороны рѣчки Каланчи, составлявшей главный рукавъ Дона, двѣ каменныя башни, вооруженныя сильной артиллеріей. Пройти между ними подъ перекрестнымъ огнемъ орудій, которыя могли превратить въ щепы утлую казачью флотилію, было невозможно. Но Донцы не задумывались надъ этимъ долго: они прокопали другой рукавъ и, выйдя по немъ въ открытое море, опять принялись громить берега Крыма и Анатоліи.

Вотъ на помощь къ этимъ-то Донскимъ казакамъ, на случай сухопутныхъ дѣйствій, изъ Астрахани былъ посланъ бояринъ Хитрово съ царскою ратью, а къ ней присоединились еще инородцы, да Терскіе и Гре-

бенскіе казаки, только что вернувшіеся съ далекихъ береговъ Балтійскаго моря. Стараго присяжника и вѣрнаго Московскаго слуги князя Муцала уже не было въ живыхъ; и теперь сынъ его Каспулатъ наслѣдовалъ отъ отца власть надъ терскими инородцами и казаками, также, какъ самъ Муцалъ принялъ ее отъ своего отца Санчулѣя. Въ длинномъ ряду дальнѣйшихъ подвиговъ это была еще первая боевая служба Каспулата во главѣ Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ, съ исторіею которыхъ имя его связалось впослѣдствіи тѣсными, неразрывными узами. По описанію одного современника, это былъ еще молодой красивый человѣкъ, съ кавказскимъ типомъ лица, съ умными сверкающими глазами, съ усами и бородой, подстриженными на татарскій манеръ. Онъ былъ богатъ, имѣлъ большіе улусы и пользовался значительнымъ вѣсомъ въ Астрахани. Отрядъ Хитрово выступилъ съ Терека въ 1662 году, но замѣчательно, что о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ его не имѣется никакихъ свѣдѣній. Остается предположить, что Хитрово прибылъ поздно, когда Донцы одни съумѣли удержать Крымскаго хана отъ новыхъ походовъ въ Малороссію, что военныхъ дѣйствій на сухомъ пути не происходило, а потому отрядъ, простоявъ нѣкоторое время въ Донскихъ городкахъ, такъ сказать, въ видѣ подвижного резерва, отпущенъ былъ обратно (6).

Прошло послѣ того пять лѣтъ, какъ вдругъ весною 1667 года стала ходить глухая молва, скоро дошедшая до Гребенскихъ городковъ, что на Дону неспокойно и что разбои на Волгѣ значительно усилились. Въ Теркахъ насторожились, еще не зная въ чемъ дѣло. Но разъясненія не заставили себя ожидать. Былъ на Дону казакъ по имени Степанъ Тимофеевичъ Разинъ, одна изъ тѣхъ богато одаренныхъ, но безпокойныхъ натуръ, которымъ суждено играть въ жизни народовъ крупную роль, въ какую бы сторону ни направлялась ихъ дѣятельность—въ дурную или въ хорошую. Разинъ является злымъ геніемъ, обагрившимъ Россію потоками крови и тѣмъ не менѣе оставившимъ свое имя исторіи. Это былъ тотъ богатырь древнихъ былинъ, которому никогда не сидѣлось дома. Избытокъ силъ тянулъ его въ широкія степи, на просторъ синяго моря, на сказочные подвиги. Сначала онъ исходилъ русскую землю въ видѣ паломника, посѣщалъ разные монастыри, былъ въ далекихъ Соловкахъ, потомъ попалъ въ плѣнъ къ татарамъ, сидѣлъ въ азовскихъ подземельяхъ и, наконецъ, вырвавшись на волю, сдѣлался Донскимъ казакомъ. На Дону въ то время случилось затишье. Погулялъ бы онъ по Черному морю, да выходъ къ нему былъ загороженъ турками; къ Азову не пустили его сами Донцы, потому что въ ту пору были съ азовцами въ мирѣ. Тогда Разинъ замутилъ тихій Донъ, и когда Донцы раздѣлились на двѣ стороны, сказалъ прямому войсковому атаману Корнилу Яковлеву: «ты владѣй своимъ войскомъ, а я буду владѣть своимъ!»—сѣлъ на струга и перебрался на матушку Волгу. Долго гуляла здѣсь вольница, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, такъ какъ стрѣльцы не смѣли или не хотѣли вступать съ ней въ бой, а царскихъ войскъ подъ рукой не было. Въ Царицынѣ воевода приказалъ было стрѣлять изъ пушекъ, но ни одна пушка не выстрѣлила: порохъ какимъ-то чудомъ выходилъ изъ запаловъ. Воевода обомлѣлъ отъ ужаса и, когда явился къ нему есаулъ отъ Разина, онъ выполнилъ всѣ его требованія. Отсюда казацкая флотилія прошла мимо самой Астрахани

въ Каспiйское море и, захвативъ устье Яика, подняла все Яицкое войско. Здѣсь Разинъ остался на зимовку. Въ Москвѣ забили тревогу. Астраханскiй воевода князь Хилковъ, не съумѣвшiй справиться съ Стенькой, былъ смѣненъ, и на его мѣсто явился князь Иванъ Семеновичъ Прозоровскiй, но и его дѣйствiя были неудачны.

Ни въ Теркахъ, ни въ Астрахани никто не зналъ, что Стенька предприметъ далѣе. Только весною 1668 года онъ выступилъ съ Яика въ морской походъ и сталъ близь устья Терека, у острова Чечень, занимаемаго обыкновенно нашими рыбопромышленниками; здѣсь онъ захватилъ нѣсколько стрѣльцовъ, которые тотчасъ перешли на его сторону, и потребовалъ, чтобы князь Каспулатъ Муцаловичъ отправилъ къ нему зелье, свинецъ и вино. Послалъ-ли Каспулатъ эти запасы, неизвѣстно; а тѣмъ временемъ на Кумѣ появились новыя шайки, числомъ до двухъ тысячъ конныхъ и пѣшихъ людей, съ Донскими есаулами Алешкой Протокинымъ и Алешкой Каторжнымъ; они подошли къ Гребенскимъ городкамъ и остановились въ Калиновыхъ лукахъ. Терскiе воеводы всполошились. Присоединенiе Гребенского войска къ воровскимъ казакамъ грозило неисчислимыми бѣдствiями. А потому Прозоровскiй приказалъ князю Каспулату собрать свою конницу и идти на воровскiя шайки; но Каспулатъ уклонился, отговорившись малолюдствомъ. Какъ искусный политикъ, онъ не хотѣлъ обострить дѣло и силой одного убѣжденiя склонилъ Гребенцовъ держаться въ сторонѣ отъ разинскихъ замысловъ. Разинцы побывали въ Гребенскихъ городкахъ, какъ земляки-гости; Гребенцы приняли ихъ съ хлѣбомъ и солью, угостили наславу, продали нѣсколько десятковъ лошадей, сѣделъ и другихъ предметовъ своей щегольской сбруи, да съ тѣмъ и отпустили. Одинъ теречанинъ, нѣкто Парамонъ Быковъ, посланный воеводою разузнать объ истинномъ положенiи дѣлъ въ Гребенскихъ городкахъ, донесъ, что на Гребняхъ спокойно и никакого волненiя среди казаковъ незамѣтно; къ нимъ дѣйствительно прiѣзжала депутацiя отъ воровскихъ казаковъ, но возвратилась назадъ, и шайки ушли на соединенiе съ Разинымъ. Каспулатъ въ свою очередь сообщилъ, что сила воровскихъ казаковъ значительно преувеличена и что на Кумѣ стоитъ не больше человѣкъ двухсотъ, да еще человѣкъ съ пятьсотъ конныхъ и пѣшихъ идутъ къ нимъ съ Дона.

Гроза на этотъ разъ прошла стороною. Разинъ оставилъ въ покоѣ Терское воеводство и, взявъ съ собою только нѣсколькихъ Терскихъ казаковъ, искусныхъ мореходовъ, ушелъ въ открытое море. Онъ не хотѣлъ довольствоваться теперь славою морского корсара, да заниматься ночною ловлею бусъ и даже каравановъ; онъ шелъ громить богатые персидскiе города и шелъ съ рыцарскою миссiею освободить христiанскихъ плѣнниковъ, томившихся въ жестокой неволѣ. Но, къ сожалѣнiю, не эти благородныя чувства увлекали его на этотъ полный опасности путь; онъ справедливо разсчитывалъ, что освобожденные плѣнники пополнятъ его ряды, а по мѣрѣ того, какъ станутъ рости его силы, попутно будутъ развиваться и планы. А въ этихъ планахъ много было нехорошаго: онъ думалъ овладѣть Астраханью, потомъ идти вверхъ по Волгѣ подъ царскiе города, взять Москву и, ниспровергнувъ правительство, обратить русскую землю въ одну обширную казачью общину, не знающую преградъ своему своево-

лію. Все это выяснилось впослѣдствіи, а тогда имя Стеньки Разина, или «батюшки Степана Тимофеевича», производило еще на народъ обаятельное дѣйствіе. Отъ него ожидали многаго. И Терское, и Гребенское войско, сдерживаемыя умной политикой князя Каспулата, по наружности были спокойны, но тлѣлись и въ нихъ горючіе матеріалы, готовые при первой искрѣ вспыхнуть пожаромъ.

Такъ какъ христіанскаго ясыра особенно было много въ приморскихъ городахъ Дагестана, то съ нихъ Степанъ Тимофеевичъ и началъ свои завоеванія, являясь въ то же время какъ бы мстителемъ за русскую кровь, пролитую здѣсь Хворостининымъ, Бутурлинымъ и Плещеевымъ. Предположивъ прежде всего напасть на Тарки и Дербентъ, Разинъ пошелъ туда съ флотиліей, а съ сухого пути послалъ Донскихъ есауловъ Алешку Протокина и Алешку Каторжнаго, вмѣстѣ съ которыми произвелъ такой погромъ въ шамхальскихъ владѣніяхъ, что онъ живетъ и понынѣ въ памяти прибрежныхъ жителей. Пытался Степанъ Тимофеевичъ добраться и до самаго Шамхала, засѣвшаго въ крѣпкихъ Таркахъ, и пробовалъ даже брать его приступомъ, но неудачно. Тарки отбились. Три дня грабили казачьи атаманы окрестности города и освободили множество плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ было немало и Гребенскихъ казаковъ, захваченныхъ Шамхаломъ во время осады Сунженскаго острога. Усилившись освобожденными полонянниками, все разинское войско сѣло въ струга и поплыбо къ Персидскому царству. По пути Разинъ разграбилъ Дербентъ, Баку и все побережье до самаго Решта; но подъ Рештомъ его постигла крупная неудача: персидскія войска врасплохъ напали на казачій станъ и перебили до 400 человѣкъ. Разинъ отказался отъ взятія города, но бросился на сосѣдній Фарабатъ, гдѣ вырѣзалъ большую часть жителей, а остальныхъ забралъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ купцами, торговавшими здѣсь драгоцѣнными камнями и тканями. Богатства пріобрѣтены были громадныя. Нагулявшись вволю по синему морю, разинцы расположились зимовать на одномъ изъ островов Каспійскаго моря, гдѣ завели съ персіянами мѣновую торговлю людьми: послѣдніе свозили сюда плѣнныхъ христіанъ и за каждыхъ трехъ или четырехъ человѣкъ получали одного персіянина. Эти пустынные острова и глухія рѣчныя устья служили отличными опорными пунктами и дали возможность казакамъ продержаться въ морѣ почти два съ половиною года. Выслали было персіяне противъ нихъ флотилію съ четырехтысячнымъ войскомъ, но она потерпѣла такое пораженіе, что изъ всего флота спаслось только три судна съ самимъ военоначальникомъ.

Но вѣчно странствовать по Каспійскому морю было нельзя. Надо было подумать о возвращеніи на Донъ. Но тутъ являлся вопросъ: какъ пройти мимо Астрахани, гдѣ сторожила ихъ царская рать? Оставалось одно— примириться съ государствомъ и принести повинную. Разинъ не задумался продѣлать и эту комедію. Въ августѣ 1669 года флотилія его подошла къ тому мѣсту, гдѣ многоводная Волга, пройдя три тысячи верстъ по русской землѣ, изливается множествомъ рукавовъ и протоковъ въ Каспійское море, и стала у острова Четырехъ-Бугровъ. Дики и неприступны берега этого острова; кругомъ непролазный камышъ, и только по узкой прогалинѣ одно судно за другимъ могло приблизиться къ этому острову.

Разинъ укрѣпилъ его еще больше и отсюда повелъ переговоры. «Все войско», писалъ онъ Астраханскому воеводѣ, «бьетъ челомъ, чтобы великій государь пожаловалъ, велѣлъ вины его отдать и отпустить на Донъ съ пожитками, а мы за свои вины рады великому государю служить и головами своими платить, гдѣ великій государь укажетъ; пушки, которыя мы взяли на Волгѣ, въ Яицкомъ городкѣ и въ шаховой области, отдадимъ, служилыхъ людей отпустимъ, а струга и струговыя снасти отдадимъ въ Царицынѣ».

Воеводы собрали совѣтъ, на которомъ князь Каспулатъ, случившійся о ту пору въ Астрахани, первый заявилъ, что не слѣдуетъ входить ни въ какіе переговоры, а надо идти и истребить мятежниковъ. Но большинство было иного мнѣнія. «Стрѣльцы не надежны», говорили они, «какъ бы не передались на ихъ сторону, а тогда и мы пропадемъ, и городъ будетъ разграбленъ». Долго думали-рядили и въ концѣ концовъ все таки остановились на томъ, что послали Стенькѣ царскую грамоту, рѣшивъ, если онъ покорится, принять его въ городѣ съ честью, какъ раскаявшагося грѣшника. Разинъ грамоту принялъ, и въ Астрахани праздновали это событіе, какъ побѣду надъ воровскою шайкой, пушечною пальбою съ флотиліи. Но какъ дорого обошлась потомъ эта мнимая побѣда Россіи, а особенно самимъ же астраханцамъ, выпустившимъ изъ рукъ злѣйшаго врага государства. На слѣдующій день жители Астрахани были свидѣтелями почти тріумфальнаго въѣзда въ городъ Разина. Впереди ѣхали три воеводскіе пристава и очищали дорогу; за ними—конный отрядъ стрѣльцовъ, подъ командою стрѣлецкаго сотника. За этимъ отрядомъ ѣхалъ самъ Разинъ на великолѣпномъ персидскомъ аргамакѣ, покрытомъ сверхъ сѣдла парчевою попоной, сбруя сверкала серебромъ и золотомъ, —ѣхалъ не съ поникшей головою, какъ преступникъ, приносившій раскаяніе, а какъ побѣдитель, съ гордо поднятымъ челомъ, принимая, какъ должную дань, поклоны и привѣтствія народа, стоявшаго на улицахъ шпалерами. За нимъ ѣхали его старшины и есаулы, потомъ отрядъ конныхъ казаковъ, сопровождавшій своего атамана, далѣе колымыга съ поминками (предназначенными для раздачи воеводамъ и приказнымъ людямъ), и, наконецъ, отрядъ конныхъ стрѣльцовъ замыкалъ шествіе.

Процессія остановилась у воеводскаго дома. Разинъ сошелъ съ коня и въ сопровожденіи своихъ старшинъ и есауловъ вошелъ въ приказную избу; онъ окинулъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ и, поклонившись воеводѣ, положилъ передъ нимъ свой атаманскій бунчукъ.

«Бьемъ челомъ великому государю», сказалъ онъ, «благодаримъ его за милости, и вамъ бьемъ челомъ, бояре-воеводы, и просимъ, чтобы вы по государевой грамотѣ отпустили насъ на Донъ. По древнему же обычаю подносимъ вамъ «поминки» (подарки) и просимъ на нихъ не погнѣваться».

Воеводы приняли поминки, но потребовали, чтобы Разинъ, по условію, возвратилъ тѣ шаховы подарки, которые везлись государю и были имъ захвачены, а также пушки, струги и плѣнныхъ персіянъ. Ничего этого Разинъ, конечно, не исполнилъ. «Царскіе дары, какъ и всѣ товары», сказалъ онъ, глядя прямо въ глаза воеводамъ, «давно подуванены: въ войсковомъ скарбѣ ихъ нѣтъ, а на нѣтъ и суда нѣтъ; струги намъ нужны, чтобы плыть до Царицына,—тамъ ихъ сдадимъ; а что касается до пушекъ,

то половину мы уже возвратили, остальныя же будутъ намъ необходимы, когда пойдемъ отъ Царицына глухими степями, чтобы было чѣмъ оборониться отъ лихихъ людей,—отдадимъ ихъ въ Черкаскѣ. Полонянниковъ, взятыхъ въ шахской области, возвращать безъ окупу, по нашимъ казачьимъ правамъ, не повелось: они взяты саблей; много нашихъ изъ-за того полона въ бояхъ полегло и въ плѣнъ взято; они пойдутъ на выкупъ нашихъ плѣнныхъ, что остались въ персидской землѣ; таковъ, бояринъ, обычай войны».

Посовѣтовались воеводы между собою и рѣшили уступить Стенькѣ. Напрасно персидскій посолъ домогался возвращенія плѣнныхъ. «Нашъ государь», говорилъ онъ, «съ вашимъ государемъ въ дружбѣ, а воровскіе казаки не хотятъ отдавать намъ плѣнныхъ; на что это похоже?»—«Казацкій атаманъ не соглашается», отвѣтилъ Прозоровскій. Посолъ выразилъ крайнее недоумѣніе: «Развѣ съ ворами толкуютъ»? сказалъ онъ, «воровъ вѣшаютъ, а вы нетолько повѣсить, но и плѣнныхъ отнять у нихъ не смѣете».—«Это не воры, возражалъ Прозоровскій: вины ихъ отпущены государемъ; теперь они государевы служилые люди, и насиловать ихъ я не могу; выкупайте или вымѣнивайте вашихъ плѣнныхъ, какъ знаете—это дѣло ваше».

Государю князь Прозоровскій донесъ: «Взять у казаковъ полонъ безъ окупу, отнять силой дары, которые везъ шаховъ купчина, и другіе товары мы не посмѣли—боялись, чтобъ казаки не учинили шатости къ воровству, а къ ихъ воровству не пристали бы иные многіе люди, и тогда учинилось бы въ самомъ городѣ кровопролитіе». Въ Москвѣ такое распоряженіе одобрили. Такимъ образомъ малодушіе астраханскихъ воеводъ находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ самой слабости Московскаго правительства, дозволившаго имъ входить въ компромиссы съ разбойниками. Это и было главной причиной того, что воеводы старались какъ можно скорѣе сбыть Разина съ рукъ, чтобы удалить соблазнъ отъ своихъ подчиненныхъ. А соблазнъ былъ дѣйствительно большой. Народъ, особенно стрѣльцы, съ завистью смотрѣли на воровскихъ казаковъ, безнаказанно разгуливавшихъ по городу въ богатѣйшихъ нарядахъ, гдѣ преобладали шелкъ, бархатъ, тончайшія персидскія ткани, серебро, золото и драгоцѣнные камни; деньги были ни почемъ, и они сорили ими направо и налѣво. Казалось, что богатство само плыло въ ихъ руки,—умѣй только пользоваться; а надоѣла такая жизнь, принеси повинную и владѣй нажитымъ добромъ до скончанія вѣка.

Въ рядахъ разинскихъ шаекъ много было Терскихъ, особенно Гребенскихъ казаковъ, освобожденныхъ изъ плѣна, и ихъ вліяніе не могло не отражаться на тѣхъ, кто оставался дома, удержавшись въ свое время отъ присоединенія къ счастливому волжскому атаману. Очевидно, что присутствіе такихъ людей въ краѣ было чрезвычайно вредно, помогая разыгрываться народному воображенію, волнуя умы, разжигая страсти, и подготовляя, быть можетъ, въ будущемъ еще большія кровавыя смуты.

4-го сентября Разинъ покинулъ наконецъ Астрахань. Но онъ не пошелъ на Донъ, а, разгромивъ все, что лежало по пути до самаго Царицына, поставилъ отдѣльный городокъ на одномъ изъ острововъ рѣчки Кагальникъ, куда и стали стекаться къ нему удальцы со всѣхъ сторонъ и

окраинъ. Вся зима прошла въ приготовленіяхъ къ новымъ походамъ. Всѣ знали о сборахъ Разина, но никто не препятствовалъ его намѣреніямъ, и весной 1670 года онъ снова появился на Волгѣ уже съ семитысячнымъ войскомъ и съ 20-ю орудіями. Здѣсь присоединились къ нему новыя толпы крестьянъ, и пожаръ широко разлился по всему приволжскому краю. Первый значительный городъ Царицынъ сдался безъ бою; воевода Тургеневъ заперся было въ башнѣ, но башня была взята, и Тургеневъ вмѣстѣ съ другими дворянами казненъ на глазахъ народа. Отсюда Разинъ двинулся къ Астрахани. Тамъ давно ожидали чего-то недобраго. Народъ смущенъ былъ видѣніями, совершавшимися на глазахъ у всѣхъ: то вдругъ зазвонятъ церковные колокока, когда на колокольняхъ не было никого, то разверзнется ночное небо, и сыпятся на городъ милліоны огненныхъ искръ, гаснущихъ въ воздухѣ, точно падучія звѣзды, то раннимъ утромъ вставали отъ земли три разноцвѣтныхъ, какъ радуга, столба, и надъ ними горѣли вѣнцы, какіе обыкновенно изображаются на иконахъ мучениковъ. Послѣднее видѣніе видѣлъ и самъ митрополитъ Іосифъ, маститый старецъ, помнившій еще, какъ во время его дѣтства неистовствовали казаки Заруцкаго. «Не къ добру, не къ добру», повторялъ святитель, «изольется на городъ фіалъ Господняго гнѣва». Какъ разъ въ это время получено было извѣстіе о паденіи Царицына. Но другая вѣсть была еще горше первой: отрядъ стрѣльцовъ, высланный изъ Астрахани противъ Разина, передался на его сторону. Тѣмъ не менѣе князь Прозоровскій готовился къ оборонѣ. Но всѣ усилія его были напрасны: при приближеніи разинскихъ полчищъ жители сами отворили ворота и впустили мятежниковъ; стрѣльцы измѣнили; и только въ одномъ уголку города, у Вознесенскихъ воротъ, кипѣла отчаянная битва. Тамъ находился самъ Прозоровскій съ немногочисленной дружиной, оставшейся вѣрной своему долгу. Но сила ломила все. Князь Прозоровскій, израненный, былъ взятъ живымъ и сброшенъ съ раската на потѣху толпы, опьяненной кровью и злобой. Астрахань была взята, но еще оборонялась одна изъ Кремлевскихъ башенъ, гдѣ засѣлъ Казанъ-бекъ съ 12 черкесами изъ числа подвластныхъ князя Каспулата. Они отказались сдаться, отбивали приступъ за приступомъ и, когда не стало свинцу, заряжали ружья серебряными деньгами, но наконецъ вышли и деньги, и порохъ. Тогда Казанъ-бекъ приказалъ растворить ворота, и черкесы съ кинжалами въ рукахъ ворвались въ толпы непріятеля. Восемь человѣкъ изъ нихъ были изрублены, четверо съ самимъ Казанъ-бекомъ пробились; но выходы изъ города были заняты, и всѣ пятеро пали героями, не помышляя о сдачѣ.

Это было послѣднее сопротивленіе Астрахани. Затѣмъ начался грабежъ богатыхъ караванъ-сараевъ, расправа надъ тѣми, кого подозрѣвали въ измѣнѣ или недоброжелательствѣ. Болѣе четырехсотъ человѣкъ были казнены въ одинъ день, и тѣла ихъ сброшены въ общую могилу на Троицкомъ подворьѣ. Начальныхъ Московскихъ людей болѣе не было, и Разинъ одинъ владѣлъ и распоряжался въ Астрахани. Онъ ввелъ казацкое управленіе и раздѣлилъ жителей на тысячи, сотни и десятки, съ выборными атаманами, есаулами и сотниками. Прогулявъ цѣлый мѣсяцъ, Разинъ оставилъ въ Астрахани свой гарнизонъ, а самъ двинулся вверхъ по Волгѣ—на Царицынъ, Саратовъ, Самару и Симбирскъ, похваляясь зимовать

въ Нижнемъ-Новгородѣ, и оттуда идти на Москву. За нимъ поднималась чернь, и берега великой русской рѣки вновь огласились излюбленной разбойничьей пѣсней:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички...

Самара и Саратовъ были взяты, но на этомъ окончились успѣхи Разина. Какъ только народное движеніе выродилось въ обыкновенный русскій бунтъ, полный дикаго разгула, крови и грабежей—всѣ, не потерявшіе еще нравственнаго чутья, всѣ здоровые элементы отшатнулись отъ Разина. Симбирскъ, гдѣ на воеводствѣ сидѣлъ бояринъ Милославскій, первый подалъ примѣръ къ упорной оборонѣ, отбилъ нѣсколько приступовъ, выдержалъ мѣсячную осаду и тѣмъ далъ время подоспѣть сюда царскимъ войскамъ съ княземъ Юріемъ Барятинскимъ. Разинъ рѣшился поставить на карту все, какъ говорится, ва банкъ, принялъ битву и проигралъ ставку. Разбитыя на голову скопища его разсѣялись въ разныя стороны, самъ онъ, раненый, бѣжалъ на Донъ, гдѣ схваченъ былъ Донскими казаками и подъ сильнымъ конвоемъ отвезенъ въ Москву.

Эпопея Разина окончилась. Но бунтъ держался еще въ Астрахани, гдѣ Разинъ оставилъ вмѣсто себя атаманомъ Федьку Шелудяка.

Вѣсть о поимкѣ Разина вызвала въ городѣ общее смятеніе; всѣ бросились искать измѣнниковъ, хватали всѣхъ, кто попадалъ подъ руку, и снова полились потоки крови. Добрались, наконецъ, до самаго преосвященнаго митрополита Іосифа, обвиненнаго въ томъ, что его «увѣщательныя грамоты» отклонили отъ союза съ разинцами Донскихъ, Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ. Это была правда, и мужественный старецъ, не перестававшій убѣждать всѣхъ отстать отъ воровского дѣла, былъ сброшенъ съ раскату. Такъ наступилъ августъ мѣсяцъ, когда бояринъ Милославскій пришелъ подъ Астрахань и сталъ передъ нею на крѣпкой позиціи. Въ городѣ все переполошилось, видя, что пришелъ конецъ казачьему разгулу; но Шелудякъ, Алешка Каторжный и Красулинъ, начальникъ измѣнившихъ стрѣльцовъ, крѣпкими руками держали бразды правленія, и горожане волею-неволею должны были съ нами драться. Но Милославскій стоялъ неподвижно; онъ отражалъ вылазки, но самъ не предпринималъ ничего противъ города, полагая, что онъ скоро сдастся безъ боя. Такъ прошло три мѣсяца.

Что же въ это время дѣлали наши Терскіе и Гребенскіе казаки?

Въ дѣлѣ объ измѣнѣ Астрахани говорится объ этомъ такъ: «Атаманы и всѣ казаки—Донскіе, Волжскіе, Терскіе и Гребенскіе, находившіеся въ Астрахани, и пушкари, и затинщики, и посадскіе люди, и съ гостинаго двора торговые люди написали между собою запись, чтобы жить имъ въ любви и совѣтѣ, стоять другъ за друга единодушно и выводить бояръ и измѣнниковъ». Подъ этимъ приговоромъ имѣется подпись всѣхъ казаковъ, выдающихся гражданъ и приходскихъ священниковъ. Такимъ образомъ, среди бунтовщиковъ упоминаются какъ Терскіе, такъ и Гребенскіе казаки; но несомнѣнно, что это были только тѣ, которые пристали къ воровскимъ шайкамъ послѣ освобожденія изъ плѣна. Остальные, повидимому, не принимали непосредственнаго участія въ бунтѣ. Правда, когда

Терскій городокъ, увлекшійся примѣромъ Астрахани, ввелъ у себя казацкое управленіе, Терскіе и Гребенскіе казаки опять упоминаются, какъ участники въ распоряженіяхъ Шелудяка. Но если это было и такъ, то надо думать, что они скоро образумились и отстали отъ воровства. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самъ Шелудякъ въ приведенномъ нами приговорѣ надъ святителемъ Іосифомъ, и то обстоятельство, что, когда потребовалось вырвать обагренную кровью Астрахань изъ рукъ мятежниковъ, Каспулатъ съ своими узденями, съ Терскими и Гребенскими казаками немедленно явился на помощь къ Милославскому. Онъ сталъ отъ него, однако, отдѣльнымъ станомъ, недоумѣвая, отчего не берутъ городъ приступомъ.—«Что же это, бояринъ-то вашъ, зимовать что ли собрался подъ Астраханью?» спрашивалъ онъ у его приближенныхъ.—«Бояринъ», отвѣчали ему, «не хочетъ кровопролитія; Астрахань сдастся сама, лишь бы удалось намъ схватить Шелудяка».—«Зачѣмъ же дѣло стало?» спросилъ Каспулатъ.—«Думаютъ, какъ это устроить». Каспулатъ промолчалъ, а на другой день Шелудякъ, закованный въ желѣза, находился уже въ станѣ Милославскаго. «Какъ же ты это сдѣлалъ»? спросилъ у него воевода. «Очень просто», отвѣчалъ Каспулатъ: «я вызвалъ Шелудяка будто бы для переговоровъ съ Терскими и Гребенскими казаками, якобы желавшими принять его сторону; а когда онъ вышелъ, казаки схватили его и привели ко мнѣ».—«Что, попался, голубчикъ?» обратился къ нему Милославскій. —«Не бѣда, что я попалса, а бѣда, что наше дѣло казацкое погибло», отвѣчалъ Шелудякъ.

На другой день, 27 ноября 1671 года, Астрахань отворила ворота, и народъ просилъ помилованія. Милославскій торжественно вступилъ въ городъ, прошелъ прямо въ соборъ и поставилъ въ немъ «на память будущимъ родамъ» икону Богоматери «Живоносный источникъ въ чудесѣхъ», данную ему царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Затѣмъ началось обычное подношеніе воеводѣ «поминокъ», а по принятіи ихъ Милославскій объявилъ всѣмъ прощеніе, и не только атаманы, заводчики бунта, убійцы митрополита, но и самъ Шелудякъ получили свободу. Каспулатъ негодовалъ открыто. «Тамъ, гдѣ берутъ поминки и взятки», сказалъ онъ,—«намъ дѣлать нечего. Пусть тѣнь укора не ляжетъ на меня, какъ на ихъ сообщника». И Каспулатъ, собравъ своихъ казаковъ, ушелъ съ ними домой. Въ Москвѣ также остались недовольны распоряженіями Милославскаго, и на мѣсто его прибылъ новый воевода князь Одоевскій (7).

. . . И надъ Волгой рѣкой,
Какъ затравленный звѣрь,
Смолкъ и замеръ разбой.
По рѣкѣ и лѣсамъ
Цѣпь, петля и топоръ
Съ буйной волюшкой тамъ
Свой покончили споръ...

Волга затихла на цѣлое столѣтіе.

Глава X.

Въ 1682 году, почти одновременно съ переселеніемъ Гребенскихъ казаковъ на Терекъ, скончался царь Θедоръ Алексѣевичъ, и въ Москвѣ началась опять, если не та, полная самозванцами, смутная пора, которая сопровождала кончину Θедора Ивановича, то не менѣе опасная для государства страшными бунтами московскихъ стрѣльцовъ. Престолъ не былъ празднымъ, но явилось событіе, никогда еще не бывавшее въ русской исторіи — на немъ сидѣли два малолѣтніе царя Иванъ и Петръ Алексѣевичи, а державная власть фактически находилась въ рукахъ правительницы, старшей сестры ихъ, честолюбивой царевны Софіи Алексѣевны. Достиженіемъ власти она была обязана исключительно бунту стрѣльцовъ, вручившихъ ей кормило правленія. Но своеволіе послѣднихъ, принявшихъ угрожающее положеніе даже противъ самой правительницы, вынудило ее наконецъ принять рѣшительныя мѣры, чтобы избавить себя отъ непрошенной опеки.—И стрѣльцы были разгромлены: начальники ихъ схвачены и казнены, бунтъ усмиренъ, и началось жестокое преслѣдованіе раскольниковъ, которые толпами бѣжали на Донъ, на Куму, за шведскія и польскія границы.

Внутреннія смуты не отвлекали, однако, правительницу отъ политическихъ задачъ, преслѣдуемыхъ Россіею, и на первый планъ былъ выдвинутъ вопросъ о покореніи Крыма. Изъ всѣхъ татарскихъ владѣній, образовавшихся на развалинахъ Золотой Орды, долѣе всѣхъ просуществовало Крымское ханство. Въ описываемую эпоху оно не могло уже угрожать политической самостоятельности русскаго государства, но представляло собою все еще опаснаго сосѣда. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій Россія подвергалась набѣгамъ крымскихъ татаръ, оставлявшихъ послѣ себя слѣды страшныхъ опустошеній; горѣли деревни и села, обращались въ развалины богатые города, исчезали стада, уводились жители десятками тысячъ въ плѣнъ и погибали въ тяжелой неволѣ. Въ царской грамотѣ по поводу новаго Крымскаго похода говорилось между прочимъ, что онъ предпринимается для избавленія русской земли отъ нестерпимаго униженія. Русское царство платитъ татарамъ ежегодную дань и терпитъ за то справедливыя укоризны отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ этою данью все же не охраняетъ; ханъ беретъ деньги и разоряетъ русскіе города. Чтобы положить конецъ этимъ бѣдствіямъ, правительница Софья Алексѣевна рѣшила сдѣлать первую попытку перейти изъ оборонительнаго положенія въ наступательное, и весною 1687 года двинула къ предѣламъ Крыма стотысячную армію, подъ начальствомъ князя Василія Го-

лицына. Въ составъ этой арміи призваны были и Терскіе и Гребенскіе казаки.

Походъ этотъ совпалъ какъ разъ съ первыми годами переселенія Гребенцовъ на Терекъ, когда домашнее хозяйство ихъ не было еще устроено, а слухъ о появленіи на Дону какихъ-то раскольниковъ тревожилъ и волновалъ городки, не успѣвшіе еще разобраться порядкомъ, въ чемъ заключается дѣло. Трудно было Гребенцамъ послѣдовать въ это время призыву правительства, но самая цѣль похода, заставлявшая отрѣшиться отъ всего, кромѣ чувства долга по отношенію къ русской землѣ, заставила и Гребенцовъ забыть всѣ неблагопріятныя условія ихъ жизни и отдѣлить значительную часть своихъ силъ въ армію Голицына, вмѣстѣ съ своими сосѣдями Терцами. Изъ оффиціальнаго перечисленія войскъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ, видно, что всѣхъ казаковъ—Донскихъ, Яицкихъ, Терскихъ, Гребенскихъ, ногайскихъ мурзъ и калмыковъ было 16 тысячъ, но сколько въ этомъ числѣ заключалось людей, прибывшихъ именно съ береговъ Терека и Сунжи, нигдѣ не обозначено. Нельзя не пожалѣть, что наши старые документы, относящіеся къ военному дѣлу, страдаютъ излишнею краткостью и сухостью, и мы не находимъ въ нихъ никакихъ подробностей о дѣйствіяхъ нашихъ казаковъ. Укажемъ же по крайней мѣрѣ, въ чемъ заключалась самая сущность похода, что видѣли и что перенесли они наравнѣ съ другими войсками.

Въ маѣ 1687 года весь отрядъ собрался на рѣчкѣ Мерло, лѣвый притокъ Ворсклы, и отсюда двинулся къ югу, по направленію къ Конскимъ Водамъ, составлявшимъ нашу границу съ Крымомъ. Отъ сборнаго пункта до Конскихъ Водъ (лѣвый притокъ Днѣпра) считалось 300 верстъ, но, чтобы пройти сравнительно небольшое пространство, потребовался цѣлый мѣсяцъ, благодаря тяжелымъ обозамъ, двигавшимся за полками. Только 13 іюня переправились наконецъ черезъ Конскія Воды и вступили въ обширныя, безводныя крымскія степи. О непріятелѣ не было даже слуховъ, но насъ поджидалъ другой, еще болѣе опасный врагъ —это степной пожаръ, уничтожившій повсюду подножный кормъ для скота. Вся степь покрыта была сплошнымъ огнемъ на необозримомъ пространствѣ; воздухъ наполненъ былъ тяжелымъ запахомъ гари, отъ которой трудно было дышать, а дымъ и копоть мѣшали видѣть предметы даже на близкомъ разстояніи; воды не было, лошадей и воловъ кормить было нечѣмъ, и конница на своихъ измученныхъ и обезсилѣнныхъ коняхъ становилась безполезною. Тогда собранъ былъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса, какъ поступить при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ? Большинствомъ голосовъ рѣшено было продолжать наступленіе. Однако выполнить это рѣшеніе было нелегко. Отъ сильнаго зноя и жажды люди болѣли, лошади падали; въ два дня едва-едва прошли 12 верстъ, а до Перекопа, сильной крѣпости, преграждавшей доступъ на Крымскій полуостровъ по узкому перешейку между Чернымъ и Азовскимъ морями, оставалось еще около ста сорока верстъ. Голицынъ собралъ военный совѣтъ, но на этотъ разъ никто уже не спорилъ, и войска отведены были назадъ, на Конскія Воды, не видѣвъ даже непріятеля ([1]).

Еще неудачнѣе окончился второй походъ, предпринятый тѣмъ же Голицынымъ въ 1689 году. Съ Терека опять выступили Терскіе и Гребен-

скіе казаки, хотя появленіе на Аграхани Донскихъ и Кумскихъ раскольниковъ держало въ тревогѣ всю Терскую окраину. Войска выступили изъ своихъ мѣстъ въ морозную зиму, среди глубокихъ снѣговъ, но зато прибыли въ Крымъ раннею весной, когда молодая трава покрывала степи красивымъ зеленымъ ковромъ, еще не выгорѣвшимъ отъ солнца. Здѣсь начались встрѣчи съ непріятелемъ. Верстахъ въ 70 отъ Перекопа, 16 мая, авангардъ нашъ былъ сильно атакованъ массою татарской конницы; казаки были смяты, 20 орудій потеряны, и авангарду грозило серьезное пораженіе, если бы на помощь не подоспѣли главныя силы. Татары были отбиты, но на краю горизонта повсюду виднѣлись конныя толпы ихъ, кружившіяся вокругъ отряда, какъ коршуны, ожидавшіе добычу. 20 мая войска достигли наконецъ Перекопа—цѣли нашихъ походовъ; за нимъ начинался уже Крымъ. Войска увидѣли передъ собою высокій, хорошо укрѣпленный замокъ, опоясанный широкимъ рвомъ, прорѣзывавшимъ весь перешеекъ; съ одной стороны виднѣлось Черное море, съ другой—Гнилое озеро; вода вездѣ соленая, колодцевъ нѣтъ, а люди уже два дня не получали воды, лошади опять начали падать; еще нѣсколько дней, и не на чѣмъ будетъ везти тяжелый нарядъ (артиллерію). Оставалось одно—или немедленно брать крѣпость штурмомъ на глазахъ всей Крымской арміи, стоявшей неподалеку, или отступить, такъ какъ всякое промедленіе могло стать гибельнымъ. На военномъ совѣтѣ единогласно принято было послѣднее рѣшеніе, и русскія войска, слабо преслѣдуемыя ханомъ, 29 мая вступили уже обратно въ предѣлы своего отечества ([2]). Такъ неудачно окончились послѣднія военныя предпріятія до-Петровской эпохи, начатыя съ столь значительными силами и средствами. Походъ Голицына доказалъ окончательно всю несостоятельность устройства вооруженныхъ силъ Россіи, требовавшихъ безотлагательно коренныхъ преобразованій, и эта задача попала въ мощныя руки Великаго Петра.

Во время второго Крымскаго похода въ 1689 году Петру исполнилось уже 17 лѣтъ. Двоевластіе окончилось. Царь Иванъ Алексѣевичъ, болѣзненный и полуслѣпой, самъ отказался отъ участія въ дѣлахъ и показывался передъ народомъ рѣдко, только при торжественныхъ случаяхъ, довольствуясь носимымъ имъ титуломъ и саномъ царя. Напротивъ, сильный духомъ, полный энергіи, развитый физически и умственно не по своимъ годамъ, юный Петръ твердо взялъ въ свои руки бразды правленія и съ этой минуты становится единовластнымъ. Крамола и интриги правительницы Софьи Алексѣевны были имъ сломлены, стрѣльцы, эта надворная пѣхота, поддерживавшая своими мятежами ея честолюбивые замыслы, смирились и, казалось, окончательно покорились желѣзной волѣ Петра. А молодой царь неустанно работалъ между тѣмъ надъ грандіознымъ планомъ преобразованія Россіи, особенно вооруженныхъ силъ, по образцу сосѣднихъ западныхъ государствъ. Ему необходима была стойкая, дисциплинированная, хорошо обученная армія; стрѣльцы и древне-русская конница, набираемая изъ боярскихъ дѣтей и дворянъ съ ихъ слугами, ему не годились. Изъ стараго быта, доставшагося ему въ наслѣдство, Петръ дорожилъ только одними казаками; онъ видѣлъ въ нихъ мощную русскую силу; но только силу еще безпорядочную, которую надо было подчинить себѣ и направить въ надлежащее русло. Все это, какъ увидимъ, и было до-

стигнуто имъ постепенно. Сознавая въ тоже время широкія міровыя задачи, предлежащія Россіи, Петръ видѣлъ ясно, что для выполненія ихъ ей не доставало моря, и первыя усилія его обращаются къ Азову, лежавшему въ низовьяхъ Дона и перерграждавшему намъ путь къ Азовскому и Черному морямъ. Походъ назначенъ былъ весною 1695 года, и отрядъ Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ снова былъ вызванъ на Царицынскую переволоку, гдѣ долженъ былъ присоединиться къ передовой дивизіи Гордона, плывшей на судахъ по Дону. Вмѣстѣ съ нею наши казаки и подошли къ Азову 26 іюня, а черезъ два дня прибылъ и Петръ съ остальными войсками. Началась осада. Азовъ представлялъ собою сильную крѣпость, обнесенную каменными стѣнами съ бастіонами и внутреннимъ замкомъ, а вокругъ стѣнъ насыпанъ былъ еще высокій земляной валъ съ глубокимъ и широкимъ рвомъ. Гарнизонъ защищался упорно, а между тѣмъ у насъ скоро обнаружился недостатокъ продовольствія. Многочисленная татарская конница, господствовавшая надъ окрестною степью, не пропускала обозовъ, а доставка водою была заграждена двумя каменными башнями, поставленными по обѣ стороны Дона. Чтобы открыть сообщеніе, вызваны были 200 человѣкъ охотниковъ изъ числа казаковъ, находившихся въ отрядѣ, и одна изъ этихъ башенъ взята была штурмомъ, а другую, спустя два дня, турки покинули сами. Были ли въ числѣ охотниковъ Гребенскіе и Терскіе казаки, а равно что дѣлали они при осадѣ крѣпости, свѣдѣній не сохранилось. Нельзя не отмѣтить однако одинъ кровавый эпизодъ, сопровождавшій тогдашнюю кампанію. Это былъ жестокій бой 15 іюля, когда турки въ полдень сдѣлали вылазку и, заставъ врасплохъ дивизію Гордона, нанесли ей большое пораженіе. Пока подоспѣла выручка, турки вывели у насъ изъ строя болѣе тысячи человѣкъ и увезли съ собою семь пушекъ, а остальныя заклепали. Эта неудача вмѣстѣ съ двумя отбитыми штурмами заставила Петра, послѣ долгаго колебанія, снять осаду, и войска были распущены ([3]).

Такъ наступилъ 1696 годъ съ его великимъ значеніемъ въ русской и даже во всемірной исторіи: въ январѣ мѣсяцѣ скончался царь Иванъ Алексѣевичъ, и Петръ сталъ единственнымъ властелиномъ и самодержцемъ Русской земли. Среди борьбы и съ внѣшними, и съ внутренними врагами—поборниками старой Московской Руси—Петра не покидала мысль объ Азовѣ, и приготовленія къ новому походу шли такъ дѣятельно, что въ іюнѣ того же 1696 года русскія войска опять стояли уже передъ крѣпостью. Ни Терцы, ни Гребенцы на этотъ разъ не были вызваны и оставались въ своихъ домахъ. Но участь Азова, съ которымъ связывалось у нихъ такъ много воспоминаній, не могла не интересовать казаковъ, и они жадно ловили тѣ слухи, которые доносились до нихъ съ театра военныхъ дѣйствій. Скоро прискакали въ ихъ городки гонцы отъ Терскаго воеводы съ извѣстіемъ, что крѣпость взята и что главными виновниками успѣха были Донскіе и Запорожскіе казаки: имъ надоѣли тяжелыя осадныя работы, и они въ одинъ прекрасный день—это случилось 17 іюля,—бросились на приступъ одни и ворвались въ городъ, но отраженные отъ замка, залегли на валахъ, откуда никакія турецкія силы не могли ихъ выбить. Петръ тотчасъ двинулъ остальныя войска, и 18 іюля крѣпость была занята русскими войсками.

И въ Теркахъ, и въ Гребенскихъ городкахъ праздновали побѣду надъ Азовомъ также, какъ въ Москвѣ и по всей Россіи. Сидя у своихъ очаговъ за праздничной «чапурой», старые Гребенцы вспоминали, какъ лѣтъ за сорокъ передъ этимъ, когда они были молоды, когда въ бородахъ ихъ не появлялось еще предательской сѣдины, сами они ходили подъ тотъ-же Азовъ и съ тѣми-же Донцами и Запорожцами штурмовали его безъ пушекъ, съ одними голыми руками; вспоминали они и страшную ночь подъ Черкаскомъ, когда внезапно налетѣла на нихъ орда и порубила сонныхъ. Много Гребенцовъ сложило тогда свои головы на чужой землѣ, и теперь уцѣлѣвшіе отъ того погрома утѣшались тѣмъ, что казаки черезъ нѣсколько дней расчитались за свою неудачу, и за каждую казачью голову татары заплатили имъ сотнями труповъ. Обидно было Гребенскимъ и Терскимъ казакамъ не участвовать въ послѣднемъ походѣ, гдѣ они, конечно, раздѣлили бы съ Донцами и Запорожцами славу казацкаго приступа.

Интересовало ихъ взятіе Азова еще и потому, что съ судьбою его связывалась судьба нашихъ бѣглецовъ съ Аграхани. Когда казаки ходили въ первый походъ въ 1695 году, Крымскій ханъ собралъ въ Азовъ всѣхъ Аграханскихъ раскольниковъ, которые, пользуясь знаніемъ языка и нашихъ обычаевъ, усердно служили ему въ качествѣ лазутчиковъ. Многіе изъ нихъ, отказавшись отъ родины, отказались вмѣстѣ съ тѣмъ отъ вѣры своихъ отцовъ, приняли магометанство и стали самыми злѣйшими врагами христіанъ. Ту же предательскую роль играли они и во второмъ походѣ. Но тутъ имъ не посчастливилось: Азовъ былъ взятъ и вмѣстѣ съ нимъ были взяты и наши измѣнники. Условія капитуляціи, по которой турецкія войска отпущены были домой, ихъ не коснулись; они, подъ сильнымъ конвоемъ, отправлены были въ Черкаскій городокъ и тамъ всенародно повѣшены (4).

Тотъ низкій нравственный уровень, до котораго дошли кубанскіе раскольники, еще въ большей степени сказался на тѣхъ казакахъ, которые съ Костькой Ивановымъ поселились среди кумыковъ и чеченцевъ. Отвергнутые родиной, живя годами среди чужого племени, безъ священниковъ и церковной службы, они скоро забывали вѣру отцовъ, за которую когда-то такъ страстно ратовали; и, опускаясь нравственно все ниже и ниже, стали враждебны всему, что имъ напоминало родину; вмѣстѣ съ кумыками и чеченцами нападали они на казачьи городки, грабили и опустошали ихъ. Начиналась малая война, державшая на конѣ все населеніе. Терцы, подъ охраною крѣпости, жили еще въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, но Гребенское хозяйство подрывалось въ корень. Петръ, вникавшій во все, видѣлъ тревожную жизнь на Терекѣ, и очень можетъ быть это и было причиной, почему ни Терцы, ни Гребенцы не были взяты во второй Азовскій походъ.

Изъ этихъ набѣговъ особенно замѣчателенъ былъ одинъ, въ 1701 году, когда кумыцкій князь Муртазали, вмѣстѣ съ Костькой Ивановымъ, подступилъ къ Щедринскому городку Гребенского войска съ трехтысячною партіею. Казаки отбивались геройски; имъ помогали женщины, и непріятель, неся большія потери, не могъ ворваться въ городокъ,—а между тѣмъ подоспѣла и помощь.

Въ Щедринскѣ находился въ то время князь Адиль-Гирей Каспулатовичъ, который послѣ смерти своего отца Каспулата наслѣдовалъ власть его надъ инородцами и Терскими казаками. Онъ еще раньше, какъ только получились извѣстія о сборахъ непріятеля, послалъ просить помощи у Донского войска. Донцы тотчасъ собрали и двинули на Терекъ легкій шестисотенный конный полкъ, который, идя форсированнымъ маршемъ, и поспѣлъ во время. Завидѣвъ двигавшійся лѣсъ пикъ, Муртазали поспѣшно отступилъ отъ Щедринска и ушелъ въ свои улусы (5).

Нельзя не обратить вниманія на то, что Адиль-Гирей въ критическую минуту обращается за помощью уже не въ Терки, куда, казалось, было бы и ближе, и удобнѣе, а къ отдаленнымъ Донцамъ, чего никогда не бывало прежде. Но Адиль-Гирею и нельзя было поступить иначе. Въ Теркахъ сидѣлъ воеводою стольникъ Димитрій Ивановичъ Молостовъ, одинъ изъ тѣхъ поборниковъ стараго быта Московской Руси, которые не только не помогали Петру, но втихомолку на каждомъ шагу ставили препятствія его реформаторской дѣятельности. Казаки Гребенскіе и Терскіе, безропотно повиновавшіеся велѣніямъ молодого царя, стояли у него поперекъ дороги, и онъ, повидимому, всячески старался отдѣлаться отъ этихъ неугодныхъ ему войскъ, прибѣгъ даже къ такимъ недостойнымъ средствамъ, какъ натравливаніе на нихъ сосѣднихъ горскихъ народовъ. Когда Адиль-Гирей обратился къ нему за помощью, онъ сухо отказалъ, прибавивъ, что пусть Гребенцы раздѣлываются сами, какъ знаютъ. Онъ даже не дозволилъ идти на помощь къ нимъ Терскимъ казакамъ. Все это мы узнаемъ изъ отписки самаго Адиль-Гирея, которую приводимъ ниже, а теперь замѣтимъ, что подобный же позорный фактъ повторился и еще разъ, спустя нѣсколько лѣтъ, когда горцы внезапно осадили Гребенскую Червленную станицу. Казаки опять не получили помощи, но бились съ отчаянною храбростію и три дня одни отстаивали свой городокъ. Немало пришлось поработать здѣсь во время приступовъ и Гребенскимъ казачкамъ, которыя за свою порубежную жизнь научились уже смѣло смотрѣть въ глаза опасности. Червленная отбилась. Но сколько сѣдобородыхъ казаковъ и совсѣмъ еще юныхъ жизней погибло тогда въ этихъ трехдневныхъ кровавыхъ схваткахъ съ ордой на валахъ станицы, гдѣ рѣзались кинжалами грудь на грудь, гдѣ никто не просилъ и никто не давалъ пощады!

Сохранилось одно письмо князя Адиль-Гирея Каспулатовича, писанное имъ въ 1706 году къ атаману и казакамъ великаго Донскаго войска по поводу послѣднихъ событій.—«Тѣ войска» (Гребенское и Терское), пишетъ онъ, «служатъ государю вѣрно, какъ дѣды ихъ и отцы, а нынѣ воевода Терскаго города Димитрій Ивановичъ Молоствовъ безъ государеву указу велитъ ихъ невѣрной ордѣ—чеченцамъ и мечкизамъ (мичиковцамъ), кумыкамъ, аксаевцамъ и инымъ ордамъ разорять и всѣхъ искоренять; и горцы, подступая къ Тереку, бьютъ казаковъ боемъ»... Грамота оканчивается поразительной по скромности и лаконизму, но полной высокаго драматизма фразой: «А въ осадѣ (Червленцы) сидѣли три дня, и былъ бой, и въ осадѣ отсидѣлись» (6).

Не радостныя вѣсти доходили до нихъ и изъ Москвы, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Петръ, послѣ новаго страшнаго бунта Московскихъ

стрѣльцовъ, едва не уничтожившаго всѣ начатыя имъ преобразованія, сразу покончилъ съ этой, ненавистной ему съ дѣтства, Московскою силой, слабой на полѣ брани, но сильной и дерзкой во внутренней жизни и въ дѣлахъ государства. Тысячи стрѣльцовъ были тогда казнены, другіе отдѣлались вѣчною ссылкой, третьи разбѣжались, разнося съ собою слухъ о пришествіи царя антихриста. Народъ вѣрилъ всему и въ суевѣрномъ ужасѣ ждалъ свѣтопреставленія, предсказаннаго на 1702 годъ. Его конечно не случилось, а между тѣмъ куреніе табака, бритье бородъ и нѣмецкое платье у бояръ и приказныхъ людей оставались попрежнему. Народъ увидѣлъ, что никому никакого вреда отъ этого не было,—и сталъ успокаиваться. Раскольники однако не унывали, но у нихъ не было мѣста, гдѣ бы могли безопасно собираться и крѣпнуть ихъ темныя силы. Съ тѣхъ поръ, какъ послѣдніе поборники стародавняго быта, Московскіе стрѣльцы, сложили на плахѣ свои буйныя головы, затѣвать новыя смуты въ Москвѣ было уже нельзя,—и вотъ, все недовольное петровскими новшествами, захватывавшими быстро всѣ стороны русской жизни, устремилось въ далекую Астрахань, гдѣ близость кочующихъ ордъ и казачьихъ поселеній давали имъ слабую надежду найти въ нихъ для себя опору. Такимъ образомъ Астрахань и стала главнымъ очагомъ и разсадникомъ революціи.

Въ началѣ 1705 года, какіе-то пришлые люди распустили въ Астрахани слухъ, что на дняхъ послѣдуетъ указъ, воспрещающій священникамъ совершать браки, такъ какъ всѣхъ русскихъ дѣвицъ приказано, будто бы, выдать за нѣмцевъ, которыхъ везутъ изъ Казани. Астраханцы повѣрили этому слуху и съ перепуга сыграли въ одинъ день сто свадебъ, чтобы ни одна невѣста не досталась нѣмцамъ. Вечеромъ, когда во всѣхъ концахъ города начались свадебныя пиршества, вдругъ кто-то ударилъ въ набатъ. Всполошившіеся жители выскочили на улицу, гдѣ ихъ ожидали стрѣльцы, и по ихъ указанію, «по пьяному случаю», не отдавая себѣ отчета, что дѣлаютъ, устремились къ Кремлю. Здѣсь, у кремлевскихъ воротъ, стоялъ небольшой караулъ, который тотчасъ же былъ поднятъ на копья. Пьяная толпа вломилась въ Кремль, разыскивая нѣмцевъ, убила воеводу, перебила всѣхъ начальныхъ лицъ—и начался безсмысленный бунтъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ «свадебнаго бунта». Затѣмъ народъ разбилъ кабаки, и въ городѣ водворилась полнѣйшая анархія. Натворивъ такихъ дѣлъ, астраханцы на слѣдующій день опомнились и сообразили, что имъ однимъ не устоять, а надо бы раньше заручиться посторонними сообщниками. Отступать однако было поздно, и они немедленно отправили возмутительныя грамоты на Донъ, въ Терки и къ Гребенскимъ казакамъ. Донъ наотрѣзъ отказалъ имъ въ помощи; въ Теркахъ часть стрѣльцовъ возмутилась и убила своего полковника Илью Некрасова, но большинство, вмѣстѣ съ инородцами князя Адиль-Гирея Каспулатовича, стали на сторону воеводы и помогли ему водворить порядокъ. Гребенскіе казаки также уклонились отъ вмѣшательства въ безрасудное дѣло астраханскихъ мятежниковъ, и вмѣстѣ съ Терскими атаманами и казаками сдѣлали имъ такую двухсмысленную отписку: «Мы рады за вѣру Христову, за брадобритіе, и за табакъ, и за нѣмецкое платье мужеское и женское, и за отлученіе церкви Божіей стоять и умирать; но вы, все вели-

кое Астраханское войско, и все православное христіанство не прогнѣвайтесь на насъ за то, что войска къ вамъ на помощь не послали, потому что невозможно намъ войска къ вамъ послать: сами вы знаете, что насъ малое число и съ ордою со всею не въ миру, чтобы намъ попрежнему отъ орды женъ и дѣтей не потерять». Выраженіе безплоднаго сочувствія и отказъ въ активной помощи съ Терека и съ Гребней отрезвило астраханцевъ и имѣло большое вліяніе на скорое подавленіе мятежа ([7]).

Не поддержали Гребенскіе и Терскіе казаки и Кондратія Булавина, поднявшаго мятежъ на Дону въ 1707 году, когда все Донское войско выступило въ походъ противъ шведовъ, и въ домахъ осталась только одна пришлая голытьба, выдачи которой настоятельно требовало Московское правительство. Голытьба и пристала къ Булавину прямо изъ чувства самосохраненія, но когда немногіе степенные люди, остававшіеся на Дону, стали уговаривать ее отстать отъ этого дѣла, не обѣщавшаго ничего, кромѣ бѣдствій для края, Булавинъ сказалъ всенародно: «Не бойтесь! Я началъ дѣло не просто. Я былъ въ Астрахани и на Теркахъ, и Астраханцы и Теречане дали мнѣ присягу, чтобы имъ на вспоможеніе и въ товарищи быть и стоять съ нами за казація вольности». Всѣ знали, что Булавинъ никуда не ѣздилъ, и тѣмъ не менѣе и степенные люди потянулись вслѣдъ за голытьбой, опасаясь съ ея стороны смертнаго боя и разоренія. Бунтъ этотъ, такъ и вошедшій въ исторію подъ именемъ «Булавинскаго бунта», скоро принялъ угрожающіе размѣры, и если не случилось того, что было при Стенькѣ Разинѣ, то только потому, что самъ Булавинъ не имѣлъ ни желѣзной воли, ни энергіи, ни умственныхъ способностей послѣдняго. Да и время было уже другое: Петръ двинулъ свои регулярные полки и быстро потушилъ разгоравшійся очагъ новой революціи. Черкаскъ былъ взятъ, Булавинъ застрѣлился, но около двухсотъ казаковъ съ атаманомъ Игнашкой Некрасовымъ бѣжало на Кубань и тамъ, подъ покровительствомъ Крымскаго хана, образовало особую общину бѣглыхъ раскольниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Некрасовцевъ. Съ ними, какъ увидимъ дальше, не одинъ разъ приходилось встрѣчаться нашимъ Гребенскимъ казакамъ.

Булавинскій бунтъ ничѣмъ не отразился на Терекѣ; да тамъ и некогда было вникать въ чужія дѣла, потому что въ томъ же 1707 году на самые Терки сдѣлалъ большой набѣгъ нѣкто Эштекъ-Султанъ, Кубанскій наибъ, съ многочисленнымъ войскомъ. Неизвѣстно, какъ прошелъ этотъ набѣгъ для Гребенского войска, но Терское, расположенное тогда въ Старомъ городѣ на рѣкѣ Копаѣ, подверглось жестокому разоренію. Казаки захвачены врасплохъ. Какимъ образомъ такая значительная партія могла пройти никѣмъ не замѣченной,—трудно сказать, но татары вошли въ предмѣстье, когда все покоилось тамъ глубокимъ и для многихъ уже послѣднимъ сномъ. Форштадтъ былъ зажженъ. Огонь, раздуваемый вѣтромъ, быстро охватилъ камышевыя крыши домовъ, и казачья слободка проснулась подъ страшные крики: «пожаръ»! Татары, между тѣмъ, разсыпавшись по улицамъ, вломились въ дома и принялись за грабежъ. Многіе казаки, прямо отъ временнаго сна переходили въ вѣчный, не успѣвъ даже схватиться за оружіе; другіе, выскакивая изъ домовъ, попадали прямо въ руки непріятеля. Тѣ же, кто уцѣлѣлъ отъ этой рѣзни, бѣжали въ

Кремль и тамъ заперлись въ старомъ полуразрушенномъ замкѣ. Въ это самое время пушечные выстрѣлы, доносившіеся со стороны Терки, дали знать, что и воеводскій городъ подвергся нападенію. Къ счастію, казаки не поддались паникѣ; они отразили приступъ и затѣмъ сами сдѣлали отчаянную вылазку. Растерявшіеся татары были разбиты на голову, и самъ Эштекъ-Султанъ, пытавшійся возстановить порядокъ, былъ схваченъ казаками и увезенъ въ Копай. Потеря начальника, неудача приступа, слухъ о приближеніи калмыковъ Аюкъ-хана, спѣшившихъ на выручку (слухъ, впослѣдствіи оказавшійся ложнымъ), заставили обѣ толпы поспѣшно отступить на Кубань. Эштекъ-Султанъ остался въ нашихъ рукахъ и высланъ былъ на жительство въ Россію.

Но этотъ трофей достался намъ дорого; много Терскихъ казаковъ было побито, много семей уведено въ плѣнъ и имущество разграблено, скотъ отогнанъ, казачьи поля истреблены, сѣно разметано и сожжено, луга вытоптаны; наконецъ пожаръ уничтожилъ весь Терскій архивъ, причемъ сгорѣли всѣ документы и въ томъ числѣ 13 грамотъ, жалованныхъ Терскому войску русскими царями, начиная съ Ивана Грознаго (1578 г.) и кончая Ѳедоромъ Алексѣевичемъ (1677 г.). Старый городъ, оказавшійся весьма неудобнымъ для обороны, былъ брошенъ, и казаки опять переселились ближе къ морю, въ новый городокъ «Редутъ», гдѣ оставались уже 15 лѣтъ, до окончательнаго переселенія ихъ Петромъ Великимъ на р. Сулакъ, въ крѣпость Св. Креста ([8]).

Происшествія въ пограничныхъ областяхъ, безпорядки во внутреннемъ управленіи, подкупность и взяточничество воеводъ, позволявшихъ себѣ большія злоупотребленія,—все это было явленіемъ далеко не новымъ, но даже Петру не сразу удалось переломить закоренѣлые старые порядки, и только въ исходѣ 1708 года послѣдовало наконецъ новое административное дѣленіе Россіи. Вмѣсто прежнихъ воеводствъ учреждены были восемь губерній, въ числѣ которыхъ находилась и Казанская. Съ этихъ поръ Астрахань, съ ея передовымъ форпостомъ Терки и казачьими поселеніями, теряетъ свою самостоятельность и входитъ въ составъ Казанской губерніи, ввѣренной управленію Казанскаго и Астраханскаго губернатора, боярина Петра Матвѣевича Апраксина ([9]).

Нападеніе на Терки государь сначала не хотѣлъ оставить безъ наказанія, но воспользовавшись тѣмъ, что калмыцкій ханъ просилъ въ это время о принятіи его со всѣмъ народомъ въ вѣчное подданство, приказалъ Казанскому губернатору Петру Мотвѣевичу Апраксину включить въ договорные пункты слѣдующія строки. «Въ прошломъ (1707) годѣ, какое было городу Терку отъ вора и самозванца Салтана, и отъ чеченцевъ, и отъ кумыкъ, и отъ ногайцевъ разореніе, о томъ ему, хану, отъ меня черезъ письма и прежнія присылки вѣдомо, и какъ Терки были въ осадѣ, обѣщалъ онъ, ханъ, три тысячи калмыковъ со внукомъ своимъ, и то не исполнено» ([10]). Это былъ далеко не двусмысленный намекъ на прежнія, не выполненныя имъ обѣщанія, и Апраксинъ потребовалъ теперь, чтобы Аюка-ханъ послалъ на чеченцевъ и на терскихъ ногайцевъ своихъ людей тысячи четыре или пять и велѣлъ разорить ихъ за то, что они «учинили Терку многое разореніе, и тѣмъ разореніемъ хвалились»... «А съ Тер-

ки», добавлялъ Апраксинъ, «ратные люди великаго государя и съ Гребней казаки вмѣстѣ съ людьми его посланы будутъ заодно».

Походъ этотъ однако не состоялся, такъ какъ тогда пришлось бы нарушить заключенное съ Турецкимъ султаномъ перемиріе, а рѣшиться на это въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій противъ Карла XII, когда шведы двигались уже къ Полтавѣ, Петръ не хотѣлъ. Но, отмѣнивъ походъ на чеченцевъ, онъ вызвалъ отрядъ Терскихъ и Гребенскихъ казаковъ на сѣверъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ ([11]).

Когда выступилъ съ Терека казачій отрядъ, въ какомъ числѣ и подъ чьимъ предводительствомъ,—никакихъ свѣдѣній въ нашемъ распоряженіи не имѣется. Не знаемъ также, гдѣ и въ какихъ дѣлахъ онъ участвовалъ въ кампанію 1708 года, но когда Карлъ выступилъ въ Малороссію, мы застаемъ нашихъ казаковъ уже въ составѣ Полтавскаго гарнизона. Какъ извѣстно, шведы не нашли въ Малороссіи того, что ожидали: ни теплыхъ квартиръ, ни хлѣба, ни боевыхъ запасовъ, а главное не нашли обѣщанной помощи. Мазепа и съ нимъ двѣ-три тысячи измѣнившихъ казаковъ— вотъ все, что получилъ король въ Малороссіи. Зима между тѣмъ стояла суровая, шведская армія таяла, но все же къ началу похода 1709 года имѣла подъ ружьемъ свыше 30 тысячъ превосходной пѣхоты и конницы. Съ наступленіемъ весны она сосредоточилась въ Будищѣ, между рѣками Ворсклой и Пселомъ, и отсюда намѣревалась идти на Москву. Но на пути ея лежала Полтава, важный стратегическій пунктъ, покореніе котораго могло доставить безспорное обладаніе всею Украйной, и Карлъ рѣшается прежде всего овладѣть имъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ наступаетъ рѣшительный моментъ въ исторіи великой Сѣверной войны.

Полтава, небольшая крѣпость, построенная на южной окраинѣ Московскаго царства для прикрытія страны отъ набѣговъ Крымскихъ татаръ и степныхъ хищниковъ, стоитъ на правомъ берегу рѣки Ворсклы, на возвышенности, окруженной болотистою равниной. Не сильны были ея укрѣпленія, состоявшія только изъ земляныхъ валовъ съ деревянными полисадами; но силенъ былъ духъ ея четырехтысячнаго гарнизона, во главѣ котораго стоялъ доблестный полковникъ Келинъ. Въ составъ этого-то гарнизона и входили наши Терскіе и Гребенскіе казаки. 30 апрѣля шведская армія обложила Полтаву и повела осаду. Гарнизонъ дѣлалъ безпрерывныя вылазки и противодѣйствовалъ работамъ, но тѣмъ не менѣе къ исходу мая мѣсяца подступы подведены были уже къ самому валу. На спасеніе города мало оставалось надежды, такъ какъ и съѣстные и боевые припасы приходили къ концу. Между тѣмъ русская армія уже приближалась и стала не вдалекѣ отъ шведовъ на лѣвомъ берегу Ворсклы. Карлу необходимо было покончить съ Полтавой прежде, чѣмъ дать Петру генеральное сраженіе,—и король три раза водилъ свои войска на приступъ. Во время одного изъ нихъ шведскія знамена уже развѣвались на валахъ Полтавы, уже близко было паденіе крѣпости, когда старый комендантъ, одушевивъ свои малочисленныя дружины, бросился въ рукопашный бой,—и нападеніе было отбито. Городъ устоялъ, а гарнизонъ въ ту же ночь отплатилъ непріятелю жестокою вылазкой. Какое участіе принимали во всѣхъ этихъ акціяхъ Гребенскіе и Терскіе казаки, историческихъ свидѣтельствъ не сохранилось; несомнѣнно однако, что эти воспитанники суровой Кавказ-

ской школы, геройски защищавшіе у себя и Сунженскій острожецъ, и Щедринскую и Червленную станицы и Копайскій замокъ, знакомы были съ осаднымъ сидѣніемъ не по одной наслышкѣ, а потому и въ общей цѣпи тогдашнихъ событій конечно не могли не играть выдающейся роли.

Но время шло, и день за днемъ вносилъ съ собою перемѣны въ положеніе воюющихъ сторонъ. Уже два мѣсяца продолжалась осада, и непріятельскія апроши все ближе и ближе подвигались къ Полтавѣ. Петръ, понимавшій, что съ паденіемъ города возстаніе можетъ разлиться по всей Малороссіи, собралъ военный совѣтъ и поставилъ вопросъ, какъ выручить крѣпость безъ генеральнаго сраженія, «яко зѣло опаснаго дѣла». Но другого средства не отыскивалось,—нужно было дать генеральный бой.

19 іюня русская армія перешла черезъ Ворсклу и стала на высотахъ у деревни Семеновки. Здѣсь она начала готовиться къ битвѣ, а между тѣмъ Карлъ, получивъ объ этомъ извѣстіе, рѣшилъ предупредить русскихъ своимъ нападеніемъ и, оставивъ въ траншеяхъ передъ Полтавой только два батальона и Запорожскихъ казаковъ, со всѣми силами двинулся навстрѣчу Петру. Противники сошлись 27 іюня.

И грянулъ бой, -Полтавскій бой.

Мы не будемъ описывать его подробностей. Довольно сказать, что непобѣдимая дотолѣ шведская армія была буквально уничтожена, и самъ король вмѣстѣ съ Мазепой, сопровождаемый лишь горстью казаковъ и шведовъ, бѣжалъ за Днѣпръ, гдѣ отдался подъ покровительство Турецкаго султана. Чужая земля пріютила его, а на Руси возникла и осталась съ тѣхъ поръ пословица: «Пропалъ, какъ шведъ подъ Полтавой».

На другой день, 28 іюня Петръ посѣтилъ освобожденный отъ осады городъ. Трудно описать восторгъ жителей и гарнизона при видѣ въѣзжающаго побѣдителя. Торжественный звонъ колоколовъ сливался съ пушечною пальбою и привѣтственными кликами ликующаго войска. Царь обнялъ доблестнаго коменданта Келина, благодарилъ всѣхъ за совершенный подвигъ и мужественную стойкость, посѣтилъ всѣхъ раненыхъ, помолился на могилѣ убитыхъ и, наконецъ объѣхалъ крѣпостные валы, столь обильно политые кровью въ теченіи двухмѣсячной осады. Здѣсь Терцы и Гребенцы впервые увидѣли Петра, и величавый образъ его на вѣки запечатлѣлся въ ихъ памяти ([12]).

Среди побѣдныхъ тріумфовъ, когда всѣ помыслы Петра стремились къ тому, чтобы, пользуясь «Полтавскою викторіей», какъ можно скорѣе покончить тяжелую войну выгоднымъ миромъ со Швеціей, случилось одно обстоятельство, едва не опрокинувшее всѣ его расчеты и предположенія. Это была новая война съ Оттоманскою Портою, вызванная интригами Карла XII, нашедшаго себѣ покровителя въ лицѣ Турецкаго султана. Война была объявлена 20 ноября 1710 года,—и Петру пришлось на время покинуть Сѣверъ, чтобы вести борьбу съ могущественной Турціей. Въ началѣ 1711 года, когда главная армія, предводимая царемъ, двигалась къ границамъ Молдавіи, Казанскому губернатору Петру Матвѣевичу Апраксину повелѣно было со всѣми регурярными и нерегулярными войсками, находившимися въ его губерніи, «идти на Кубань, на магометанскія татарскія жилища для воинскаго промысла, и съ Божіею помощью Кубань его царскому величеству покорить и разорить» ([13]). Апраксинъ выступилъ

изъ Казани весною 1711 года и 30 мая прибылъ въ Царицынъ. Здѣсь онъ простоялъ болѣе мѣсяца, поджидая сосредоточенія войска, а между тѣмъ 14 іюня ѣздилъ на рѣчку Ахтубу для свиданія съ калмыцкимъ ханомъ и, по всей вѣроятности, тогда же посѣтилъ Астрахань и Терки, которыхъ до тѣхъ поръ не видѣлъ. Его не могла не интересовать южная окраина его губерніи,—окраина безпокойная, вѣчно волнуемая тревогами и предоставленная теперь на время похода только своимъ собственнымъ слабымъ силамъ. Тамъ у насъ имѣлся одинъ опорный пунктъ—это крѣпость Терки, занятая стрѣлецкимъ гарнизономъ и окруженная поселеніями Терскихъ казаковъ. Крѣпость эта имѣла важное значеніе, какъ база при нашихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ къ сторонѣ Кабарды, кумыкскихъ и шамхальскихъ владѣній, и какъ пограничный пунктъ, лежавшій на великомъ торговомъ пути съ Персіей, Хивой, Бухарой и Индіей. Онъ могъ убѣдиться, что самая крѣпость, по низовьямъ Терека вплоть до Каспійскаго моря, была достаточно прикрыта Терскими казаками, но такового же прикрытія въ противоположную сторону, по направленію къ Кабардѣ, не было. А между тѣмъ прикрытіе это легко могло бы образоваться изъ Гребенскихъ казаковъ, если бы это храброе войско, наверстывавшее свою немноголюдность превосходными боевыми качествами, не сидѣло особнякомъ въ уединенномъ мысу между Терекомъ и нижнею Сунжею. Отсюда и могла явиться у Апраксина мысль пересилить казаковъ на лѣвый берегъ Терека и такимъ способомъ образовать уже правильную кардонную линію. Какіе переговоры велись между нимъ и Гребенцами—неизвѣстно, но въ концѣ концовъ послѣдніе изъявили свое согласіе, и дѣло переселенія было улажено. Съ большою вѣроятностью можно предположить, что именно это и было причиной, почему Апраксинъ не взялъ съ собою ни Терскихъ, ни Гребенскихъ казаковъ, а поручивъ имъ охрану нашихъ границъ со стороны Дагестана, вызвалъ взамѣнъ ихъ тысячу казаковъ съ Яика. Такимъ образомъ ни Терское, ни Гребенское войско не участвовали въ знаменитомъ Кубанскомъ походѣ, о чемъ можно только пожалѣть, такъ какъ историческая хроника ихъ украсилась бы многими, славными подвигами.

Среди бѣдствій, постигшихъ русское оружіе въ эту несчастную кампанію, блестящій походъ Апраксина является единственнымъ отраднымъ и свѣтлымъ эпизодомъ. Онъ засвидѣтельствованъ и слѣдующею царскою грамотой, полученной Апраксинымъ по возвращеніи съ Кубани. «Отъ Великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ нашу отчину, въ Казань, ближнему боярину нашему и губернатору Петру Матвѣевичу Апраксину»:

«Въ нынѣшнемъ 1711 году по Нашему Великаго Государя указу, съ войсками нашими регулярными и нерегулярными, русскими и калмыками, ходилъ ты на Кубань и съ помощію Божіею столичный ихъ Кубанскій городъ Копылъ разорилъ, и войска ихъ Кубанскія многія побилъ, также и Кубанскихъ мурзъ и татаръ, которые приходили войною въ Саратовскій и Пензенскій уѣзды, по возвращеніи ихъ, встрѣтивъ на дорогѣ, разбилъ, изъ которыхъ многихъ побилъ, а на рѣчкѣ Чалѣ Нурадина-Салтана съ черкесы и воровскими казаками-некрасовцами побилъ же, и на тѣхъ бояхъ отъ нихъ, басурманъ, въ полонъ побралъ мужеска и женска полу

больше 20 тысячъ человѣкъ и множество всякой добычи. И мы, Великій Государь, наше царское величество, тебя, ближняго нашего боярина и губернатора Петра Матвѣевича, за ту къ намъ, Великому Государю, многую службу жалуемъ, милостиво похваляемъ. Писанъ въ нашемъ походѣ въ Ригѣ лѣта 1711 ноября 29».

Такъ наступилъ 1712 годъ, когда Гребенцы вольною волей или неволей,—объ этомъ историческія преданія говорятъ различно,—начинаютъ третье переселеніе на лѣвый берегъ Терека и ставятъ въ линію, на протяженіи 80 верстъ, пять своихъ городковъ въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они существуютъ донынѣ. Это станицы: Червленная, Щедринская, Новогладковская (нынѣ Гребенская), Старогладковская и Курдюковская. Отъ послѣдней до крѣпости Терки считалось 80 верстъ пустого, никѣмъ не занятаго пространства. Такъ образовалась первая Терская кардонная линія, развернувшаяся впослѣдствіи отъ моря до моря въ ту грандіозную, прославленную своими подвигами, Кавказскую линію, которая, какъ млечный путь, проходитъ сіяющею полосою черезъ всю двухвѣковую Кавказскую войну. И первымъ основателемъ Кавказской линіи является бояринъ Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ.

Считаемъ нужнымъ оговорить, что никакихъ историческихъ актовъ относительно переселенія Гребенскихъ казаковъ не имѣется, такъ какъ, повидимому, все дѣло велось на словахъ, а между тѣмъ многія лица склонны приписывать это переселеніе не Петру Матвѣевичу, а брату его Ѳедору Апраксину, бывшему въ то время морскимъ министромъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Азовскимъ губернаторомъ. Съ этимъ согласиться, однако, нельзя. Ѳедору Матвѣевичу подчинялось лишь то, что находилось въ предѣлахъ его губерніи, и между прочимъ Донское казачье войско; Терцы же и Гребенцы входили въ составъ Казанской губерніи, которою управлялъ братъ его Петръ. Даже въ кампанію 1711 года на Ѳедора Матвѣевича возложена была обязанность защищать берега Азовскаго моря и самый Азовъ, а Петру именнымъ царскимъ указомъ, о которомъ сказано выше, поручено было, со всѣми войсками его корпуса, съ регулярными и нерегулярными и съ калмыками, самостоятельныя дѣйствія на Кубани, т. е. въ предѣлахъ Турецкой имперіи.

Наконецъ, предположенія историковъ, что Ѳедоръ Апраксинъ въ іюнѣ или въ іюлѣ 1711 года, будто бы, посѣтилъ Астрахань и Терки, гдѣ дѣлалъ распоряженія о лучшей охранѣ границы, не имѣетъ достовѣрности, такъ какъ, казалось бы, Азовскому губернатору не для чего было ѣздить въ чужую губернію, да еще въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцахъ, когда настоящій хозяинъ края самъ находился въ то время въ Царицынѣ, слѣдовательно поблизости отъ Астрахани и Терки. Такимъ образомъ вопросъ, кто былъ основателемъ Кавказской линіи, по нашему убѣжденію, долженъ быть рѣшенъ окончательно въ пользу не Ѳедора, а Петра Матвѣевича Апраксина.

Теперь возвратимся къ Гребенцамъ.

Не успѣли они еще окончить своего переселенія и оглядѣться на новыхъ мѣстахъ, какъ уже пришелъ приказъ готовиться къ походу. Не довольствуясь результатомъ Прутскаго мира, и Турція, и Крымъ въ началѣ 1712 года рѣшили возобновить военныя дѣйствія, но Петръ на этотъ разъ рѣшилъ держаться строго оборонительнаго положенія. Онъ предписалъ

Казанскому губернатору Апраксину со всѣми войсками его корпуса двинуться къ Полтавѣ и тамъ на крѣпкой позиціи ожидать появленія Крымскаго хана. Но прежде чѣмъ стать на Днѣпровской Украйнѣ, Апраксину пришлось позаботиться о безопасности своей Кавказской окраины. Поэтому и Терскіе, и Гребенскіе казаки опять оставлены были имъ въ своихъ городкахъ на случай, если бы татары двинулись къ Теркамъ съ цѣлью уничтожить и здѣсь всѣ казачьи поселенія, какъ требовалъ того султанъ относительно Дона ([14]). Вскорѣ миръ положилъ однако же конецъ этому тревожному положенію, и Гребенцы въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ могли исключительно заняться устройствомъ новыхъ своихъ поселеній.

Съ этихъ поръ начинается новая эра въ жизни и въ исторіи нашего Кавказскаго казачества.

(Конецъ I-го тома).

Примѣчанія къ первому тому.

Глава I.

1) Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. Т. II. Записки Императорскаго русскаго географическаго общества 1852 года кн. VI.

2) Памятники утвержденія русскаго владычества на Кавказѣ. Часть 1-я. Изд. Воен.-Истор. Отд. при Шт. Кавк. воен. Округа.

3) Тамъ же.

4) Зап. Импер. русск. геогр. общ. 1852 г. кн. VI. Карамзинъ т. V гл. 1-я. Матеріалы Г. Т. Синюхаева: Никоновская лѣтопись.

5) Карамзинъ, т. IV гл. 5-я.

6) Изъ матеріаловъ Г. Т. Синюхаева: выписки изъ Никоновской и Воскресенской лѣтописей. Записки И. Р. Г. общ. 1852 г. кн. VI.

7) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

8) Тамъ же.

9) Памятники Утвержд. русск. влад. на Кавказѣ. Изданіе Воен.-Истор. Отдѣла.

10) Кавказская война въ очеркахъ, легендахъ, разсказахъ и біографіяхъ.

11) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ и Карамзинъ, Истор. Госуд. Рос. Матеріалы Синюхаева: выписки изъ Никоновской лѣтописи.

12) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

13) Карамзинъ, т. XIII. Чтенія общ. люб. истор. и древностей Россіи 1850 г. и матеріалы Синюхаева: степенная книга ст. 17 и Никоновская лѣтопись.

14) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

15) Книга Большого Чертежа и матеріалы Синюхаева: выписка изъ Архив. лѣтописи. Степенная книга т. II. Соловьевъ т. VI гл. 3-я.

16) Кавказскій календарь 1865 г. Головинъ. Историческое обозрѣніе Грузіи.

17) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

18) Тамъ же.

19) Тамъ же.

20) Тамъ же. Карамзинъ т. IX. Матеріалы Синюхаева: выписки изъ разныхъ лѣтописей. Бѣлокуровъ. Сношенія съ Кавказомъ.

21) Рукопись академика Буткова № 5. Матеріалы Синюхаева: выписки изъ Александро-Невской лѣтописи и Крымскихъ дѣлъ 1568 года. Бѣлокуровъ. Сношенія съ Кавказомъ. Соловьевъ т. 6 гл. 5 и т. 7 гл. 3. Карамзинъ т. IX гл. 2.

Глава II.

1) Сборникъ Импер. русскаго истор. общества т. 115: наказы Гребенскому казачьему войску.

2) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Наказъ послу Вакшерину.

3) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ и Шора-Ногманъ: исторія Адыхейскаго народа. Кавказскій Календарь 1862 года.

[4]) Герберштейнъ. Записки о Московскихъ дѣлахъ. Переводъ Малеина, изд. Суворина 1908 г.

[5]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Кабардинскія дѣла № 1.

[6]) Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ т. VI 1872 г. Самъ Лаудаевъ, чеченецъ по происхожденію, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ и затѣмъ служилъ офицеромъ въ Кавказскихъ войскахъ. Въ предисловіи къ статьѣ «Чеченское племя» онъ говоритъ: «Я первый пишу на русскомъ языкѣ о моей родинѣ, еще такъ мало у насъ извѣстной»...

[7]) Бѣлокуревъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

[8]) Сборникъ свѣдѣній о Кавказскихъ горцахъ т. VI—«Чеченское племя».

[9]) Тамъ же.

[10]) Тамъ же.

[11]) Сборникъ Импер. русскаго истор. общества п. 115. Наказъ Гребенскому войску.

[12]) Ткачевъ. Изъ нашей родной старины. Искаженная исторія. (По поводу ст Гассіева). Списокъ станицъ Терскаго казачьяго войска съ показаніемъ времени основанія, положенія и народонаселенія каждой станицы. Сборникъ свѣдѣній о Терской области в. I, изданіе Терскаго областного статистическаго комитета.

[13]) Ткачевъ Откуда вышло Гребенское войско и гдѣ было первоначальное мѣсто его поселенія. Часть I (рукопись).

[14]) Тамъ же.

[15]) Трехсолѣтіе Терскаго казачьяго войска С. И. Писарева. Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ И. Д. Попко.

[16]) О началѣ Терскаго войска. Сбор. Импер. русскаго истор. общ. т. 115. Наказъ Кавказскимъ казакамъ. Донесеніе о томъ же Терско-Кизлярскаго войска генералу Кноррингу 13 мая 1799 г. № 68.

Глава III.

[1]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

[2]) Тамъ же. Соловьевъ т. VI. гл. 5. Карамзинъ т. IX гл. 2.

[3]) Шора-Ногманъ. Исторія Адыхейскаго народа. Кавказскій календарь.

[4]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Матеріалы Синюхаева: выписки изъ Крымскихъ дѣлъ № 13.

[5]) Соловьевъ т VI гл. 5. Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

[6]) Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго.

[7]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

[8]) Изъ матеріаловъ Е. Г. Вейденбаума: Памятники дипломатическихъ сношеній древней Руси съ державами иностранными. Часть 1.

[9]) Вейденбаумъ. Матеріалы для историко-географическаго словаря Кавказа. Выпускъ I.

[10]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

[11]) Изъ матеріаловъ Вейденбаума: Турецкій историкъ Али, описавшій войны турокъ съ персіянами въ Закавказьѣ. Hammer. Histoire de l'Empire Ottoman. VII.

[12]) Очерки казачьей старины. М. А. Карауловъ: Казаки восточные—городовые и вольные.

[13]) Изъ матеріаловъ Синюхаева. Бѣлокуровъ. Родословныя книги кабардинскихъ князей и мурзъ.

[14]) Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго.

[15]) Энциклопедистъ Толь относитъ это событіе къ болѣе раннему времени, именно ко взятію Астрахани, но источника, откуда взято это свѣдѣніе, не указываетъ; напротивъ, всѣ другіе, занимавшіеся изслѣдованіемъ казачьей старины, а равно и народныя преданія относятъ его ко времени Ермака.

[16]) Берже. Чечня и чеченцы.

[17]) Изъ матеріаловъ Синюхаева.

[18]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

Глава IV.

[1]) Очерки казачьей старины М. А. Карауловъ. Выпускъ I.

[2]) Очеркъ Кавказскихъ войнъ отъ начала ихъ до присоединенія Грузіи. Изданіе Воен.-Ист. Отдѣла Шт. Кавк. Воен. Округа.

[3]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Посольство въ Грузію Родіона Биркина, Петра Пивова и подъячаго Степана Полуханова. Матеріалы Синюхаева: выписки изъ дѣлъ Грузинскихъ № 1.

[4]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ и матеріалы Синюхаева: дѣла Ногайскія № 13.

[5]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

[6]) Олеарій: Путешествіе въ Московію. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древности Россіи 1852 г. кн. 15.

[7]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

[8]) Тамъ же. Рукописный сборникъ матеріаловъ академика Буткова № 12. Матеріалы Синюхаева: Крымскій статейный списокъ 1586 года.

[9]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Посольство отъ Шиха князя Окуцкаго и отъ князя Алкаса.

[10]) Изъ матеріаловъ, собранныхъ Г. Т. Синюхаевымъ и Бѣлокуровъ.—Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

[11]) Бѣлокуровъ. Отписки изъ Терка воеводы князя Андрея Хворостинина.

[12]) Тамъ же.

[13]) Бѣлокуровъ. Посольство въ Грузію Звенигородскаго и дьяка Торха Антонова.

[14]) Тамъ же.

[15]) Тамъ же и Вейденбаумъ: Матеріалы для историко-географич. словаря Кавказа. Вып. I.

[16]) Бѣлокуровъ, тамъ же.

[17]) Тамъ же.

[18]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Соловьевъ т. 12 гл. 3.

[19]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Посольство изъ Грузіи князя Арама и архимандрита Кирилла.

[20]) Бѣлокуровъ. Посольство Звенигородскаго.

[21]) Тамъ же.

Глава V.

[1]) Соловьевъ. Т. VII гл. 4.

[2]) Тамъ же т. VII гл. 3. И. Попко: Терскіе казаки съ стародавнихъ временъ—рукописный сборникъ преданій генерала Ѳ. Ф. Федюшкина и преданія, сохранившіяся въ семействахъ Джембойлуковскаго муллы Куръ-Магома, а также Костековскаго владѣльца Будай-хана Гамзина и Аксаевскаго князя генералъ-маіора Мусы-Хасая Уцміева. Матеріалы Синюхаева—Дѣла Грузинскія № 1.

[3]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

[4]) Попко. Терскіе казаки съ дародавнихъ временъ.

[5]) Бѣлокуровъ. Сношенія съ Кавказомъ.

[6]) Тамъ же.

[7]) Бѣлокуровъ. Посольство въ Грузію Ив. Аф. Нащокина и Ив. Леонтьева. Посольство изъ Грузіи старца Кириллы и подъячаго Саввы.

[8]) Бѣлокуровъ. Посольство въ Грузію Михаила Татищева и дьяка Андрея Иванова.

[9]) Тамъ же.

[10]) Тамъ же.

[11]) Матеріалами для описанія похода Бутурлина служили: Бѣлокуровъ—посольство въ Грузію

Татищева, Исторія государства Россійскаго Карамзина т. X гл. 1. Попко: рукописный сборникъ преданій генерала Федюшкина; преданія, сохранившіяся въ родѣ Тарковскаго муллы Гассана, и рукописный сборникъ матеріаловъ академика Буткова.

12) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ и матеріалы Синюхаева.—«Памятники» Веселовскаго.

Глава VI.

1) Соловьевъ т. VIII гл. 2.

2) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же и матеріалы Синюхаева: выписки изъ польскихъ дѣлъ № 26 и 27.

5) Соловьевъ т. VIII гл. 3. Карамзинъ т. XI гл. 4. Матеріалы Синюхаева: Акты археографической комиссіи т. XI.

6) В. А. Абаза. Исторія русскаго народа.

7) Карамзинъ т. XI гл. 2—4. Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

8) Бѣлокуровъ тамъ же. Карамзинъ т. XII. Изъ матеріаловъ Синюхаева: выписки изъ Никоновской лѣтописи, Степенная книга Латух. и друг.

9) Никановская лѣтопись 85—86.

10) Тамъ же.

11) Бѣлокуровъ Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

12) Изъ матеріаловъ Г. Т. Синюхаева.

13) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ.

14) (Источникъ авторомъ не указанъ).

15) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ—о дѣйствіяхъ Терскаго войска противъ Заруцкаго. Кабардинскія дѣла 1614 г. № 1 и 2.

16) Изъ матеріаловъ Синюхаева.

17) Соловьевъ т. XI гл. 2 и Акты археографической комиссіи т. III.

Глава VII.

1) Е. Г. Вейденбаумъ. Матеріалы для историко-географическаго словаря Кавказа. Вып. I.

2) Изъ матеріаловъ Г. Т. Синюхаева.

3) Рукописный сборникъ историческихъ матеріаловъ академика Буткова.—Попко: Гребенскіе казаки. Матеріалы Синюхаева: выписка изъ ногайскихъ дѣлъ № 1 и статья академика Гамбы. «С.-Петербургскія вѣдомомости» 1829 г. № 80.

4) Карамзинъ т. VIII и матеріалы Синюхаева: выписки изъ Никоновской лѣтописи и ногайскихъ дѣлъ.

5) Рукопись академика Буткова № 12. Историческое описаніе земли войска Донскаго.

6) Историческіе акты т IV.

7) Кавказскій календарь 1858 года. Записки о Московіи Олеарія.

8) Бѣлокуровъ. Сношенія съ Кавказомъ. Записки о Московіи Олеарія. Жалоба Муцала помѣщена полностью въ чтеніяхъ въ Императорскомъ Московскомъ обществѣ исторіи и древности Россіи 1894 г. кн. III.

9) Чтеніе въ обществѣ любителей исторіи и древностей Россіи 1887 г кн. II.

10) Соловьевъ т. VI гл. 5 и т. 9 гл. 4. Карамзинъ т. 9 гл. 3. М. А. Карауловъ—Очерки казачьей старины вып. 1. Академикъ Бутковъ—рукописный сборникъ матеріаловъ и мат. Синюхаева—выписки изъ Крымскихъ дѣлъ № 14. Христоматія Буслаева—Исторія объ Азовскомъ осадномъ сидѣніи.

[11]) Тамъ же.

[12]) Историческіе акты т. IV. Попко—Гребенскіе казаки. Наказы изъ посольскаго приказа астраханскимъ воеводамъ князю Голицыну и Семену Пожарскому. Воеводскія донесенія.

[13]) Историческіе акты т. IV.

[14]) Тамъ же.

Глава VIII.

[1]) Соловьевъ т. XII гл. 5.

[2]) Соловьевъ, тамъ же. Историческіе акты т. IV. Попко—Гребенскіе казаки.

[3]) Акты исторической археографической комиссіи т. IV.

[4]) Тамъ же.

[5]) Сборникъ историческаго общества т. 115. Наказы Кавказскимъ казакамъ.

[6]) Рукописный сборникъ историческихъ матеріаловъ Буткова № 15.

[7]) Матеріалами для исторіи бунта Стеньки Разина служили: Соловьевъ т. XI гл. 5. Акты Историческіе, т. IV, Историческое описаніе земли войска Донскаго, изданіе статистическаго комитета, Костомарова—Бунтъ Стеньки Разина, А. Попова—матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина.

Глава IX.

[1]) Дебу. О Кавказской линіи и присоединенномъ къ ней Черноморскомъ войскѣ. Издан. 1829 г. и Кавказскій календарь 1858 года: Подробности заселенія Кавказской линіи.

[2]) Сборникъ рукописныхъ матеріаловъ Буткова № 12.

[3]) Тамъ же.

[4]) Полное Собраніе Законовъ т. I ст. 743.

[5]) Кавказская война въ очеркахъ, разсказахъ, легендахъ и біографіяхъ.

[6]) Попко—Гребенскіе казаки; рукописный сборникъ историческихъ матеріаловъ Буткова.

[7]) Рукописный сборникъ историческихъ матеріаловъ Буткова № 12.

[8]) Этого мнѣнія держится изслѣдователь казачьей старины Г. А. Ткачевъ.

[9]) Дополненіе къ историческимъ актамъ т. XII.

[10]) Матеріалы Синюхаева. Попко—Гребенскіе казаки. Дружинина—Расколъ на Дону. Дополненіе къ историческимъ актамъ т. 12.

[11]) Рукописный сборникъ матеріаловъ Буткова № 12. Матеріалы Синюхаева—выписки изъ Донскихъ дѣлъ 1690 года № 13.

[12]) Бѣлокуровъ. Сношенія Россіи съ Кавказомъ. Попко. Гребенскіе казаки.

[13]) Соловьевъ т. XIV.

[14]) Историческіе акты т. X. Отписки Астраханскому воеводѣ стрѣлецкихъ головъ Волкова и Сербина о пораженіи аграханскихъ раскольниковъ на Сунжѣ. Выписки изъ дѣлъ Донскихъ ст. 19 № 3 1698 г.

[15]) Пушка, присланная атаманомъ Емельяновымъ, какъ кажется, была задержана у себя княземъ Муртазали Мисостовымъ, на землѣ котораго жили раскольники, и возвращена была имъ по требованію Терскаго воеводы послѣ пораженія Маныцкаго на Сунжѣ.

[16]) Милюковъ. Государственное хозяйство въ Россіи и реформы Петра Великаго. Государственная роспись доходовъ и расходовъ въ началѣ XVIII вѣка.

[17]) Выписка изъ дѣлъ Донскихъ 1691 г. ст. 19 № 7.

Глава X.

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Устряловъ. Исторія Петра Великаго.

[2]) Тамъ же.

3) Соловьевъ. Исторія Россіи. Устряловъ. Исторія Петра Великаго.

4) Попко. Гребенское войско. Бутковъ. Историческіе матеріалы, рукопись № 12.

5) Тамъ же.

6) Тамъ же. Выписки изъ дѣлъ Донскихъ.

7) Соловьевъ. Исторія Россіи т. XV гл. 2.

8) Бутковъ. Рукопись. Сборникъ историческихъ матеріаловъ. Наказы Кавказскимъ казакамъ. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества т. 115—наказъ Терско-Кизлярскому войску и рапортъ того же войска генералу Кноррингу 13 мая 1799 года № 68.

9) Соловьевъ. Исторія Россіи.

10) Полное Собраніе Законовъ 30 сентября 1708 года ст. 2207.

11) (Источникъ авторомъ не указанъ).

12) (Источникъ авторомъ не указанъ).

13) Рукопись Императ. пуб библіотеки. Послужной списокъ Кубанскаго похода 1711 года. изъ коего видно, что ни Гребенцы, ни Терцы въ походѣ не участвовали.

14) Соловьевъ. Исторія Россіи.

Замѣченныя въ I томѣ существенныя опечатки:

Страница.	Строка.		Напечатано.	Слѣдуетъ.
15	11	снизу	рѣшенымъ	рѣшеннымъ
19	21	"	которыя	которые
35	15	сверху	Данклиша	Джанклиша
37	17	"	корорые	которые
40	24	снизу	Солохи	Солоху
40	20	"	Кварскому	Аварскому
47	15	сверху	по прежнему	попрежнему
52	24	"	Дагестанъ:	Дагестанъ
53	26	"	воспользоватьсп	воспользоваться
71	17	снизу	о согнать	и согнать
81	27	"	поплыбо	поплыло
89	13	"	отдаляемса	отдаляемся
91	24	"	до толѣ	дотолѣ
96	2	сверху	остаталось	осталось
96	14	снизу	южно-русскіе	южно-русскія
105	11	"	Мотвѣевичу	Матвѣевичу
109	13	сверху	кардонная	кордонная